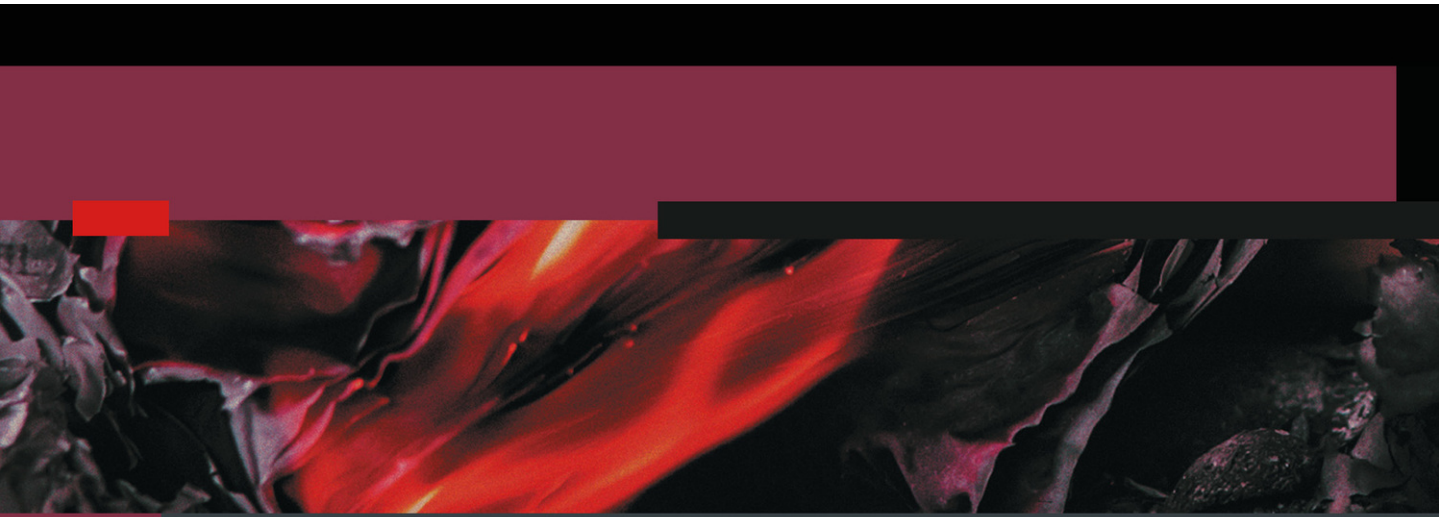

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В АУШВИЦКОМ АДУ

Центральные документы Холокоста

Павел Полян

История де-факто

Павел Полян

Жизнь и смерть в аушвицком аду

«Издательство АСТ»

2018

УДК 94(100)»1939/45»
ББК 63.3(0)62

Полян П. М.

Жизнь и смерть в аушвицком аду / П. М. Полян — «Издательство АСТ», 2018 — (История де-факто)

ISBN 978-5-17-109487-4

Члены «зондеркоммандо», которым посвящена эта книга, это вспомогательные рабочие бригады в Аушвице-Биркенау, которых нацисты составляли почти исключительно из евреев, заставляя их ассистировать себе в массовом конвейерном убийстве десятков и сотен тысяч других людей, — как евреев, так и неевреев, — в газовых камерах, в кремации их трупов и в утилизации их пепла, золотых зубов и женских волос. То, что они уцелеют и переживут Шоа, нацисты не могли себе и представить. Тем не менее около 110 человек из примерно 2200 уцелели, а несколько десятков из них или написали о пережитом сами, или дали подробные интервью. Но и некоторые погибшие оставили после себя письменные свидетельства, закапывая их в землю и пепел вблизи крематориев Аушвица-Освенцима. Часть из них была там и обнаружена после войны. Эти свитки — бесспорно, центральные документы Холокоста, до недавнего времени совершенно неизвестные в России. Книга рассчитана на всех интересующихся историей Второй мировой войны и Холокоста.

УДК 94(100)»1939/45»

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-17-109487-4

© Полян П. М., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

От автора	8
Об этой книге	8
Понятия и термины	10
Благодарности	11
Жизнь и смерть в аду	14
Резиденция смерти: демографический баланс Аушвица	14
Ареал и метрополия холокоста	14
Два лагеря в одном: концентрационный и истребительный	15
Оценки числа жертв	18
Подопытные: советские военнопленные	23
Оценки ЧГК	25
Современные оценки	30
Чернорабочие смерти: «зондеркоммандо» в Аушвице-Биркенау	33
«Зондеркоммандо»: понятие и фронт работ	33
Образцовая фабрика смерти	36
«Зондеркоммандо»: ротации и селекции	39
Пополнение из Майданека	45
Последние селекции	47
Кого брали в «зондеркоммандо»?	49
Феномен «зондеркоммандо»	51
«Умри ты сегодня, а я завтра!»	56
Уничтоженный крематорий: смысл и цена одного восстания	57
Побеги и самосуды	57
Диспозиция сопротивления: польский и еврейский центры	61
Подготовка восстания: планы, сроки и руководители	66
Подготовка восстания: оружие и порох	70
Ход восстания	72
После восстания	78
Преступники или герои?	81
Сатанинское искушение	81
Преступники или герои?	83
Свитки из пепла: история обнаружения, прочтения, перевода и издания	88
После освобождения: канадьяры, или человеческие гиены	88
После освобождения: новые хозяева	89
Поиски и находки еврейских рукописей	91
Прочсть непрочитанное: методы мультиспектральной съемки и ожившая рукопись	96
История публикации и переводов текстов членов «зондеркоммандо»	98
Летописцы и их тексты	104
Залман Градовский: в сердцевице ада	104
И в конце тоже было слово...	104
1	104
2	110
3	113

Схроны и их содержимое	115
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Павел Полян
Жизнь и смерть в аушвицком аду

© Павел Полян, текст

© ООО «Издательство АСТ»

От автора

Об этой книге

Зарождению и прорастанию самой этой книги серьезно помогла случайность.

Осенью 2004 года, разыскивая в фондах Центрального военно-медицинского музея в Санкт-Петербурге материалы о советских военнопленных, Николай Поболь и пишущий эти строки обнаружили в каталоге упоминание о записной книжке Залмана Градовского – члена еврейской зондеркоммандо в Аушвице-Биркенау.

Ниточки от этой находки потянулись к «зондеркоммандо» как феномену и к зондеркоммандовцам – другим, помимо Градовского, ее членам, также оставившим записки, обнаруженным после войны.

Само их обнаружение после войны в земле и пепле возле газовых камер и крематориев Аушвица-Биркенау в истории еврейского народа и для истории еврейского народа по своей чудесности сопоставимо разве что с находками в генизе каирской синагоги в конце XIX века и обнаружением кумранских рукописей в 1947 году. Но только они – эти свитки из пепла – не просто пополнили наши знания, но, по наблюдению А.И. Шмаиной-Великановой, еще и перевернули наше знание о себе – представление о человеке.

Перевод на русский язык и публикации текстов Залмана Градовского 2008–2011 годов – журнальная (в трех номерах «Звезды» в 2008 году) и книжные (два издания, выпущенные в 2010 и 2011 гг. издательством «Гамма-пресс») – подвели, во-первых, к мысли о введении в научный оборот и других текстов с аналогичной судьбой и, во-вторых, к постановке вопроса об осмыслении «зондеркоммандо» как исторического явления.

Этим предопределена самая структура предлагаемой читательскому вниманию книги, ее двухчастность и сочетание авторского и составительского начал. Первая ее часть – сугубо авторская, вторая – антологическая.

Первая начинается с глав-очерков, посвященных оценке количества жертв, убитых в Аушвице, информированности об этом лагере стран коалиции – Великобритании, США и СССР, а также тому, как красноармейцы освобождали Аушвиц от немцев, а главпуровцы – уже освобожденный Аушвиц – от евреев. Продолжается – главами о «зондеркоммандо», воспринимаемым как беспримерное историческое и, одновременно, психоэтическое явление. Реконструируются обстоятельства сопротивления в условиях Аушвица-Биркенау и восстания 7 октября 1944 года, а также общий фон послевоенных поисков и находок рукописей, а также публикаций их текстов (индивидуальные особенности вынесены во вторую часть – в преамбулы к соответствующим текстам).

При этом первая часть – все же не монография в строгом смысле слова, а серия очерков, сцепленных друг с другом и с осью повествования не жестко каузально, а свободно и как бы веерно: каждый добавляет в главное свою краску, каждый проливает на него свой дополнительный свет.

Вторая часть книги посвящена – или лучше сказать предоставлена – самим летописцам. Она вобрала в себя все девять уцелевших текстов тех пяти членов зондеркоммандо, рукописи которых были обнаружены между 1945 и 1980 гг.: Залмана Градовского, Лейба Лангфуса, Залмана Левенталья, Хайма Германа и Марселя Наджари. Десятой к ней добавлена рукопись Аврома Левите: он не имел никакого отношения к «зондеркоммандо» в Биркенау, но его текст – предисловие к литературному альманаху «Ойшвиц» – был написан всего лишь в нескольких сотнях метров от газовых камер и крематориев – в общем лагере Биркенау, причем судьба самой рукописи также чрезвычайно сложна и впечатляюща.

Тем самым мы имеем дело с некоей внутренней антологией в книге, составленной из произведений, изначально «отобранных» самим Провидением – и не для печати, а для физического спасения! Скомпонованные уже для печати, они, на мой взгляд, дают самое непосредственное представление и самое яркое впечатление о том, что происходило в газовнях и крематориях Биркенау. Без тени преувеличения: это – центральные эго-документы Холокоста!

Учитывая фактическую разножанровость всех этих произведений узников, – от подражания пророкам и до бытового письма, – ее можно было бы уподобить еще и как бы воскресшему альманаху, но, боюсь, что замысел редакторов «Ойшвица», при всей его дерзости, был все же гораздо уже.

Каждому из шести летописцев во второй части книги посвящен отдельный раздел, открываемый специальным очерком о его судьбе, о находках его рукописей, их переводах и их изданиях. Далее следуют тексты самих летописцев в переводе на русский язык и с комментариями, подготовленными мной или же мной совместно с их переводчиками. В результате каждый текст оказывается в центре и обрамлении своих индивидуальных контекстных материалов.

Сами переводы делались с оригиналов, и лишь в одном случае («Депортация» Л. Лангфуса) – при затруднительности прочесть оригинал – с промежуточного источника. В настоящем – фактически третьем по счету – издании учтены два существенных уточнения в текстах членов зондеркоммандо: первое – добавлена крошечная главка «Воссоединение» (Vereinigung) – в конце текста «В сердцевине ада»¹; второе – помещена обновленная (значительно увеличившаяся) версия текста М. Наджари².

Все тексты, составившие второй раздел, предварительно, отдельно и под именами авторов выходили в периодической печати³. Для книжного издания все переводы были переводчиками заново просмотрены и уточнены.

Отточиями в квадратных скобках [...] обозначены фрагменты, так и оставшиеся непрочитанными. Рабочие конъектуры преобразованы при редактировании в элементы цельного текста.

Раздел приложений составили: первое – хроника событий, связанных с «зондеркоммандо» в Аушвице-Биркенау, второе – библиография публикаций их текстов, третье – подборка советских документов, фиксирующих то, что освободители – Красная Армия – застали в концлагере Аушвиц в день его освобождения, и, наконец, четвертое – протоколы допросов бывших членов зондеркоммандо Ш. Драгона, Г. Мандельбаума и Г. Таубера – самых первых в череде их свидетельских показаний.

Завершают книгу перечни принятых сокращений и использованной литературы.

¹ Она была опущена в первых изданиях этого текста, подготовлявшихся самим Х. Волнерманом (на идише) и Б. Марком (на иврите). Возможно дело было в том, что эта главка (или уцелевший ее фрагмент?) показалась публикатором недостаточно длинной или недостаточно цельной?

² См. подробнее в соответствующих разделах.

³ В журналах «Звезда», «Новый мир», «Ab Imperio» и «Дилетант», а также в газетах «Московские новости» и «Еврейское слово».

Понятия и термины

Термины «Шоа» и «Холокост» употребляются в настоящем издании, в соответствии со сложившейся практикой, как де-факто синонимы. В то же время этимологически они весьма отличаются друг от друга: «Холокост» по-гречески – это «всесожжение», а «Шоа» на древнееврейском – «бедствие», «катастрофа». Само по себе уподобление катастрофы «жертвоприношению» более чем сомнительно, но в русском языке, как и в немецком, в отличие, впрочем, от всех европейских языков, восходящих к латыни, не существует словарного различия двух типов жертв – жертв геноцида и вообще насилия и жертв культового заклания, что смягчает названное противоречие и делает приемлемой широко распространившуюся практику употребления слова «Холокост». Следует отметить, что в русском языке все больший вес приобретает синонимическое употребление слова «*Катастрофа*».

Отдельного пояснения, безусловно, заслуживает центральное для книги понятие «зондеркоммандо» (*Sonderkommando*). Оно и приводится, но, в интересах цельности изложения, не здесь, а в начале соответствующей главы (*Чернорабочие смерти: «зондеркоммандо» в Аушвице-Биркенау*). В своем тексте я придерживался взятой в кавычки немецкой транслитерации, с сохранением среднего рода и двойного *м*, как наиболее аутентичного варианта, позволяющего при передаче сути термина не смешивать его с устойчиво негативными ассоциациями с зондеркомандами СД. В литературе, однако, есть и иные примеры: зондеркоманда, спецкоманда, спецбригада.

Обозначение *Аушвиц* закреплено за городом Освенцим в период немецкой оккупации и входит в название современного музейного комплекса, причем Аушвиц-1 – это основной, или базовый, концлагерь. Во всех послевоенных контекстах мы пользуемся польским топонимом *Освенцим*.

Принятая в настоящем издании, вслед за «Календариумом» Дануты Чех⁴ и другими изданиями, индексация крематориев римскими цифрами охватывает все пять крематориев Аушвица и Биркенау и начинается с самого первого, расположенного возле основного лагеря в Аушвице-1; остальные четыре крематория, с запада на восток, получили номера со II по V.

В текстах Градовского, Левенталья и Лангфуса нумерация крематориев иная – с I по I V, а крематорий I в базовом лагере Аушвиц-1, где они не были и нескольких часов, в их сознании просто отсутствует. Во избежание путаницы унифицированная индексация крематориев выдержана по всей книге, а соответствующие исправления в текстах внесены без дополнительных оговорок.

⁴ Czech, 1989.

Благодарности

Этот проект был бы невозможен без поддержки многих лиц и нескольких организаций.

В первую очередь хочу поблагодарить архивистов – российских, израильских, польских и американских, без помощи которых книга не могла бы состояться. Среди них – сотрудники Военно-медицинского музея в Санкт-Петербурге А. Волькович, В. Грицкевич, В. Лопухов и, в особенности, И. Козырин; Мемориала «Яд Вашем»: Д. Банкье, Н. Гельперин, И. Гутман, Н. Коэн, Р. Марголина и, в особенности, М. Ионина и А. Шнеер; Мемориального музея Холокоста в США: П. Блэк и, в особенности, П. Ильин; Государственного мемориального музея Аушвиц-Биркенау в Освенциме: Ф. Пипер, П. Сеткевич и, в особенности В. Плоса; Института еврейской истории в Варшаве: Э. Бергман, А. Жбиковский и, в особенности, М. Чайка и Я. Ягельский; Института народной памяти в Варшаве: Р. Ляшкевич и Я. Пивовар; Государственного мемориального музея в Майданеке в Люблине (А. Войчик, Т. Кранц и, в особенности, Р. Кувалек) и Музея Штутгоф в Штуково (П. Тарновский и Б. Тартаковская).

В этом же ряду должен быть назван и Иосиф Волнерман (Иерусалим), сын Хайма Волнермана – открывателя и публикатора одной из рукописей З. Градовского, предоставивший сохранившиеся у него материалы. Неоценимую помощь в архивных разысканиях оказал Николай Поболь (Москва).

Огромное спасибо переводчикам текстов членов «зондер-коммандо» – Александре Полян, Алине Полонской и Дине Терлецкой (все – Москва), они же соавторы комментариев к переведенным текстам. Каждая из них проявила совершенно исключительные или энтузиазм и неравнодушие.

Эта книга вынашивалась и писалась в опоре на достижения многих коллег-историков, среди которых особенно значимыми являлись публикации Андреаса Килиана (Франкфурт-на-Майне) и Гидеона Грайфа (Тель-Авив). Очень многим книга была обязана Ире Рабин (Берлин), в накаленных спорах с которой, в бытность знакомства с ней, оттачивались или рождались некоторые из ее аспектов. На завершающем этапе с рукописью ознакомилась Анна Шмайна-Великанова (Москва), чьи точные замечания и соображения не раз заставляли меня возвращаться ко многим и, быть может, наиболее трудным ее местам. То же можно сказать и об Андреасе Килиане, знакомившимся с текстом по мере перевода ее фрагментов на немецкий язык. Неоценим вклад и Александра Никитяева (Тула), сотворившего технологическое чудо и с помощью теории мультиспектрального анализа и цифровой обработки изображений сумевшего заново прочесть текст Марселя Наджари.

Кроме того, я хочу вновь поблагодарить и других коллег, чьи слова или дела помогали этому многолетнему и исключительно трудному проекту. Это М. Ерчинский (Варшава), К. Зелинский (Люблин), Р. Капланов (Москва), Я. Карас (Фрайбург – Афины), М. Карп и П. Карп (Санкт-Петербург – Лондон), Л. Кацис (Москва), К. Кратцат (Фрайбург), П. Криксунов (Иерусалим), М. Куницки-Гольдфингер (Варшава), С.А. Лопатёнок (Санкт-Петербург), А. Люстигер (Франкфурт-на-Майне), Х.-Х. Нольте (Ганновер), Е. Нудельман (Штуттгарт), А. Поморский (Варшава), М. Рольникайте (Санкт-Петербург), Я. Савицкий (Фрайбург), Ю. Сафонова (Москва), Л. Смиловицкий (Иерусалим) и Г. Смолянский (Петрозаводск), А. Шнеер (Иерусалим) и Ю. Царуски (Мюнхен).

Отдельная благодарность – редакторам и издателям промежуточных публикаций текстов членов «зондеркоммандо», подготовленных мною. Это М. Зильберквит и В. Панкратова (ГАММА-ПРЕСС), В. Губайловский («Новый мир»), Д. Датешидзе («Звезда»), С. Нехамкин («Известия»), В. Подольный («Еврейское слово»), Б. Горин и Е. Новикова («Лехайм»), М. Румер («Еврейская газета»), Б. Пастернак и Е. Рыбакова («Московское время»), А. Семенов (Ab Imperio), В. Дымарский («Дилетант»), Д. Муратов («Новая газета») и Ю. Царуски

(«Viertelsjahresheft für Zeitgeschichte»). И, конечно, Е. Барыбина, Г. Логвина, Е. Ларина и И. Анискин – редакторам двух первых изданий книги «Свитки из пепла» (Ростов, издательство «Феникс», 2013 и Москва, издательство «АСТ», 2015).

Слова благодарности также и Б. Бассу (Москва), Е. Берковичу (Ганновер), Ю. Векслеру (Берлин), Ю. Домбровскому, Г. Горбовицкому, Д. Давыдову, П. Дейниченко, Н. Клейману (Москва), Т. Лазерсон (Хайфа), Ю. Полевой (Москва), В. Порудоминскому (Кельн), М. Румеру (Берлин), М. Швыдкому и А. Шмаиной-Великановой (Москва) за их отклики (отзывы на рукопись или рецензии) на книгу З. Градовского или на первое издание этой книги⁵.

Наконец, большое спасибо и спонсорам – как финансовым, так и информационным, – этого многоступенчатого проекта. Перечислим их, стараясь придерживаться хронологии. Прежде всего – это Д. Хохбаум и Фонд еврейского культурного наследия (Нью-Йорк), чей скромный грант позволил провести самые необходимые первичные разыскания в архивах и библиотеках Москвы, Санкт-Петербурга, Иерусалима, Варшавы и Освенцима, а также перевести и снабдить комментарием все дошедшие до нас тексты Градовского. Далее – это Общество еврейского наследия и культуры, а также В. Слуцкер, Й. Тавор и С. Шухман, вложившие свои личные средства в упомянутые издания З. Градовского. Российский еврейский конгресс взял на себя расходы по переводу всех остальных, кроме Градовского, текстов членов «зондеркоммандо» на русский язык и подготовке первого издания этой книги в рамках замысленной серии «Свитки из пепла: свидетельства о Катастрофе»⁶.

Еврейский музей и Центр толерантности в Москве организовал целую серию мероприятий, посвященных зондеркоммандо: 24 сентября 2013 года – презентацию первого издания книги⁷, 7 октября 2014 года – в день 70-летия восстания членов «зондеркоммандо» в Аушвице-Биркенау – вечер памяти об этом событии⁸, а 21 июня 2016 года – публичную лекцию П. Поляна и Александра Никитяева «Прочитать непрочитанное! Как и что открылось в рукописи Марселя Наджари, члена еврейской зондеркоммандо из Аушвица-Биркенау?».

Последнее событие было организовано совместно с Фондом Д.Б. Зимина «Династия», чьей премии «Просветитель» за 2014 год (шорт-лист) удостоилась и сама книга «Свитки из пепла»⁹. Газета «НГ-Exlibris» включила «Свитки из пепла» в список 50 лучших книг 2013

⁵ См., в частности, рецензии: Пять книг недели // НГ-Exlibris. 2013. 14 ноября. С. 1. В сети: http://www.ng.ru/fve/2013-11-14/1_5books.html; Давыдов Д. Чернорабочие смерти // Книжное обозрение. 2014. № 1-2. С.14; Домбровский Ю. И в конце тоже было слово... О книге Павла Поляна «Свитки из пепла. Еврейская зондеркоммандо в Аушвице-Биркенау и ее летописцы» // Новая газета. 2014. № 8. 27 января. С.22. В сети: <http://www.novayagazeta.ru/issues/2014/2137.html>; Векслер Ю. Заговоривший пепел. Зондеркоммандо в лагере смерти // Радио Свобода. Культурный дневник / Книжный шкаф. 2014. 22 февраля. В сети: <http://www.svoboda.org/content/article/25264129.html>; Векслер Ю.// Еврейская газета (Берлин). 2014. № 4. С. 21; Литература в Освенциме и после Освенцима: Анна Шмаина-Великанова о книге записок и свидетельств членов зондеркомманды лагеря Аушвице-Биркенау / Записала Елена Рыбакова // <http://www.colta.ru/articles/literature/3114>; Шмаина-Великанова А. Молчанию вопреки. Предательства и геройства в лагерях смерти // НГ-Exlibris. 2014. 28 августа; Румер М. В скрытом от божьего слуха погребке. Заметки о «свитках из пепла» // Еврейская панорама (Берлин). 2014. № 1 (июнь). С.44; Румер-Зараев М. В скрытом от божьего слуха погребке. Заметки о «свитках из пепла» // Неприкосновенный запас. 2014. № 3. В сети: <http://magazines.russ.ru/nz/2014/3/24k.html>; Дейниченко П. Механизмы уничтожения. Записки с той стороны бытия // GEO. 2014. № 6. С. 140. В сети: <http://www.geo.ru/geo-rekomenduet/svitki-iz-pepla>; Автограф. Свитки из пепла. Еврейская «Зондеркоммандо» в Аушвице-Биркенау и ее летописцы / Интервью с Ю. Полевой // Постнаука. 2014. 22 октября. В сети: <http://postnauka.ru/talks/34940>

⁶ Сама по себе серия, увы, опочила в бозе. Отмечу ту позитивную роль, которую в переговорах с РЕК играли Ю. Каннер и Л. Витенберг, как и ту сугубо отрицательную, которую на себя взвалили И. Альтман и Б. Брискин, успешно серию загубившие. Это поучительная новелла, но не из этой, а из какой-то другой книги.

⁷ В презентации, которую вел Ю. Домбровский, приняли участие, кроме автора, А. Шмаина-Великанова, Л. Кацис и А. Полонская.

⁸ В вечере, который вели Б. Горин и П. Полян, приняли участие Н. Клейман, Я. Каллер, А. Ковельман, Д. Карпов, Л. Симкин, А. Валькович и Ю. Домбровский. Был показан документальный фильм Э. Фридлера «Рабы газовых камер» (2001).

⁹ См.: Объявлен лонг-лист премии «Просветитель» сезона 2014 // <http://premiaprosvetitel.ru/news/view/?221>; Книга о еврейской «зондеркоммандо» стала финалистом премии «Просветитель»-2014. В сети: <http://lenta.ru/news/2014/09/23/premiaprosvetitel/>; Минкультпросвет. Сегодня в Москве объявили шорт-лист финалистов премии «Просветитель». В сети: <http://www.svoboda.org/content/article/26601720.html>

года¹⁰. Публичные лекции Поляна и Никитяева о заново прочитанном тексте Марселя Наджари состоялась также в Сахаровском центре в Москве (26 января 2018 года) и Центре иудаики Торонтского университета (5 марта 2018 года) и в рамках конференции, посвященной зондер-коммандо и состоявшейся 12–13 апреля 2018 года в Берлине¹¹.

В оформлении книги использованы материалы ГАРФ, ВММ, Мемориального музея Холокоста США (Вашингтон), АРМАВ, АРММ, ŻIH, а также семейных архивов М. Карпа, А. Лопатёнка и Х. Волнермана.

¹⁰ См.: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2013-12-26/1_glavnaya.html

¹¹ Организаторы – Центр Марка Блока в Берлине и Центр исследований литературы и культуры.

Жизнь и смерть в аду

Резиденция смерти: демографический баланс Аушвица

И удивительная вещь: скоты использовали все – кожу, бумагу, ткани, все служившее человеку, все нужно и полезно было скотам, лишь высшая драгоценность мира – жизнь человека – растаптывалась ими.
Василий Гроссман. «Треблинский ад»

Там, в Засолье, немцы построят печи и сожгут всех детей Авраамовых.
Еврейский мальчик Алекс-Стерх из Ушпицына

Возможности уничтожения даже в Аушвице были не безграничны.
Р. Хёсс

Ареал и метрополия холокоста

Ареал Холокоста в точности следует контурам Второй мировой войны на европейском театре боевых действий. Военные и карательные органы Германии и ее сателлитов, как и их многочисленные добровольные помощники из оккупированных областей, с энтузиазмом хватали и убивали евреев на просторах от Лапландии до Крита и от Амстердама до Нальчика. Если бы танки Роммеля не увязли в песках Аламейну, а прорвались на восток и вошли в Иерусалим, то за айнзацгруппой дело бы не стало: она была сформирована в Греции и только и ждала отправки...¹²

Негласной столицей этой империи человеконенавистничества являлся концлагерь в Аушвице, ныне Освенциме (по-еврейски Ойшвиц, или Ушпицын). *Anus Mundi*, или «Задница Земли», – как честно назвал это место один из не самых сентиментальных эсэсовцев¹³. Позднее Аушвиц-Биркенау назовут новыми для человеческого уха именами: «лагерем уничтожения», «фабрикой смерти», «мельницей смерти» и т. п., а иные даже расколют историю надвое – на время «до» и «после» Аушвица, причем «после» – уже не гоже писать стихи.

И сегодня, посещая Биркенау-Бжезинку и глядя на сохранившиеся ступеньки газовен, руины крематориев и деревья, видевшие все и вся, инстинктивно задерживаешь дыхание – и словно перестаешь дышать. И только пропуская над собой своды брамы – и выходя, наконец, из этой резиденции смерти, прочь от наликовавшихся всласть и налакавшихся еврейской крови убийц и палачей, – невольно останавливаешься для того, чтобы дать легким встретить возвращающийся воздух, восстановить дыхание и придти в себя. До чего же уютным и милым был старинный оперный *Inferno* времен Орфея и Данта!..

О сатанинской сакральности этого места существует одна легенда, которую можно было бы назвать и прекрасной, когда бы не те жуть и оторопь, что стоят за ее содержанием. Это история об Алексе-Аисте из Ушпицына – настоящая хасидская притча.

Я наткнулся на нее, читая книгу Генриха Шенкера, сына Леона Шенкера, последнего председателя Ушпицынской еврейской общины перед войной и первого председателя Освен-

¹² Mahlman K.-M., Cüppers M. Halbmond und Hakenkreuz. Das Dritte Reich, Araber und Palästina. Darmstadt, 2011. S.137-148.

¹³ Эсэсовский врач И. Кремер (*Kremers Tagebuch*, 1971).

цимской после войны – единственного еврея, кто пытался если не найти, то хотя бы выкупить у мародеров-поляков еврейские рукописи, выкопанные алчными подонками из земли вокруг крематориев.

...Однажды зимой 1939/1940 гг. 9-летний Генрих играл, как всегда, один на берегу Солы и встретил там душевнобольного мальчика, Алекса, лет 11-ти. Его прозвищем было «Стерх», то есть «Аист». Если кто-то давал ему монетку, то он становился на колени, махал руками, как крыльями, сжимал губы и нос в клюв, и кричал-кричал птичьим голосом – не отличишь! Если же монетка была большой, то он еще и танцевал в этом положении, махал крыльями-руками. Все смеялись, и «Аист» тоже, но лицо его оставалось неизменно печальным.

Часами и днями сидел Алекс на берегу реки и наблюдал за птицами. Он редко заговаривал сам, но слова его были всегда бессвязными. Каждое утро Генрих приносил для него бутерброд.

Однажды Алекс повернулся к Генриху, показал рукой на другой берег, по которому шла дорога в Бжезинку, и сказал совершенно нормальным голосом: «Там, в Засолье, немцы построят печи и сожгут всех детей Авраамовых». И добавил: «Но ты, ты не должен бояться!» – «Откуда ты это знаешь?», – спросил его потрясенный услышанным мальчик. – «Птицы рассказали», – так же разборчиво сказал Алекс и обнял его, как бы защищая от невидимой еще опасности. «И еще они мне сказали, что скоро здесь будет пахнуть жареным мясом и что они должны будут меня покинуть».

После чего его усталые глаза закрылись, и он снова потерял связь с миром...

Два лагеря в одном: концентрационный и истребительный

В Аушвице-Биркенау, прибегая к словечку *Lebensentziehung*¹⁴ из терминологии палачей, была «отрешена от жизни» каждая шестая жертва Шоа!

Рассмотрим историю и динамику оценок числа жертв этого места – быть может, самого зловещего на всей земле. Она поучительна.

Обзор соответствующих источников приводится в многочисленных исследованиях, выходявших на всех языках и по всему миру. Весьма обстоятельные первичные сведения, базирующиеся на уцелевших концлагерных архивах, можно почерпнуть из неперIODических аналитико-документальных сборников «Освенцимские тетради» и других изданий, выпущенных научным отделом мемориального музея в Освенциме. Компактное, но весьма цельное описание таких источников Франтишек Пипер дал в своей монографии «Количество жертв Аушвица на основе источников и исследований, выполненных в 1945–1990 гг.»¹⁵.

Концлагерь Аушвиц был освобожден 27 января 1945 года войсками 1-го Украинского фронта, на его территории работал целый ряд советских государственных комиссий. Перед оставлением и эвакуацией лагеря немцы систематически уничтожали лагерные архивы. Тем не менее в руки освободителей попал весьма значительный блок архивных материалов¹⁶. 26 марта

¹⁴ Термин *Lebensentziehung* встречается в технической документации газовых камер и крематориев; в качестве его перевода можно предложить следующие варианты: «жизнелишение», «жизнеотъятие», «жизнеотрешение» и даже «обезжизнение» и «отрешение от жизни». Не менее впечатляющим термином является обозначение газовых камер словом *Entwesungskammer* – «камера для избавления от существования»! (ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп. 108. Д.30. Л.41об.).

¹⁵ Цитирую по: Píper, 1993.

¹⁶ Эти документы поступили в Главное архивное управление НКВД СССР от Уполномоченного НКВД по 4-му Украинскому фронту при отношении № 6070 от 26 марта 1945 г. и находились в состоянии почти полной россыпи. См. соответствующий отчет: «Архив Германского концентрационного лагеря в Освенциме (Аушвице). Краткий обзор» от 4 сентября 1945 г., подписанный начальником 3-го отделения организационно-инспекторского отдела Главного архивного управления НКВД СССР лейтенантом Милушиным (ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп. 108. Д.30. Л.1-45об.). От внимания составителей отчета не ускользнуло, что комплекс вопросов, связанных с евреями, в уцелевших документах нашел себе отражение в наименьшей степени (л.9об.), что говорит косвенно и о том, что именно эти документы в наибольшей степени уничтожались накануне оставления лагеря.

1945 года они были направлены в Главное архивное управление НКВД СССР, где их привели в порядок, систематизировали и отчасти изучили. Та часть лагерного архива, что попала в Советский Союз, со временем была распределена между тремя хранилищами – ГАРФ, РГВА и ВММ.

Большинство документов относилось к находившемуся на территории лагеря «Центральному строительному Управлению войск СС и полиции безопасности в Аушвице»: эти материалы поступили для анализа, каталогизирования и оперативного использования в так называемый Особый архив НКВД СССР, где аккумулировались различные трофейные архивные материалы (позднее он стал составной частью РГВА).

Другая – меньшая – часть документов оказалась архивом комендатуры концентрационного лагеря Аушвиц: их оригиналы были переданы в ВММ в Санкт-Петербурге для изучения медицинских аспектов жизни и смерти в концлагере. Позднее к ним добавилась и рукопись на идише, написанная Залманом Градовским, польским евреем из-под Гродно, одним из зондеркомандовцев и руководителей их восстания 7 октября 1944 года¹⁷.

Наконец, в ГАРФ, в фонде ЧГК¹⁸, отложились главным образом материалы, сформировавшиеся во время работы в бывшем концлагере Аушвиц различных советских и советско-польских комиссий по установлению преступлений национал-социализма. Поскольку эти комиссии в значительной степени привлекали к подготовке своих отчетов и обнаруженный на месте архивный материал, то в ГАРФ отложилось немало копий тех документов, что впоследствии осели в РГВА и ВММ. Среди них встречаются и материалы, непосредственно относящиеся к демографическим оценкам Холокоста – в частности, самые первые оценки количества жертв Аушвица, датированные еще 16 марта 1945 года¹⁹.

Основополагающее значение имела система отбора и регистрации узников этого концлагеря – система, вошедшая в историю под названием СЕЛЕКЦИЯ. Аушвицкая коннотация этого мирного и позитивного слова, в довоенном сознании увязанного скорее с агрономией и Мичуриным, отныне и навсегда подмяла под себя любые другие его смыслы.

Одних узников, пригодных для принудительного труда, медицинских экспериментов и еще каких-нибудь целей, могущих родиться только в головах наци, ставили по одну сторону ramпы²⁰, других – старых, больных, инвалидов, малых детей – по другую²¹.

Первыми никто, правда, не восхищался, никто не гладил их по головке, но их регистрировали, накалывали на запястьях их персональные номера и везли в карантин. Им как бы говорили: «Ты нам еще нужен, ты будешь работать, а мы тебя будем даже кормить – так что будь паинькой и поживи пока».

А вот другим – тем, которых, как правило, на ramпе было подавляющее большинство, – посылался иной сигнал: «Ну для чего нам вас всех регистрировать? Ведь вы даже и не к нам, а совсем в другой лагерь – мы вам сейчас наврем, наплетем про трудовые лагеря на востоке, про баню и про дезинфекцию, а вы уж, пожалуйста, не волнуйтесь, проходите себе в раздевалку и делайте, что вам говорят».

В каком-то смысле все это правда. Не прошедшим селекцию – и впрямь не место в концлагере, в его великолепных утепленных бараках, на его восхитительных, на его роскошных

¹⁷ См. подробно в настоящем издании.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп.108.

¹⁹ См. Приложение 2.

²⁰ От *rampe* (фр.) – слабонаклонный пандус между двумя разными уровнями, обычно служащий для перемещения транспортных средств на железнодорожных платформах, на складах и т. п. Так называлась широкая платформа между двумя железнодорожными путями в Аушвице, а затем и в Биркенау, на которой, выбравшись из вагонов, оказывались новоприбывшие жертвы и где происходила селекция.

²¹ Впрочем, сюда же могли попасть и молодые и здоровые – в случае, если кто-то из проводивших селекцию эсэсовцев (как правило, их было двое: врач и офицер из зоны крематориев) заметит у них во рту золотые зубы (см. допрос бывшего узника Ц.З. Брука, польского еврея, сапожника, от 19 февраля 1945 г.: ГАРФ. Ф. Р-7021. Л. 108. Д.1. Л.59).

трехэтажных нарах! Их, не прошедших селекцию, ждет совершенно другой лагерь, расположенный, правда, тут же, в двух шагах. Он не такой «площадной», как собственно концлагерь, он почти что «линейный», ибо состоит из рампы, дороги в газовые камеры и дыма из труб крематориев.

Впрочем, он и площадной тоже, ибо всех доходяг и всех «мусульман»²², – по крайней мере, всех еврейских доходяг, – в любом из бараков Аушвица-1, Биркенау, Моновица и десятков филиалов концлагерного комплекса в округе ожидали текущие селекционные в бараках, затем перевод в больницы женской или мужской зон, а оттуда – все те же газовни и крематории²³! Среднее время нахождения узника Аушвица в живых составляло, согласно некоторым расчетам, около девяти месяцев, а средний доход, который его рабский труд за это время приносил его палачам, – 1631 рейхсмарку, с зачетом стоимости его личных вещей, зубов и волос, но без учета полученного из него пепла, хотя и пепел тоже шел в дело²⁴.

Лагерь смерти Аушвиц-Биркенау – это по-своему совершенное и новаторское предприятие конвейерного типа, плод напряжения идеологической и инженерной мысли лучших национал-социалистических умов! Даже экономико-географическое положение было принято во внимание! А оно было незаурядным – фактически на пересечении пяти железных дорог! Широтная ось Краков – Гливице (или Краков – Катовице) встречается здесь (в Засолье, ближе к Биркенау-Бжезинке) с меридиональной дорогой Варшава – Острава, и совсем неподалеку и еще одно диагональное ответвление – на Сосновец.

Все до мелочей продумано и предельно технологично. Например, приспособления для подогрева воздуха в газовых камерах, благодаря чему синильная кислота из гранул одного дезинфицирующего спецсредства испаряется быстрее, и смерть не заставляет себя слишком долго ждать. Или эти желобки для ускоренного стекания жира, или эти сита-дробилки для просеивания пепла и размельчения непрогоревших костей, или эти совершенно особые «санитарные» машины с красными крестами на бортах для перевозки банок с теми самыми гранулами и обслуживающих их сотрудников в противогазах, ежедневно и героически рискующих своей жизнью во имя высокой и очистительной цели – обезьевреивания Европы!²⁵

Поначалу, заметим, – около года с лишним – концлагерь Аушвиц ничем зловещим среди других аналогичных заведений СС не выделялся. Верится с трудом, но до осени 1941 года никаких массовых убийств здесь еще не было, и самую первую партию обреченных на смерть жертв даже пришлось отсюда вывозить!

Это произошло 28 июля 1941 года, когда транспорт с 575 неизлечимо больными узниками-поляками был отправлен в Пирну-Зонненштайн. Этот городок под Дрезденом был одним из центров так называемой «Акции Т-4», или, если воспользоваться нацистским эвфемизмом, «эвтаназии». Все 575 человек были подвергнуты там газации, их тела – кремированию, а их родственники получили липовые свидетельства о смерти²⁶.

С этих нескольких сот поляков и с этого момента, в сущности, и начала свой отсчет история Аушвица-Биркенау как *лагеря смерти*. Продолжение – в лице тысяч советских военнопленных и сотен тысяч евреев – не заставило себя долго ждать.

Аушвиц стал едва ли не единственным из лагерей, что столь успешно совмещал свою функцию концлагеря с иной ипостасью, административно нигде не зафиксированной, хотя, в сущности, и основной – с миссией *отрешения евреев – ВСЕХ евреев – от жизни*. Кроме

²² «Мусульманами» («мозл-менер» на идише) в концлагерях назывались заключенные, дошедшие до крайней степени истощения. Как ставших непригодными к работе их после внутрилагерной селекции чаще всего уничтожали.

²³ Для чего раз в месяц, а то и чаще, все узники проходят через визуальный медицинский контроль.

²⁴ См.: *Strzelecki*, 2000b. S. 134.

²⁵ Задokumentировано как минимум одно легкое отравление члена СС газом «Циклон Б» (см. особый приказ коменданта Р. Хёсса от 12 августа 1942 г. в: *Auschwitz-Prozess 4 kS 2/63*, 2004. S. 292).

²⁶ *August*, 2009.

Аушвица и Люблина-Майданека, в эту небольшую, но необычайно действенную смертоносную сеть входили еще четыре временных лагеря смерти: Хелмно (Кулмхоф), Треблинка, Белжец и Собибор²⁷. Седьмым правомерно считать и концлагерь Штутгоф, но только начиная с июня и по ноябрь 1944 года, когда имевшуюся в нем газовую камеру перепрофилировали с дезинфекции имущества на уничтожение людей²⁸.

Но Аушвиц-Биркенау выделялся отныне на любом фоне. И он не слишком стыдился или таился – этот *лагерь в лагере*, эта его фабрика смерти! Это двери *его* газовой камеры втягивали в свое драконово чрево шевелящиеся ленты еще дышащих очередей, тянущиеся от рампы; это зарева *его* костров и трубы *его* крематориев дымились или светились пламенем и днем, и ночью, и никакая рошица вдоль дальней кромки огромного лагеря не могла заслонить собой эти жуткие отблески или защитить от сладковато-тошняка запаха горелого человеческого мяса. Через таинство селекции проходили все – и те, и *эти*. И когда трудоспособные и пока живые счастливчики из заурядного концлагеря – в полосатых робах и с вытатуированными номерами – наконец догадывались о связи всех этих явлений, то больше уже не спрашивали о судьбе своих близких, с которыми они распростились на рампе не на время, а навсегда...

Оценки числа жертв

Общее количество эфемерных узников этого второго – незримого – лагеря насчитывало, согласно Ф. Пиперу, 880 тыс. чел. Подавляющее их большинство – 98 % – евреи, остальные 2 % приходятся на советских военнопленных, поляков, а также на неустановленных узников других концлагерей, привезенных в Аушвиц все с той же гуманной целью – в видах *экономного умерщвления*.

Или же умерщвления *экспериментального*. Собственно говоря, экспериментами поначалу были и сами селекция и газация: именно с опыта двух тысяч советских военнопленных, – а вернее, с опыта над двумя тысячами советских военнопленных, – все и началось.

Их привезли в концлагерь Аушвиц в начале сентября 1941 года (а возможно, что несколько сотен поступили и погибли, как кролики, еще в августе). Привезли из окрестных шталагов²⁹, где незадолго до этого их тоже подвергли селекции и вывели-таки на чистую воду – разоблачили как политруков или как евреев. На территории Рейха в шталагах их расстреливать не полагалось, вот и везли их, в точном соответствии с «Боевыми приказами» начальника РСХА Гейдриха, в их последний путь – в специально отведенные для этого места. Расстрелять их никогда не поздно, но не лучше ли принести их в жертву во имя науки, – науки, определенно центральной в этом Рейхе, – науки убивать людей?

История советских военнопленных в концлагере СС для военнопленных Аушвиц делится на *легендарную*, основанную главным образом на устной истории, и на *документированную*, ведущую свой отсчет от 6 октября 1941 года, когда на них впервые была заведена отдельная картотека.

²⁷ Если отвлечься от оккупированных частей СССР, то в Хелмно приступили к массовому уничтожению евреев раньше всех – еще в декабре 1941 г. (действовали по март 1943 г.). Расположенный недалеко от Лодзи (Литцманштадта), он «отвечал» за уничтожение нетрудоспособных евреев и цыган в Вартегау. Треблинка, Белжец и Собибор отвечали за то же, но в Генерал-губернаторстве (действовали с июля 1942 по март-октябрь 1943 г.): организационно они были объединены в рамках так называемой «Операции Рейнхард», целью которой была месть за убийство чешскими партизанами Р. Гейдриха в июне 1942 г. Частью этой широкой операции СС была акция «Праздник урожая», увенчавшаяся расстрелом в Майданеке 3 ноября 1943 г. – в отместку за восстание в Собиборе – практически всех евреев Люблина и его окрестностей, без селекции по степени их трудоспособности.

²⁸ В Штутгоф поступали евреи из Прибалтики, а также часть эшелонов, перенаправленных из Аушвица, в мае-июле 1944 г. не справлявшегося с усилившимся потоком.

²⁹ От *Stalag (Stammlager)* – стационарные лагеря для военнопленных (в отличие от транзитных лагерей – дулагов: от *Dulag*, или *Durchgangslager*).

Отсчет *легендарной истории* начинается чуть ли не тремя месяцами раньше – с середины июля. Именно тогда, по сообщению узника Казимира Смолена, в Аушвиц прибыл первый транспорт с советскими военнопленными³⁰. Это же подтверждал и комендант лагеря Рудольф Хёсс, уточнивший, что они прибывали небольшими партиями из лагерей в близлежащих областях – вокруг Бреслау, Троппау и Катовица³¹. Житель Варшавы З. Барановский сообщил ЧГК, что первая партия советских военнопленных – около 400 человек – прибыла в Аушвиц 13 августа 1941 года и сразу же, без регистрации, была помещена в так называемый «бункер» – штрафной блок № 11, откуда их водили на работу в щебеночный карьер³².

Более вероятно, что первая партия военнопленных поступила в лагерь не ранее второй половины августа. Ибо только 14 августа был издан «Организационный приказ ОКВ № 40 об организации лагерей для военнопленных в Рейхе», в соответствии с которым в VIII Военном округе были созданы два шталага на территориях бывших стрельбищ – № 308 в Нойхаммере близ Бреслау и № 318 в Ламсдорфе близ Оппельна. Именно из них шло потом в концлагерь большинство зарегистрированных эшелонов.

Но когда бы первая партия советских военнопленных ни прибыла, состояла она из обреченных на смерть комиссаров и евреев, выловленных бдительным СД и направленных в Аушвиц, собственно говоря, на казнь. Для этого имелось два расстрельных места – или в щебеночном карьере, или у так называемой «стены смерти» во дворе самого страшного из блоков основного лагеря – одиннадцатого (так называемого Бункера).

Но очень вскоре от траты пуль отказались – после того как заместитель Хёсса шутцхафтлагерфюрер и гауптштурмфюрер СС Карл Фритцш революционизировал процесс казни. Именно он предложил поэкспериментировать с газами-инсектицидами и, в частности, с гидрогеницидом – «Циклоном Б», разработанным для уничтожения вредителей на полях и в изобилии складированном в Аушвице³³.

Всего таких экспериментов было как минимум три, и все они упоминаются в воспоминаниях Р. Хёсса, а по отдельности – и в других источниках. Самый первый пришелся на то время в конце августа, когда Хёсса вызвали в Берлин на совещание у Эйхмана. На совещании обсуждались вопросы логистики того грядущего нового, что сделает Аушвиц на весь мир знаменитым местом – эпицентром уничтожения евреев!

В отсутствие шефа его заместитель, шутцхафтлагерфюрер Карл Фритцш был занят тем же, чем и Хёсс в Берлине, а именно логистикой Холокоста. В порядке эксперимента он испытывал находившиеся инсектициды на «живых кроликах» – советских военнопленных³⁴. И произошло это, по-видимому, в конце августа, в так называемом *Monopol-Gebäude*³⁵, в трехэтажном здании, обособленно стоявшем примерно в километре от лагеря (на полпути к вокзалу) и расположенном возле щебеночного карьера. Так это или не так, но именно в это время впервые сошлись все главные предпосылки для такого экспериментирования – наличие а) помещения, б) самого яда и в) смертников-жертв, о числе которых ничего не известно.

О втором эксперименте известно гораздо больше – и не от одного Хёсса. Состоялся он 3 сентября 1941 года и унес жизни 860 человек – 600 советских военнопленных³⁶, 250 польских

³⁰ Brandhuber, 1961. S. 15.

³¹ АРМАВ. Höß-Prozess. Bd.21. Bl. 2, 162.

³² ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп.108. Д.38. Л.21. По его словам, их и еще 100 поляков, больных туберкулезом, вскоре удушили газом. См. также свидетельства Людвиг Р. (АРМАВ. Höß-Prozess. Bd.4, Bl. 53–58) и Богдана Г. (Prozess gegen die SS-Mitglieder des Auschwitz Lagers, Bd.54, Bl.207).

³³ См. о газе и о его действии ниже.

³⁴ Czech, 1989. S. 115–116.

³⁵ Здание ранее принадлежало государственному управлению монопольной табачной торговлей. В 1940–1941 гг. использовалось в качестве помещения для карантина прибывающих в лагерь польских узников.

³⁶ Брандхубер утверждает, что то были офицеры и комиссары, о чем сохранились свидетельства членов импровизированной зондеркоммандо, видевших документы убитых, однако ссылок, против обыкновения, не приводит (Brandhuber, 1961.

больных или инвалидов и 10 польских штрафников, коллективно осужденных за побег узника Яна Новачека 1 сентября³⁷.

К эксперименту явно готовились заранее: в книге регистрации поступающих в «бункер» – ни одной записи о приеме кого-либо в интервале между 31 августа и 5 сентября³⁸. Вечером 3 сентября, в послерабочее время, во всем лагере была объявлена «шперра» – строжайший, под страхом смерти, запрет на выход из жилых блоков³⁹.

Местом экспериментальной казни были выбраны камеры подвала 11-го блока, зарешеченные квадратные окна которых лишь узкой полоской выходили на улицу: эти окна присыпали землей. Намеченные жертвы переполнили собой все помещения.

Десять приговоренных к смерти поляков и без того находились к этому времени в бункере⁴⁰. Из соседней больнички санитары привели или принесли еще 250 поляков – туберкулезных больных, отобранных накануне лагерным врачом, доктором Зигфридом Смелой. Затем из бараков привели 600 советских военнопленных, скорее всего только что прибывших – вероятно, всех, что были на этот момент в наличии. Возможно, экспериментаторов интересовали различия в выживаемости больных и относительно здоровых еще людей.

Смерть наступала очень быстро, каждый успевал закричать всего лишь один раз, – похвлялся Хёсс в воспоминаниях. Но действительность была несколько иной: когда назавтра, 4 сентября, рапортфюрер Герхард Палиш, в противогазе, открыл дверь бункера, то увидел, что некоторые советские военнопленные еще живы. Двери тотчас заново закрыли и добавили еще газ. И только после обеда двери открыли, окна освободили от земли и открыли для проветривания. Вечером – снова «шперра».

В безлюдном лагере были собраны 20 штрафников из блока 5а (куда их перевели на время из бункера), все санитары и два помощника из мертвецкой с тачками (своеобразное «зондер-коммандо» нулевой формации) для транспортировки трупов в крематорий. Им была обещана дополнительная пища и строго-настрого приказано – молчать об этой операции.

Работа длилась всю ночь и состояла из четырех рабочих этапов и, соответственно, групп. Первые (в противогазах) вытаскивали трупы из бункера на поверхность. Вторые раздевали их догола: больные были в нижнем белье, а военнопленные в форме, в их карманах были документы, деньги и сигареты. Третьи относили трупы во двор блока 11, а четвертые грузили их на тележки и отвозили к крематорию. Но закончить все до утра они так и не успели, поэтому назавтра – в то же время и в том же составе – работа была продолжена. Особенно плохо получалось с проветриванием импровизированной газовой камеры и со сжиганием трупов: на это потребовалось еще несколько дней. Штрафная рота была возвращена в «свой» 11-й блок только 11 сентября.

Следующий – третий – эксперимент состоялся 16 сентября и уже в мертвецкой крематория (использование для этих целей бункера блока 11 создавало столько проблем, что было признано нецелесообразным). Жертвами послужили 900 человек – все советские военнопленные⁴¹.

Сведения об убийстве советских военнопленных и польских узников газами просочились наружу, – по-видимому, через тех, кто работал в крематории. В сообщении подпольного бюлле-

S.17).

³⁷ Czech, 1989. S.116–117.

³⁸ Czech, 1989. S. 117. Со ссылкой на: АРМАВ. Höß-Prozess, Bd.2, Bl.97; Bd.4, Bl.21, 34, 99, 128; Bd. 54, Bl. 207; Bd.78,Bl.1. Aussagen ehemaligen Häftlinge.

³⁹ З. Соболевский сообщает, что аналогичная мера – в форме своего рода разового комендантского часа – применялась и в самом городке Аушвиц. В дни, когда прибывали транспорты с евреями, их разгрузка откладывалась до вечера, а жителям города запрещалось выходить на улицы после 21 часа.

⁴⁰ В связи с экспериментом остальных обитателей штрафного блока переместили в блок 5.

⁴¹ Höss, 1958. S. 122–126.

тения Главного командования Союза вооруженной борьбы «Текущий информатор» («Informator bieżący») от 17 ноября 1941 года событие датировалось 5–6 сентября, то есть в точности днями поступления трупов от второго эксперимента в крематорий.

В своих «Записках» Р. Хёсс вспоминал, что в ноябре 1941 года был в Берлине, на совещании у Эйхмана, на котором было дано указание приступить к экспериментам с газацией (удушением газами) в промышленном масштабе. Он скромно умалчивает о том, что такое указание могло появиться только на основании его, Хёсса, представления и анализа.

Что касается *задокументированной истории* советских военнопленных в Аушвице, то она начинается с 15 сентября. Именно этим числом датируется номинальное «открытие» рабочего лагеря СС для русских военнопленных в составе концлагеря Аушвиц. Под него была отведена и обнесена колючей проволокой под током практически вся территория лагеря слева от браны: блоки 1–3, 12–14 и 22–24, между блоками 14 и 24⁴² был устроен вход⁴³. Организационно – рабочий лагерь СС и полиции, а не вермахта, как все остальные шталаги и дулаги!⁴⁴

Вторая важная веха в этой истории – 1 октября 1941 года. С этого дня в структуре лагерного управления существовало Спецотделение по организации лагеря для военнопленных под началом группенфюрера СС инженера Хайнца Каммлера. 3 ноября, то есть спустя месяц с небольшим, оно было объединено с Управлением нового строительства СС Аушвиц, в результате чего образовалось Центральное управление строительства СС под началом штурмбанфюрера СС Карла Бишофа⁴⁵.

Когда начальник политического отдела концлагеря Аушвиц Максимилиан Грабнер, отвечавший за регистрацию узников, обратился к Хёссу с предложением навести порядок в деле регистрации советских военнопленных, тот с улыбкой заметил: «Да не волнуйтесь Вы так, они все равно не жильцы»⁴⁶.

Третья такая дата – 6 октября 1941 года. В этот день в лагере зарегистрированы первые советские военнопленные, о чем свидетельствуют фрагменты частично сохранившейся именной картотеки. Это как раз самые начальные ее фрагменты, они насчитывают 18 томов и охватывают 7900 человек, поступивших в Аушвиц-1 менее чем за две недели. Первые сто (ровно сто!) военнопленных были зарегистрированы 6 октября 1941 года. 7 и 9 октября были зарегистрированы две большие партии – примерно в 1800-1900 человек (крайний номер 3833). Затем – странная прогалина примерно в 250 душ (номера с 3834 по 4087), после чего еще около 900 человек, прибывших тоже 9 октября (номера с 4088 по 4999) и примерно столько же – за 14 октября (номера с 5000 до 5899). И далее, вплоть до номера 7900, идут – вперемешку – прибывшие 19 и 20 октября.

С этими данными неплохо коррелируют сведения о транспортах с советскими военнопленными, прибывшими в Аушвиц. Первые два задокументированные из них – с 2014 и 2145 душами – прибыли из шталага 308 в Нойгамме, соответственно, 7, 8 и 9 октября. Сравнение с числом зарегистрированных дает разницу примерно в 300 и 500 человек: вот они – первые жертвы селекции, еще не ставшей рутинной!⁴⁷ 19, 20 и 25 октября в Аушвиц из шталагов 308 и 318 (что в Ламсдорфе) прибыли еще три эшелона с советскими военнопленными – соответ-

⁴² В блоке 24 и находились Политуправление и регистратура, а одно время и лагерьный бордель.

⁴³ Czech, 1989. S. 122. Со ссылкой на: *APMAB*. Höß-Prozess, Bd.4, Bl.71, 122; Bd.7, Bl. 219. А также: *Brandhuber*, 1961. S.18.

⁴⁴ Аналогичный «артефакт» был еще только в Майданеке. Тамешний «Лагерь СС для военнопленных Люблин» был переименован в нечто более заурядное – в «Концентрационный лагерь СС Люблин» – по указанию Гиммлера от 16 февраля 1943 г. (*APMM*. If17).

⁴⁵ Czech, 1989. S. 137–138. Со ссылкой на: *APMAB*. D-Aul-3a, Ordner 17, Bl. 289, 292.

⁴⁶ *ГАРФ*. Ф.Р-7021. Оп.108. Д.34. Л.25. Особенно актуально это было для военнопленных-евреев: именно для их выявления в процедуру регистрации военнопленных входил и их медицинский осмотр с раздеванием догола или со спусканием штанов.

⁴⁷ Czech, 1989. S. 126. Со ссылкой на: *APMAB*. Höß-Prozess, Bd.4, Bl. 64, 71, 128; Bd.7, Bl. 219; D-Aul-3/1...7646. Kartei der russischen Kriegsgefangenen. О первом эшелоне известно, что он был подвергнут некоей холодной дезинфекции.

ственно, с 1955, 986 и 1908 человек. Задokumentирована и партия в 75 человек, прибывшая из Нойгамме 15 ноября.

Сохранились *Totenbücher* – два журнала регистрации смерти советских военнопленных⁴⁸. Их естественная – уже после селекции, безо всякой газации – смертность была просто чудовищной: за первые 144 дня ведения журналов умерло 8320 человек. При этом в октябре 1941 года умирало в среднем по 51 человеку ежедневно, в ноябре – 122 человека, в декабре – 61 человек, а в январе и феврале 1942 года – по 33 человека в день. Анализ картотеки регистрации и журналов смертности показывает, что к марту 1942 года в живых оставалось лишь 1688 человек из зарегистрированных не позднее 20 октября 1941 года, а медианная продолжительность их жизни располагалась где-то между 2 и 4 неделями⁴⁹.

Рекордными стали первые четыре дня ноября, когда было зафиксировано соответственно 253, 213, 258 и 352(!) трупа, а также 13–15 ноября: 284, 255 и 201 покойника⁵⁰.

Зондеркомиссия СД во главе с начальником гестапо в Катовицах д-ром Рудольфом Мильднером, прибывшая в Аушвиц на стыке октября и ноября, разделила военнопленных на четыре группы: фанатичные (около 300 чел.), политически отягощенные (700), политически стоящие вне подозрений (800) и способные к перековке (30). Иными словами, в ноябре к селекции по здоровью добавилась политическая селекция, и не исключено, что ноябрьские пики смертности возникли «благодаря» тем самым «фанатичным» военнопленным⁵¹.

Относительно крепких физически «фанатиков» либо расстреляли во дворе 11 блока, либо умерщвляли уколами фенола врачи. Трупы сжигали в Крематории-1, но, если он ремонтировался, то их, как, например, 19 ноября, вывозили в Биркенау, где к этому времени уже действовали первые огненные ямы.

Трудоспособных военнопленных эксплуатировали с первого дня, но официальное уведомление Инспектора концлагерей и Уполномоченного по трудовому использованию о введении их трудового использования датировано только 29 ноября. Соответственно вводилась и обязанность вести о трудящихся военнопленных такую же статистику, как и о других группах. Дважды в месяц (каждые 1-е и 15-е число) сообщались сведения об общем количестве, количестве специалистов среди них, трудовом использовании в разрезе профессий и др.⁵² В конце года было принято решение о строительстве в Биркенау нового гигантского лагеря для советских военнопленных, рассчитанного на 100–125 тыс. человек, – решение, за которым на самом деле «прятались» замаскированный переход к массовой концентрации и подготовка к массовому уничтожению, начиная с 1942 года, уже не военнопленных, а евреев.

Точное число узников Аушвица накануне 1942 года неизвестно: оценочно это около 20 тысяч. В течение 1941 года в лагерь поступило более 27 тысяч узников, среди них 9997 зарегистрированных советских военнопленных и 17 270 иных. Смертность среди зарегистрированных военнопленных составила 83 %, а с оценочным учетом незарегистрированных, то есть прибывших до 6 октября или не прошедших селекцию на рампе после этого, она зашкаливала и за 90 %.

Сам по себе концлагерь Аушвиц, изначально созданный в июне 1940 года как своего рода лагерь-тюрьма и, отчасти, транзитный пункт для штрафников-поляков из тюрем Верхней

⁴⁸ АРМAB. D-Au I-5/1. Первый журнал охватывает период с 7 октября по 15 ноября 1941 г., второй – дальше, вплоть до 28 февраля 1942 г.

⁴⁹ Brandhuber, 1961. S. 33, 36. См. также: Czech, 1989. S. 131–136. Со ссылкой на: АРМAB. D-Aul-3/1...7646. Kartei der russischen Kriegsgefangenen; D-Aul-5/16 Kgf. Lager Auschwitz, Totenbuch, Krankenbau.

⁵⁰ Brandhuber, 1961. S.25.

⁵¹ Жан-Клод Прессак, решительно игнорируя все иные свидетельства, счел – совершенно безосновательно – именно работу этой комиссии главной предпосылкой для первой газации, каковую он продатировал, соответственно, декабрем 1941 г. (Pressac, 1995. S. 41–42.)

⁵² Czech, 1989. S. 148. Со ссылкой на: АРМAB. D-Aul-5/1, R. Kgf-Lager Auschwitz, Totenbuch, Krankenbau; Höß-Prozess, Bd.8, Bl. 20, 79, 81.

Силезии и Генерал-губернаторства, очень быстро выкуклился из этих своих функций и превратился в средоточие самых жесточайших репрессий истребительного характера по отношению к советским военнопленным и, отчасти, к польским политическим заключенным. Наряду с косвенными приемами уничтожения (нечеловеческие условия в сочетании с тяжелой работой) здесь применялись и прямые методы – экспериментальные и массовые убийства военнопленных и польских заложников посредством расстрелов, впрыскивания фенола или газации.

...На прямой вопрос, кому в концлагере Аушвиц приходилось хуже – евреям или советским военнопленным, такой уникальный польский свидетель, как Зигмунд Соболевский – узник Аушвица с порядковым номером 88! – не задумываясь, ответил: «Военнопленным!»⁵³

Подопытные: советские военнопленные

Итак, с советских военнопленных, предназначенных для пробных экзекуций с удушением газами, и начинаются все три основополагающие аушвицкие практики, сыгравшие определяющую роль в судьбе евреев, – практика *селекции*, практика *нерегистрации*⁵⁴ и практика *убийства в газовых камерах*. Кроме того, использовались они еще и для дезинформации и маскировки подлинных целей палачей: обозначение всего лагеря в Биркенау (Аушвиц-2) как лагеря для военнопленных, но гигантского – вместимостью в 125 тыс. человек, вероятно, могло послужить формальным оправданием и прикрытием для строительства гигантских газoven (как камер по борьбе с вшивостью) и монстров-крематориев⁵⁵. Демаскирующим тут является и то обстоятельство, что организацией, курирующей крематории, была не комендатура лагеря Биркенау и не гигиеническая служба концлагеря в целом, а его политическое управление!⁵⁶

Однако отсутствие регистрации и картотек еще не означает отсутствия иной документации. Так, многочисленны документы, связанные с транспортировкой заключенных в Аушвиц (эшелонные списки, списки прибывших эшелонов и т. д.). Особенно подробны сведения такого рода, документирующие депортацию сюда 437 402 венгерских евреев⁵⁷. Кроме того, существовали отчеты наверх об итогах проведенных селекций, политический отдел концлагеря направлял их в РСХА в Берлин, а отдел трудового использования – в Ораниенбург, в отдел D II Главного управления концентрационных лагерей СС и полиции безопасности. Отчеты первого типа не сохранились, а вот отчеты второго типа, – по крайней мере, три – уцелели. В одном из них, датированном 20 февраля 1943 года, сообщалось о трех эшелонах, прибывших из Терезиенштадта 21, 24 и 27 января 1943 года. Всего в них находились 5022 евреев, из них 930, в том числе 614 мужчин и 316 женщин, были отобраны для трудового использования, а прочие 4092 человека, в том числе 1422 мужчины и 2670 женщин и детей, были «устроены по-особому» (*sonderuntergebracht*)⁵⁸. В таких случаях еще более употребительными, нежели «особое обустройство» (*Sonderunterbringung*), были термины «особое обхождение» (*Sonderbehandlung*) и «особые мероприятия» (*Sondermaßnahmen*). Но смысл их был всегда один и тот же – «ликвидация», или «убийство».

⁵³ Интервью с З. Соболевским (YVA. 03/8410. Р. 31). Соболевский прибыл в Аушвиц еще в июне 1940 г., с самым первым транспортом. Работал сначала в столярной мастерской, затем в пожарной команде.

⁵⁴ Точнее: практика выборочной регистрации, включая вытатуирование номеров.

⁵⁵ Симптоматично, что строительство объектов для проведения «особых мероприятий» в «лагере для военнопленных» в Биркенау было самым крупным из всех строительных объектов концлагеря в 1942 г.: на него приходилось около 1/3 всего строительного бюджета лагеря – 18,1 из 51,8 млн рейхсмарок по состоянию на 26 октября 1942 г. (ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп. 108. Д.30. Л.16об.-17).

⁵⁶ ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп. 108. Д.30. Л.38об.

⁵⁷ Piper, 1993. S. 69–70.

⁵⁸ Цит. по: Piper, 1993. S. 65–67. Со ссылкой на: APMAB. D-Aul-3-a/65-66. Arbeitseinsatz – Briefe und Telegramme betr. den Arbeitseinsatz von Häftlingen.

Сведения о самом лагере смерти, о его временных обитателях и их вечной трагедии, день изо дня столь рутинно и буднично разыгрывавшейся в Аушвице, достигали союзнических штабов, но, как правило, клались под сукно и на протяжении долгого времени в прессу упорно не попадали⁵⁹.

Комитет по делам военных беженцев при правительстве США предал гласности справку об уничтожении в Аушвице, по состоянию на ноябрь 1943 года, около 1,5 млн евреев. Вальтер Розенберг (он же Рудольф Врба) на процессе А. Эйхмана в 1961 году называл еще большую цифру – 1750 тыс. по состоянию на 7 апреля 1944 года и на основании коллективного учета транспортов, а также 2,5 млн – как суммарную оценку⁶⁰. Эта цифра – максимальная из всей информации, поступившей от аушвицкого подполья. Она была сложена из еврейского населения следующих стран (в тыс. чел.): Польша – 900, европейские евреи, уже доставленные на территорию Польши, – 300, Франция – 150, Голландия – 100, Германия – 60, Бельгия – 50, Югославия, Италия и Норвегия – 50, Греция – 45, Литва – 30, Чехия, Моравия и Австрия – 30, Словакия – 30.⁶¹ С учетом данных о смертности других национальностей общее число убитых в Аушвице оценивалось подпольщиками приблизительно в 2 млн человек. И, хотя многие оценки существенно завышены по сравнению с поддающейся верификации действительностью, все же нельзя не подивиться тому вниманию, какое руководителями подполья уделялось такого рода подсчетам и оценкам, как и той тщательности, с которой каждая новая информация аккумулировалась и обрабатывалась в их руководстве.

Близкие цифры циркулировали и во втором центре подпольного сопротивления в Аушвице – среди еврейских членов зондеркоммандо. И Залман Градовский, и Залман Левенталь упоминали в своих сотрясающих душу записках «миллионы» евреев, прошедших буквально через их руки. Другие зондеркоммандовцы давали следующие оценки: Станислав Янковский, он же Альтер Файнзильтер, – 2 млн чел., Яков Каминский – 2,5 млн чел. (по состоянию на август 1943 года и в передаче Я. Гордона), Хенрик Таубер и Шломо Драгон – 4 млн чел., Хенрик Мандельбаум – 4,5 млн чел.⁶²

Того же порядка и оценки еврейских жертв нееврейскими узниками Аушвица. Поляк Казимир Смолен, работавший писарем в регистратуре политического отделения, утверждал, что из числа зарегистрированных узников концлагеря погибли не менее 300 тыс. чел., тогда как число незарегистрированных жертв составляло, по его оценке, 2,5 млн чел., итого – 2,8 млн чел. Там же работала и Станислава Рахвалова: она слышала о том, что число жертв – от 4 до 5 млн чел. Витольд Кула оценивал эту величину в 3,5–4,0 млн чел., Эрвин Ольшевский – в 4,0–4,5 млн чел., а Казимир Чижевский полагал, что их было от 4 до 5 млн чел. Немец Ганс Рот говорил о 4 млн, добавляя при этом, что это, мол, было известно каждому. Бернар Шардибо, капо⁶³ складской команды в базовом лагере Аушвиц-1, давал максимальную из оценок такого рода – 5,0–5,5 млн чел.⁶⁴ Близкие цифры называли и два венгерских свидетеля – Бела Фабиан говорил о 5,1 млн чел. (11 апреля 1945 года)⁶⁵, а доктор Дьюла Галь – о 5 млн жертв, из них 3,5 млн евреев и 1,5 млн поляков и русских (22 марта 1945 года)⁶⁶.

И, как ни странно, того же порядка оценки у большинства из представителей «палачей» (млн чел.): Пери Броуд и Фридрих Энтрес – 2,0–2,5, Вильгельм Богер – не менее 4,0;

⁵⁹ См. главу «Что и когда союзники знали об Аушвице» в настоящем издании.

⁶⁰ *Vrba – Bestic*, 1968. S. 310–313. См. также: *Piper*, 1993. S. 81–82.

⁶¹ Отметим и методическую сторону: это первый случай расчета числа еврейских жертв в разрезе стран их происхождения.

⁶² *Piper*, 1993. S. 84–85.

⁶³ Аббревиатура от КаПо – *Kameradschaft-Polizei*. Часто, но ошибочно, возводится или к не существовавшему термину *Kazet-Polizei*, или к итальянскому *capo* – начальник.

⁶⁴ *Piper*, 1993. S. 85–86.

⁶⁵ *Piper*, 1993. S. 93. Факсимиле статьи из «Los Angeles Times» от 8.5.1945.

⁶⁶ ЦАМО. Ф.243. Оп.2914. Д.272. Л. 145.

Влодзимеж Билан – 5,0–5,5 млн⁶⁷, начальник политического отделения концлагеря Максимилиан Грабнер – от 3 до 6 млн⁶⁸.

Особенно интересны в этой связи признания самого информированного из свидетелей – коменданта Хёсса. В своих показаниях на Нюрнбергском процессе он назвал 2,5 млн чел. как суммарную величину еврейских жертв в Аушвице, сославшись при этом на А. Эйхмана. При этом сам Хёсс находил эту оценку завышенной: *«Возможности уничтожения даже в Аушвице были не безграничны»*. И когда он попытался восстановить по памяти число еврейских жертв по отдельным странам, то назвал следующий ряд цифр (тыс. чел.), суммирующийся в 1,13 млн чел., хотя и явно неполный: Верхняя Силезия и Генерал-губернаторство – 250, Германия и Терезиенштадт – 100, Голландия – 95, Бельгия – 20, Франция – 110, Греция – 65, Венгрия – 400, Словакия – 90⁶⁹.

Что касается самого Эйхмана, то на своем процессе в Иерусалиме он отказался подтвердить или опровергнуть какую-либо конкретную цифру числа своих жертв в Аушвице.⁷⁰

Оценки ЧГК

Начальный этап определения количества жертв в Аушвице был напрямую связан с результатами расследования советской ЧГК, приступившей к своей деятельности почти сразу же после освобождения лагеря. Была создана специальная Экспертная техническая комиссия⁷¹, опросившая около 200 бывших узников и бывших сотрудников концлагеря; среди лиц, активно с нею сотрудничавших, были и трое бывших зондеркомандовцев, добровольно вернувшиеся на место бывшего лагеря, – Х. Таубер, Ш. Драгон и Х. Мандельбаум⁷². Комиссия основательно изучила также сохранившиеся чертежи и документацию о крематориях и газовых камерах Аушвица-Биркенау и их остатки на местности.

В печати, в частности в «Красной Звезде» (в предпоследний день войны – 8 мая 1945 года!⁷³), были опубликованы только окончательные выводы Комиссии по интересующему нас вопросу. Необычайно выразительно то, что евреи в тексте Сообщения ЧГК об Освенциме практически не упомянуты! Зато упомянуты – и напрасно! – граждане Румынии и Болгарии, отнюдь не характерные для контингента узников Аушвица (хотя часть румынских евреев из Трансильвании, в 1940–1945 гг. входившей в Венгрию, действительно, попала в Аушвиц – вместе с собственно венгерскими евреями).

Выводы Комиссии базируются исключительно на технологических параметрах оборудования по уничтожению людей и содержат целый ряд мелких и крупных неточностей. Заметить и понять их помогает сравнение с промежуточными данными и результатами, впервые сведенными нами воедино и представленными в *Приложении 2*.

Так, в первом из своих расчетов – «Расчете по определению количества людей, уничтоженных немцами в лагере Освенцим» – Комиссия, разбив деятельность лагеря смерти на этапы и просуммировав поэтапные данные, пришла к выводу, что в Аушвице были убиты газами и сожжены 4058 тыс. чел., или, округленно, 4 млн чел. При этом она допустила несколько серьезных просчетов, в том числе и арифметических. Ориентируясь, по-видимому,

⁶⁷ Piper, 1993. S. 86–87.

⁶⁸ См. его показания ГАРФ. Р-7021. Оп.108. Д.34. Л.5.

⁶⁹ Höss, 1958. S. 162–163.

⁷⁰ См.: Pendorf, 1961.

⁷¹ В составе двух польских и двух советских специалистов – двух профессоров и инженеров из Кракова Р. Давидовского и Я. Долинского, кандидата химических наук инженер-майора В.Ф. Лаврушина и инженер-капитана А.М. Шуера.

⁷² С помощью Ш. Драгона и была обнаружена и упоминавшаяся уже выше рукопись З. Градовского.

⁷³ Интересно, что в тот же день советская цифра – 4 млн жертв в Освенциме – была опубликована и в США (со ссылкой на сообщение «Ассошиэйтед пресс» от 7 мая 1945 г.).

не столько на технические параметры установок, сколько на показания зондеркомандовцев, они заложили в расчет явно завышенные (причем существенно – в среднем в 1,5 раза) данные о суточной пропускной способности крематориев. Но самое главное: неравномерность работы крематориев хотя и учтена (с помощью поправочных коэффициентов), но очень существенно недооценена. Такой сверхнапряженной ситуации, как во время «венгерской операции», не было ни до, ни после нее.⁷⁴ Не вполне точны и данные о количестве месяцев эксплуатации крематориев (отклонения от действительных составили от 1–3 до 11 месяцев!).

В окончательном «Акте» Комиссии⁷⁵ суммарный итог, взятый даже без учета костров при бункерах 1 и 2⁷⁶, составил даже ошутимо большую, нежели 4058 тыс. чел., величину, а именно 5121 тыс. чел. С этим еще предстоит разобраться, но в качестве гипотезы выскажем предположение, что здесь не были учтены поправочные коэффициенты из первого расчета, учитывавшие фактическую наполняемость крематориев в разные периоды. Решительно непонятно, зачем нужно было приводить еще более высокую цифру, если официальный итог был назван все равно таким же, как и в предыдущем расчете, – не менее 4 млн чел.

Сразу же после окончания работы советской Комиссии к работе приступила и польская, созданная в рамках Главной Комиссии по расследованию немецких преступлений в Польше. Она могла уже опереться на ряд материалов, недоступных зимой и ранней весной 1945 года, в том числе и на показания Хёсса. Тем не менее и она взяла за основу цифру, равную не менее 4 млн жертв. Иными словами: расхождений между официальной советской и официальной польской оценками числа жертв практически не было!

Та же цифра была затвержена и на Главном процессе над нацистскими преступниками в Нюрнберге⁷⁷. Она представляли собой, по сути, демографический официоз, закрепленный в заключениях международных и государственных организаций и судов. Еще долгое время она оказывала сильнейшее давление не только на мемориальную работу в музеях, но и на саму историческую науку, особенно в восточноевропейских странах.

Так что не удивительно, что именно она была высечена и на мемориальных плитах, встречающих посетителя мемориала в Биркенау почти сразу же после того, как он миновал рампу. Надпись на двадцати двух языках гласила:

«Да будет на века криком отчаяния и предостережения для человечества это место, где гитлеровцы уничтожили около четырех миллионов мужчин, женщин и детей, большей частью евреев, из разных стран мира. Аушвиц, Биркенау. 1940–1945».

Сами по себе такие неточности вполне понятны, они даже почти неизбежны и поэтому простительны для столь раннего этапа исследования лагеря – считанные недели спустя после его освобождения! Хуже другое: этот сырой – и уже тогда недостоверный – результат в 4 млн чел. был санкционирован идеологически и сразу же принят за истину в последней инстанции, а со временем и закреплен везде, где только можно: в экспозиции музея, в путеводителях по нему и даже в памятных гранитных досках при входе...

Существование альтернатив или хотя бы сомнений было начисто проигнорировано. А ведь от пресловутых четырех миллионов отклонялись еще цифры Верховного Народного суда Польши, приговорившего Р. Хёсса к смертной казни за ответственность в убийстве 300 тыс. зарегистрированных узников Аушвица, а также не поддающегося установлению числа, но никак не менее 2,5 млн незарегистрированных узников, главным образом евреев, и 12 тыс. советских военнопленных. Интересно, что при обосновании приговора фигурировала в каче-

⁷⁴ См. детальнее в: Piper, 1993. S. 94.

⁷⁵ См. Приложение 2.

⁷⁶ Не путать с «Бункером» в блоке 11 основного лагеря!

⁷⁷ На последующих процессах, связанных с Аушвицем, эта цифра постепенно поползла вниз: в процессе «IG Farbenindustrie» – до 3–4 млн, в процессе Поля – до 3 млн чел. (см. Piper, 1993. S. 96).

стве наиболее вероятной следующая «вилка» вероятного числа жертв – не менее 3 и не более 4 млн чел.

Относительно этих цифр суд заказал два заключения: одно – уже знакомому нам профессору Р. Давидовскому (оно мало чем отличалось от его прежних коллективных расчетов), а второе – Нахману Блументалю. Последний применил совершенно другой подход и оттолкнулся от общего количества польских евреев, убитых в Шоа. Эта цифра принималась в Польше равной 3 млн чел. Проанализировав данные о числах погибших польских евреев в других пяти лагерях смерти, а также о числе депортированных в Аушвиц евреев из других европейских стран, Блументаль пришел к выводу о том, что в Аушвице погибли от 1,3 до 1,5 млн евреев, в том числе около 1 млн европейских евреев, включая сюда и 450 тыс. венгерских⁷⁸.

Западные исследователи были много свободнее от такого гипноза, отсюда и большой разброс в соответствующих оценках – от 770 тыс. у Джеральда Рейтлингера до 2,5 млн у Аарона Вайса и Иегуды Бауэра. Кажется, лишь один из них один – Ойген Когон с его оценкой в 3,5–4,5 млн чел. – вписывался в систему советско-польских демографических взглядов⁷⁹.

Оценка Рейтлингера не только самая низкая, но и, как оказалось, наиболее точная. Но она еще и самая ранняя: английское первое издание его классической книги «Окончательное решение. Попытка Гитлера уничтожить европейских евреев в 1939-1945 гг.» вышло в 1953 году⁸⁰. Позволим себе процитировать то место, от которого впоследствии отталкивались все будущие исследователи:

«Что касается общего количества евреев, пригнанных на ramпы Аушвица и Биркенау для селекции, то их можно довольно точно сосчитать для западно- и центральноевропейских, а также для Балканских стран; чего не скажешь о Польше. Не за что уцепиться и в вопросе о доле среди них тех, кого отправили в газовые камеры. Эта доля была сравнительно низкой до августа 1942 года и после августа 1944 года, но в промежутке она могла опускаться в отдельных случаях до 50 % и тут же взвиваться до 100 %. В нижеследующей таблице учтены транспорты из Франции и Греции, направлявшиеся в Майданек, 34 тысячи голландских евреев, перенаправленных в Собибор, а также различные транспорты в Терезиенштадт, Бельзен и Равенсбрюк:

Бельгия.....	22 600
Хорватия.....	4500
Франция.....	55 000
Великобритания (включая концлагеря и Протекторат, только прямые эшелоны).....	*20 000
Великогермания и Протекторат (через Терезиенштадт).....	41 500
Греция.....	50 000
Нидерланды.....	62 000
Венгрия (в границах военного времени).....	380 000
Италия.....	5000
Люксембург.....	2000
Норвегия.....	700
Польша и Балтийские страны.....	180 000

⁷⁸ Piper, 1993. S. 95–96.

⁷⁹ Kogon, 1974. S. 157.

⁸⁰ Reitlinger, 1953. Переиздана в 1971 г. Немецкий перевод: Reitlinger, 1958.

Словакия (в границах 1939 г.)..... 20 000
[ИТОГО:]..... 843 300

**Неточные данные.*

Лишь немногие из этого огромного количества в настоящее время живы; самое меньшее 770 тысяч погибли в Аушвице до момента эвакуации лагеря в январе 1945 года. В газовых камерах Аушвица умерли сразу же по прибытии от 550 000 до 600 000 чел., однако из тех, по меньшей мере, 300 000, которые умерли уже после того, как поступили в один из лагерей-филиалов, многие нашли свою смерть именно в газовых камерах»⁸¹.

Но только в 1990 году текст на двадцати двух мемориальных плитах был откорректирован: вместо четырех миллионов стало полтора.

Но и эта оценка представлялась многим исследователям все же завышенной. Такие ученые, как Рауль Хильберг, Вольфганг Шеффлер и Эдвард Крэнкшоу, исходили из 1 млн еврейских жертв в Аушвице⁸², а Жорж Веллер – из 1352 тыс.⁸³

В то же время Мартин Гилберт исходил из 1,5 млн⁸⁴, «Энциклопедия Холокоста» – из 1,6 млн⁸⁵, Леон Поляков, Люси Давидович и Йозеф Биллиг – из 2 млн чел.⁸⁶, Иегуда Бауэр – из 2,5 млн⁸⁷, а Аарон Вайс – из вилки между 1 и 2,5 млн чел.⁸⁸ Однако за названными цифрами чаще всего стоят не собственные исследования, а то или иное отношение – своего рода поправочные коэффициенты – к демографическому официозу или к оценкам предшественников. Так, Биллиг, например, получает свою цифру в 2 млн как... среднюю величину между оценками Хёсса и Эйхмана (затем он прибавляет к ним 230 тыс. зарегистрированных умерших узников-евреев).

По-настоящему оригинальной стала работа Жоржа Веллера, опубликованная в 1983 году. Он шел как бы по методическим следам Рейтлингера и заново проанализировал потоки депортированных в Аушвиц из отдельных стран. Опираясь на уточненную уже во многом эмпирику, он насчитал в общей сложности 1613 тыс. чел., депортированных в Аушвиц (см. табл. 1).⁸⁹

Таблица 1. Количество лиц, депортированных в Аушвиц в 1940–1945 гг., и лиц, убитых или умерших в Аушвице (по Ж. Веллеру, чел.)

⁸¹ *Reitlinger*, 1958. S. 523–524. Позднее Рейтлингер несколько пересмотрел свои результаты в сторону их незначительного увеличения: из прибывших в Аушвиц 800–900 тыс. евреев погибли 790–840 тыс.

⁸² *Hilberg*, 1982. S. 811; *Scheffler*, 1961, S. 78; *Crankshaw*, 1959, S. 191 ff.

⁸³ *Welters*, 1983. S. 125–159.

⁸⁴ *Gilbert*, 1982, S. 100.

⁸⁵ *Encyclopaedia of the Holocaust*. New York, London 1990, S. 117.

⁸⁶ *Poliakoff*, 1951; *Dawidowicz*, 1975. S. 191.

⁸⁷ *Bauer*, 1985, S. 173.

⁸⁸ *Weiss*, 1984, S. 132;

⁸⁹ *Welters*, 1983. S. 125–159.

Категории	Депортировано	Убито или умерло	Доля погибших, %
Итого	1 613 455	1 471 595	91,2
В т.ч.:			
Евреи	1 433 405	1 352 980	94,4
Поляки и прочие	146 605	86 675	59,1
Цыгане	21 665	20 255	93,5
Русские	11 780	11 685	99,2

Источник: *Wellers*, 1983. S. 125–159.

Иной подход продемонстрировал разве что Рауль Хильберг, исходивший, как и Н. Блументаль, из того, что всего в шести лагерях уничтожения на территории современной Польши погибли 3 млн евреев, из них более 1 млн – в Аушвице, 750 тыс. – в Треблинке, 600 тыс. – в Белжеце, 200 – в Собиборе, 150 – в Хелмно и 50 – в Майданеке.

Результаты и Веллера, и Хильберга поставил под сомнение Ф. Пипер – один из тех польских ученых, кто в свое время твердо держался демографических пропилеев 1945–1946 гг. Это не помешало ему – уже в 1990-е гг. – заново проанализировать всю соответствующую литературу и отважиться как на ее критический пересмотр, так и на свою собственную оценку (см. табл. 2)⁹⁰.

Таблица 2. Количество лиц, депортированных в Аушвиц в 1940–1945 гг., и лиц, убитых или умерших в Аушвице (по Ф. Пиперу, тыс. чел.)

⁹⁰ Впрочем, как и у тех, кого он охотно за это критикует, многое строится на экспертных оценках и у него, правда, чаще на собственных.

Категории	Всего	Незарегистри- рованные	Зарегистри- рованные
Итого	1305	905	400
В т.ч. убитые или умершие	1082	880	202
Евреи	1095	890	205
В т.ч. убитые или умершие	960	865	95
Поляки	147	10	137
В т.ч. убитые или умершие	74	10	64
Цыгане	23	2	21
В т.ч. убитые или умершие	21	2	19
Советские военнопленные	15	3	12
В т.ч. убитые или умершие	15	3	12
Остальные (чехи, русские, украинцы, белорусы, югославы, немцы, австрийцы и др.)	25	—	25
В т.ч. убитые или умершие	12	—	12

Рассчитано по: *Piper*, 1993. S. 200, 202. Table 29, 31.

Исправляя неточности Рейтлингера и Веллера (но, к сожалению, не оговаривая их подробно), он дает свою вилку величины убитых в Аушвице евреев – от 960 тыс. до 1 млн чел. Однако новейшие разыскания Кристиана Герлаха и Гёца Али показали, что около 105 тыс. венгерских евреев, депортированных в Аушвиц, были не уничтожены, а переброшены оттуда в другие лагеря.⁹¹

Поэтому в соответствующей поправке нуждается и суммарное число еврейских жертв в этом лагере: Дитер Поль оценивает его приблизительно в 900 тыс. чел.⁹²

Современные оценки

Очередную статистическую «революцию» – почти двукратное сокращение числа еврейских жертв в Аушвице – попытался произвести журналист из «Шпигеля» Фритьоф Мейер⁹³. Свою аргументацию он почерпнул из уже озвученных (во время процесса Д. Ирвинга против Д. Липштадт в Лондоне в 2000 году) и опубликованных, но, по его мнению, недооцененных документов. Его первое журналистское «открытие» – в переписке между фирмой «Тёпф и сыновья» и СС вокруг строительства крематориев в Аушвице встречается внутреннее противоречие: если принять верными и универсальными данные о пропускной способности крематориев, то придется, мол, менять и статистику. Само противоречие Мейер никак не анализирует, и все обстоятельства, аргументирующие иные цифры, а главное – документирующие иную практику, начисто игнорирует.

⁹¹ *Gerlach, Götz*, 2001. S. 409 ff.

⁹² *Поль Д.* Так сколько же?. О числе евреев, уничтоженных в ходе национал-социалистических преступлений // *Отрицание отрицания...*, 2008. С. 171.

⁹³ *Meyer*, 2002. S. 631–641.

Второе его «открытие» – новое прочтение того эпизода из показаний Р. Хёсса, где он говорит, что крематории нельзя было держать в рабочем состоянии постоянно, так что их приходилось останавливать каждые 8–10 часов⁹⁴. Вывод: в крематориях II и III за 971 их рабочих дней могло быть сожжено не более чем 262 170 трупов, а в крематориях IV и V за 359 рабочих дней – не более чем 51 696, итого – 313 866. Еще 107 тыс. были сожжены в ямах-кострах возле бункеров 1 и 2⁹⁵. А с учетом тех 12 тыс. трупов, что были, по Ф. Мейеру, сожжены в старом крематории I, он и приходит к такому результату: в Аушвице были сожжены в общей сложности 433 тыс. трупов.

В действительности гипотеза о многократных остывании и разогреве крематориев, как и гипотеза о многонедельных простоях крематориев, противоречит десяткам свидетельств, в том числе и из самых первых рук – от зондеркоммандовцев и от эсэсовцев, а также ежесуточной отчетности о занаряживании рабочих команд в Биркенау, в том числе и «зондеркоммандо»⁹⁶.

Тем «жупелом», который Ф. Мейер стремится опровергнуть, является та самая обновленная оценка количества жертв, представленная в работах историков из Освенцима, в частности Ф. Пипера. Цифры, к которым пришел Пипер, представлены в табл. 2: из 1305 тыс. депортированных в Аушвиц 1095 были евреями, из них 205 тыс. были зарегистрированы, а 895 не были, причем из 960 тыс. погибших в Аушвице евреев 865 тыс. пришлось на не зарегистрированных и еще 95 тыс. – на зарегистрированных.

Интересно, что на самого Ф. Пипера Мейер практически не нападает: он упрекает его лишь для блезиру – в том, что количество венгерских евреев до сих пор не уточнено, а также в том, что 300 тыс. чел. как оценка депортированных из Польши – это чересчур много.⁹⁷ В качестве «девочки для битья» он берет коллегу Пипера по музею – Дануту Чех, составительницу фундаментального «Календария Аушвица», где строго хронологически и весьма тщательно сведены воедино практически все основные сведения о том, что происходило в Аушвице, в том числе перечислены все известные ей транспорты⁹⁸. Общее число депортированных в Аушвиц, без учета венгерских транспортов, оценивается ею, по словам Ф. Мейера, в 735 тыс. чел. Отнимая от этой цифры 400–405 тыс. чел. зарегистрированных узников⁹⁹, а также (и, кстати, по второму разу) 15 тыс. советских военнопленных, он получает цифру в 315 тыс. узников, оставленных без регистрации. Далее он суммирует тех, кто не погиб в Аушвице: 225 тыс. были переведены в другие лагеря¹⁰⁰, 59 тыс. были эвакуированы в январе 1945 года и еще 8,5 тыс. остались в Аушвице и его филиалах, все остальные, то есть 428 500 чел. (что крайне близко к рассчитанному Мейером только что числу трупов!), и суть погибшие в Аушвице!

Не подумайте только, что Мейер умолчал или забыл о венгерских евреях. Тут он даже опирается на данные Д. Чех (60 транспортов, около 180 тыс. чел., из них 29 тыс. зарегистриро-

⁹⁴ *APMAV. Höß-Prozess. Bd. 26b. S. 168.* Тут он, кстати, Хёссу доверяет, тогда как другим его высказываниям – о числе жертв в «его» лагере, например, – приписывает совершенно иной статус: вслед за другими отрицателями, он утверждает, что эти признания Хёсса сделаны под пытками и с определенными установками. Остается однако загадкой: если уж Хёсс был игрушкой в руках заговорщиков-статистиков, то почему ему вложили в рот цифры, столь существенно отличающиеся от советско-польского официоза (4 млн жертв фашизма в Освенциме).

⁹⁵ О некомпетентности Ф. Мейера говорит уже одно то, что он утверждает, что никто, мол, не знает и до него никогда не интересовался тем, где были захоронены останки тел тех, кого сожгли до открытия мощных крематориев в марте 1943 г.

⁹⁶ Соответствующие наряды сохранились и в *ВММ*.

⁹⁷ Неясно только, где Ф. Мейер взял эту оценку: в таблице, на которую он при этом ссылается, для поляков приведена цифра в 147 тыс. чел., а евреи (если только он имеет в виду еще и польских евреев) не разбиты по странам.

⁹⁸ Не под каждым событием приведены источники, но пишущему эти строки приходилось убеждаться в том, что таковые источники имеются в архиве музея. Тем не менее на отсутствие источников и пеняет ей Ф. Мейер, попутно «уличив» ее, в том числе и с помощью рукописей зондеркоммандовцев и даже Р. Хёсса, на двух-трех предположительных неточностях в сведениях (естественно, в тех, что «завышают» численность в эшелонах).

⁹⁹ Рассчитано по максимальным известным номерам для каждой из категорий узников, имевших отдельную нумерацию при регистрации.

¹⁰⁰ Ссылка приводится, но без малейшей попытки критически рассмотреть источник.

ванные): при этом, с одной стороны, он умалчивает о том, что эти данные неполные, а с другой – не упускает случая указать, со ссылкой на К. Герлаха и Г. Али, что 110 тыс. из них были переадресованы в другие лагеря¹⁰¹. Таким образом, для газовен остается всего лишь 40 тыс. венгерских евреев! И чем это занимались чуть ли не 800 человек зондеркомандовцев с середины апреля и по середину июля 1944 года – занимались да так, что их даже переселили поближе к работе?!..

Прибавив эти 40 тысяч к ранее уже полученным примерно 430 тысячам и накинув еще 30 тысяч на прочие, помимо газовых камер, способы жизнеотрешения (расстрелы, уколы, медицинские эксперименты), Ф. Мейер пришел к неожиданно круглой цифре в полмиллиона еврейских жертв в Аушвице (в самом конце он набросит еще 10 тыс.). При этом он неожиданно добавил, что только 356 тыс. из них погибли в газовых камерах¹⁰²: если до этого все его шаги были хоть как-то, но аргументированы, то здесь, радикально меняя структуру орудий уничтожения, он обошелся и без подпорок.

При этом у Ф. Мейера хватило бесстыдства глумливо заметить, что то обстоятельство, что неработоспособные люди после селекции отправлялись в камин, вообще-то нигде и никем не задокументировано¹⁰³: этот аргумент настолько не нов и настолько знаком, что делает трудно различимой разницу между отрицателями прошлых лет и «неоревизионистом» Мейером из уважаемого журнала¹⁰⁴.

Впрочем, согласно Ф. Мейеру, последнее до него слово в деле оценки главной трудовой деятельности СС в Аушвице-Биркенау произнес все же не Пипер, а Жан-Клод Прессак¹⁰⁵: количество убитых – в вилке от 631 до 711 тыс. чел., из них от 470 до 550 тыс. – убитые в газовых камерах и не зарегистрированные евреи, 126 тыс. – узники, чья смерть была зарегистрирована, 15 тыс. – советские военнопленные, 20 тыс. – прочие, среди них цыгане.

При этом Мейер игнорирует ремарку Прессака о том, что его оценка фиксирует лишь абсолютный *минимум*, тогда как источники, могущие ее увеличить, еще не обработаны или не обнаружены¹⁰⁶. Свой же собственный результат Мейер конкретизирует так: *не более 510 тыс. мертвецов, из них 356 тыс. умерщвленных газом*.

Свою статью Мейер заканчивает следующей красивой фразой: «*Этот результат не релятивизирует варварство, но уточняет его истинные размеры – жесткое предупреждение против новой цивилизационной катастрофы*». В ней, как в капле воды, отразилась вся его «методология» – запутать и оглушить читателя мнимой сенсационностью.

Собственно говоря, это идеология отрицательства, но в его новой, мимикрирующей под классическую историческую науку, версии – редукционалистской: мол, мы не будем больше отрицать сам факт Холокоста или существования газовых камер, но мы сведем его размеры до минимально возможного и тем самым выбьем табуретку хотя бы из-под «мифа о шести миллионах».

¹⁰¹ Ф. Мейер не считает нужным уточнить, были ли эти 110 тыс. включены в вышеупомянутые 225 тыс. переведенных из Аушвица в другие лагеря или не были. Из чего можно сделать только два вывода: во-первых, были, а во-вторых, мы снова встречаемся с двойным счетом.

¹⁰² Хотя перед этим немало труда положил на то, чтобы показать, что их было, самое меньшее, 433 тыс.

¹⁰³ Это вступает в вопиющее противоречие с предыдущими аргументами Мейера – только что произнесенными им «уточнениями» нескольких возможных неточностей у Д. Чех!

¹⁰⁴ См.: *Отрицание отрицания...*, 2008. С. 254–257. Об отрицательской подстежке последнего говорит и глубоко презрительное и надменное отношение к жертвам, являющимся для него не более чем единицей измерения.

¹⁰⁵ См.: Pressac, 1989; Pressac, 1995. S. 192–202.

¹⁰⁶ Pressac, 1995. S. 202. К тому же рассуждения и расчеты Прессака были подробно проанализированы и аргументированно отвергнуты Ф. Пипером в рецензии на его книгу (Piper, 2009).

Чернорабочие смерти: «Зондеркоммандо» в Аушвице-Биркенау

*«Были мы люди, а стали людье...»
(О. Мандельштам)*

*«Умри ты сегодня, а я завтра...»
(Гулаговская поговорка)*

*«Я тогда вообще не был человеком. Если бы я им был, то не уцелел бы и секунды. Мы только потому выстояли, что в нас не оставалось ничего человеческого».
(Высказывание члена «зондеркоммандо»)*

«Зондеркоммандо»: понятие и фронт работ

...В Аушвице убивали всегда. Убивали жестоко, беспощадно, по-садистски. Но поначалу – в рутинные времена старого концлагеря – как-то нетехнологично. Забить плеткой, расстрелять во дворе тюремного бункера и даже вколоть в больнице фенол в сердце подходящей жертве эксперимента – все это как-то слишком индивидуально, как-то неуместно по-любительски и как-то чересчур нерационально.

Тогда еще не было селекций, каждый узник был зарегистрирован и именовался не иначе как *Schützhäftling* – «заключенный под защитой»¹⁰⁷. Он ли находился под защитой или защита была – от него?..

Историческая ирония этого оксюморонного словосочетания не ускользала от внимания тех, кого это напрямую касалось: *«Быть „подзащитным заключенным“ (Schützhäftling) в величайшем лагере уничтожения парадоксально, это ирония судьбы, сознательной судьбы. Убийцы, садисты защищают нас! Мы пребываем под защитой, что означает предание нас произволу таких людей, таких воспитателей, которые и сами прошли соответствующее обучение – окончили аспирантуру высшего садистского знания, и все ради того, чтобы иметь возможность нас соответствующим образом “защищать”!»*¹⁰⁸

Несостоятельность и неуместный романтизм персонифицированной смерти стали очевидны перед лицом поставленной однажды лагерю задачи – посылить помощь в решении еврейского вопроса в Европе и перейти на принципиально новый вид убийства – массовый, безымянный и, в пересчете на один труп, недорогой.

Чуть ли не здесь же, в Аушвице, сами и догадались о наилучшем оружии такого убийства – химическом: дешевый газ-инсектицид «Циклон Б»¹⁰⁹, уже применявшийся в сельском

¹⁰⁷ Различались следующие разновидности: *«Erziehungshäftling»* («заключенный в порядке перевоспитания») – это узник, помещаемый в концлагерь на фиксированное время, и *«BVerg» «Berufsverbrecher»* – «профессиональный нарушитель»). Кроме того, юридически выделялись *«Polizeihäftling»* («полицейский заключенный») – узники, формально находившиеся во власти полиции, а не СС. Так, в Аушвице-1 такие узники содержались в печально известном бункере, или 11-м блоке, но формально находились под юрисдикцией Катовицкого гестапо, полицейский суд при котором здесь же, в Аушвице, формально выносил свои приговоры, исполнявшиеся тут же, в расстрельном дворе бункера.

¹⁰⁸ Из свидетельства Иды Мессер от 2 мая 1945 г. (ZIH. Relacja 301/287/2)

¹⁰⁹ «Циклон Б» (Zyklon B) – пестицид и инсектицид, разработанный под руководством немецкого химика еврейского происхождения Фрица Хабера (1868–1934), «отца немецкого химического оружия» (в т. ч. т. н. «Циклона А» и открывателя нитроудобрений, лауреата Нобелевской премии по химии за 1918 г. Производился фирмой *Degesch (Deutsche Gesellschaft für Schädlingsbekämpfung GmbH)*, отделением фирмы *Degussa*.

хозяйстве для дезинфекции одежды и помещений и для борьбы со вшивостью, подходил для этого идеально.

После серии «успешных» экспериментов в бункере 11-го блока и в мертвецкой крематория I в сентябре 1941 года в качестве оптимального орудия убийства был признан именно этот пестицид и инсектицид.

Этот яд представлял собой так называемый кизельгур – пропитанные синильной кислотой гранулы инертного пористого носителя зеленоватого или голубоватого цвета. При их вбрасывании в помещение газовых камер происходило испарение паров синильной кислоты, причем наиболее эффективное испарение начиналось при температуре около 26 градусов по Цельсию. Поэтому помещения газовых камер всегда, даже летом, немного протапливали: газ тогда лучше расходился и быстрее вершил свою работу.

Для удушения 1000 человек парами содержавшейся в «Циклоне Б» синильной кислоты было достаточно всего четырех килограммовых банок вещества!

Этот незримый, без цвета и запаха, газ – «Циклон Б» – не знал жалости: перекрывая (буквально) человеческим тканям кислород, пары синильной кислоты начинали свое действие с невыносимой горечи во рту, затем царапали горло, сжимали грудину, вызывая головную боль, рвоту, судороги и одышку. Так что можно было только позавидовать тем, кто оказывался ближе всего к упавшим сверху кристаллам – вслед за короткими судорогами человек терял сознание и уже не чувствовал, как наступал паралич всей дыхательной системы. Смерть наступала в конвульсиях, людские тела превращались в ярко-розовые, покрытые зелеными пятнами скорченные трупы.

Искореженные страданием, вцепившиеся друг в друга, окровавленные и перепачканные испражнениями трупы извлекали, грузили на вагонетки и сбрасывали в огромные и никогда не остывавшие ямы-костры... Не забыв, разумеется, перед тем заглянуть им в рот и вырвать золотые зубы, а у женщин – еще и выдрать сережки и срезать волосы.

Поэтому не удивительно, что одним из синонимов «зондеркоммандо»¹¹⁰, бывшим в ходу у эсэсовцев и у самих узников Аушвица, было «газкоммандо». Именно под этим «псевдонимом» фигурировали члены «зондеркоммандо» и на Нюрнбергском процессе. Обозначение «зондеркоммандо» встречается в материалах процесса около 30 раз, но имеются в виду главным образом «зондеркоммандо» СД, занимавшиеся убийствами и узаконенным разбоем в тылу вермахта.

«Зондеркоммандо» в том значении, как оно сложилось в Аушвице-Биркенау, упоминается всего несколько раз: впервые – как «газкоммандо» – на утреннем заседании 28 января 1946 года. Мари-Клод Вейян-Кутюрье рассказала о блоке 25 как о преддверии смерти, о разворачивавшихся перед ее глазами (сама она – обитательница барака 26 в женском лагере) селекциях на рампе и о самих газациях довольно точно. 8 февраля 1946 года вопроса о «зондеркоммандо» вскользь коснулся Руденко, главный обвинитель от СССР. Упоминались они и в цитате из обращения Комитета бывших узников Аушвица¹¹¹.

Попробуем между тем разобраться с самим словом *Sonderkommando* – «зондеркоммандо»¹¹².

Само по себе оно означает всего лишь «отряд особого назначения» – не больше и не меньше. Но Вторая мировая война привязала его значение к СС и одновременно сузила до нескольких специфических разновидностей.

¹¹⁰ См. в «От автора».

¹¹¹ Интересно, что дневник З. Градовского готовился советской стороной к использованию на процессе, но так и не был использован.

¹¹² В ходу и другие обозначения – «зондеркоманда», «спецкоманда» и т. п.

Основная коннотация – передовые части «айнзацгрупп СД», то есть «боевых групп службы и полиции безопасности», действовавших в оперативном тылу войск: они охотились за вражескими функционерами, подпольщиками и архивами, организовывали тюрьмы и лагеря, но массовыми убийствами населения не занимались – на то были «айнзацкоммандо СД» (боевые отряды) и другие охотники. Знаменитой была созданная в январе 1942 года «Зондеркоммандо 1005» под командованием Пауля Блобеля, задача которой заключалась в повсеместном исправлении одной логистической ошибки палачей в 1941 году – в уничтожении постфактум следов всех массовых экзекуций, где бы и как бы они ни происходили. Непосредственно распаиванием и сжиганием трупов занимались так называемые «лайхенкоммандо»¹¹³, состоявшие, как правило, из советских военнопленных, реже – из самих евреев.

Та же «ошибка» была допущена и в Аушвице-Биркенау, где к тому же из-за высокого уровня грунтовых вод¹¹⁴ возникла реальная опасность заражения источников питьевой воды трупным ядом¹¹⁵. Отсюда и аналогичная с Бабьим Яром потребность – выкопать и сжечь трупы и избавиться от пепла. Но тех, кого в Бабьем Яру называли бы «лайхенкоммандо», здесь называли «зондеркоммандо»: среди них были – буквально единично – и немцы-уголовники, и поляки, и те же советские военнопленные, но подавляющее большинство были евреями – физически крепкими, подобранными из числа тех, кто прошел селекцию на рампе. Их кардинальной особенностью было то, что они же совмещали свою деятельность в духе «акции 1005» (а она продолжалась недолго – с конца сентября по начало декабря 1942 года) с другой – своей основной деятельностью, куда более тяжелой и физически, и морально.

А именно – с разносторонним ассистированием немцам в массовом, конвейерном убийстве сотен и сотен тысяч других евреев и неевреев в газовых камерах, в кремации их трупов и в утилизации их пепла, золотых зубов и женских волос.

Это была совершенно особая команда, почти сплошь состоящая из заключенных евреев и обслуживавшая весь этот конвейер смерти – почти от самого начала и до самого конца. Это они, члены «зондеркоммандо», надевали противогазы и извлекали трупы из газовой камеры, сбрасывали их в костры или загружали в муфели крематориев, ворошили и хоронили их пепел, бранный пепел сотен тысяч людей, убитых на этой фабрике смерти.

Эта подсобная деятельность могла быть самой разнообразной. Так, чрезвычайно желательным для СС было спокойное состояние и поведение жертв перед их умерщвлением. Поэтому к технологии убийства и к обязанностям членов зондеркоммандо относились и успокоительные мероприятия, или, как сказали бы сейчас, операции прикрытия, – для чего и привлекались зондеркоммандовцы, как «свои»¹¹⁶.

Но так было не всегда. Функционал, численность – и даже национальный состав! – соответствующих «бригад особого назначения» варьировал и видоизменялся во времени.

Самая первая «зондеркоммандо» действовала на крематории I в Аушвице-1: она состояла наполовину из поляков, имела дело только с трупами и справедливо именовалась «крематориумскоммандо» (*Krematoriumskommando*). Те, кого использовали на импровизированных бункер-газовнях и массовых могилах, именовались командами по очистке и захоронению (*Räumungs- und Begrabungskommando*), а те, кого заставляли разрывать братские могилы и сжигать останки в огненных ямах, так и назывались командами по эксгумации и сжиганию (*Exhumierungs- und Verbrennungskommando*).

¹¹³ От нем. *Leichen* – трупы.

¹¹⁴ А они здесь очень высоки.

¹¹⁵ Опасений в исходе войны, а стало быть, и потребности в уничтожении следов еще не возникало.

¹¹⁶ Иногда – и совершенно напрасно – к сфере деятельности «зондеркоммандо» причисляют и «обслуживание» свежеприбывших жертв и их имущества на рампе.

С марта 1943 года вернулся термин «крематориумскоммандо», причем росло число самих таких команд – по мере пуска в строй все новых крематориев¹¹⁷.

И, наконец, самая последняя дефиниционная новация – команда по обрушению крематориев (*Abbruchkommando Krematorium*).

Номинально все это преемственные разновидности различных «арбайтскоммандо». И хотя в официальном документообороте Аушвица-Биркенау термин «зондеркоммандо» тоже встречается (начиная с декабря 1942 года), но скорее как метафора и эвфемизм, как лингвистическая «операция прикрытия», но еще и как собирательный термин для описанного разнообразия. Именно поэтому шире всего он привился в лагерном обиходе, прочно обосновавшись в лексиконе как эсэсовцев, так и узников.

Образцовая фабрика смерти

«Операцией прикрытия» было и употребление символики Красного Креста. Именно красный крест красовался на так называемых «санкарах» – легковых санитарных машинах, на которых на каждую операцию приезжали и уезжали дежурный врач и эсэсовцы-палачи. Красные кресты были нашиты или намалеваны краской и на синих шапках у членов «зондеркоммандо» – их спецодеждой были не казенные полосатые робы, а самая обыкновенная гражданская одежда¹¹⁸, вызывавшая у жертв минимум подозрений.

И только само убийство – вбрасывание в камеры ядовитого коагулята – немцы евреям не доверяли и оставляли безоговорочно за собой¹¹⁹. Непосредственно палаческую работу выполняли эсэсовцы среднего звена. Когда они выезжали к газовням, их обязательно сопровождал врач¹²⁰, наблюдавший за всем из машины: не дай бог с ними что-нибудь случится¹²¹. У эсэсовцев, конечно же, были противогазы, которые они, бахвалясь своей «храбростью», не всегда надевали, а также специальные приспособления для быстрого открывания больших банок с гранулами. Вбрасывая гранулы в газовые камеры сквозь специальные отверстия-окошечки¹²² сверху или сбоку, они посмеивались и переговаривались друг с другом о пустяках. После чего закрывали окошки цементными или деревянными ставнями-втулками.

Но иногда, вопреки инструкции, они даже не закрывали их, а смотрели, сквозь стекла противогазов, с любопытством и торжеством, на то, что происходит внизу. На то, как люди, карабкаясь друг на друга, кидались к этим окошкам, и как первыми умирали те, кто оказывался внизу, может быть и не от удушья еще (сама агония отнимала не менее 6–7 минут), а от того, что их раздавили, – то были в основном инвалиды и дети. Перед смертью люди цеплялись, вгрызались ногтями в исцарапанные уже и до них стены...

¹¹⁷ В росписи таких команд, заявленных на работу, например, на 7 октября 1944 года (день восстания!), встречаем восемь команд, именуемых *Heizer Krematorium* (кочегары, или зажигальщики, крематориев) с разбивкой, во-первых, по четырем крематориям, а во-вторых, на ночную и дневную смены. Так, обозначению *57-B. Heizer Krematorium I. Tag* соответствует перевод: рабочая команда 57-В, кочегары на крематории II, дневная смена и т. д.

¹¹⁸ Красные, намалеванные масляной краской «лампасы», согласно Э. Айзеншмидту, полагалось иметь также на брюках и на верхней одежде (*Greif*, 1999. S. 261–262).

¹¹⁹ Но и тут бывали свои исключения, особенно при ином способе убийства. Так, известно, что члены зондеркоммандо в Майданеке как минимум присутствовали при расстрелах в Крепецком лесу (см. ниже). Правда, национальный состав той зондеркоммандо неизвестен – он мог быть и нееврейским. Зато известно, что члены еврейской полиции Вильнюсского гетто, оказавшись в октябре 1942 г. в положении части расстрельной команды в Ошмянах, справились с этим «заданием». Начальник гетто, Якоб Генс, был очень расстроен, но с должностью не расстался (см. подробнее: Полян П. В Понарах, Понарах расстреляны все... // *Рольшикайте*, 2012. С. 509–512, 534–535).

¹²⁰ В ранге ефрейторов медицинской службы (*Sanitätsdienstgefreiter*), согласно М. Нижли (*Nyisli*, 1960. P. 50)

¹²¹ Именно в этом качестве участвовал в «зондеракциях» и доктор И. Кремер, автор «знаменитого» эсэсовского дневника (см. ниже).

¹²² На крематориях II и III с их подземными газовнями отверстия располагались фактически под ногами газаторов, в крыше, а на крематориях IV и V – в верхней части стен газовых камер, и газаторам, для того чтобы сделать свое дело, даже приходилось приставлять к стене небольшую лесенку.

Налюбовавшись и закрыв ставни, они садились в свои машины с флажками и красными крестами, нарисованными на боках, и, продолжая болтать, уезжали...

Кстати, место циническому веселью и палаческому юмору находилось везде. Шутники-немцы говорили раздевшимся детишкам, чтобы они не забыли взять с собой мыло и чтобы обязательно связали сандалики или туфельки шнурками. «Готово!», – говорил врач, посматривая то на часы, то в глазок двери газовой камеры. «Камин» – вот ласковая кличка, данная эсэсовцами крематориям. «*Himmelskommando*» («Небесная команда») – пошучивали эсэсовцы по адресу не то уничтоженных уже евреев, не то живых еще зондеркомандовцев¹²³. «*Угощайтесь*» или «*жрите*», – говорили они, вбрасывая в «душевые» камеры газ. «*Рыбам на корм*», – шутили о пепле, загружаемом в грузовики для сбрасывания в Вислу или Солу.

Если жертв было немного (по разным свидетельствам, верхней границей этого «немного» было 100 или 500 чел.)¹²⁴, то «Циклон Б» на них не тратили, а убивали пистолетными выстрелами в затылок. Происходило это во дворе крематория, а иногда и в его внутренних помещениях. В таких случаях степень соучастия членов «зондеркомандо» в процедуре убийства становилась на порядок нагляднее и очевидней: нередко двоим из них приходилось держать жертву за руки и за уши, пока палач не спускал курок¹²⁵. И, хотя непосредственным убийцей по-прежнему оставался немец-эсэсовец, еврей-зондеркомандовец в этом случае уже не мог не ощущать своего *прямого* соучастия в происходящем¹²⁶.

Огненной ямы или крематория из жертв не избегал никто, и, в конечном счете, от 70–75-килограммового человека оставалось не более двух килограммов темно-серого пепла. Правда, берцовые кости почти никогда не прогорали до конца, и их приходилось потом дробить на специальных устройствах.

Иными словами, узким местом конвейера смертоубийства была не сама смерть, а замечание ее следов – как можно более скорое и полное сгорание трупов и уничтожение пепла.

Впрочем, и тут можно было не сомневаться в том, что применяемые технологии – самые совершенные, благо в области кремации и соответствующего печестроения Германия была мировым лидером.

Свою первую в Аушвице кремационную печь эрфуртская фирма *Topf und Söhne* установила в августе 1941 года. В середине августа она уже была введена в строй, получив со временем обозначение «Крематорий I».

Этот крематорий постоянно развивался и, начиная с 15 декабря 1941 года, имел уже четыре действующие муфельные печи, работавшие на коксе, а вскоре их стало шесть. Но расчетная пропускная способность этого мини-крематория была скромной – всего 340 трупов в день, а фактически – не более 250.

Когда в Берлине или Ванзее было принято решение о превращении концлагеря Аушвиц в ультрасовременный комбинат по уничтожению евреев, стало ясно, что крематорию I такие задачи не по силам. Уж больно скромной и неэффективной была самодельная газовая камера при нем. Но окончательно он был остановлен только в июле 1943 года, после чего его зажигали лишь изредка, по особым случаям.

Решения о строительстве столь мощного узла из четырех гигантских крематориев были приняты, и соответствующие заказы сделаны летом – осенью 1942 года. Сами строительство пришлось в основном на зиму 1942/43 гг., стройки были, понятно, ударными, и расходных

¹²³ Этот висельный юмор был оценен и подхвачен и поляками (*Jagoda, Klodziński, Mastowski*, 1987. S. 254).

¹²⁴ Именно такими нередко были партии «доходяг», регулярно образовывавшиеся в результате неустанных внутренних селекций в лагере.

¹²⁵ *Nyiszli*, 1961. P. 87–88, 126. Удерживание за уши, как свидетельствует Ш. Венеция, диктовалось следующей технологией: от тех, кто держал жертвы за уши, требовалось сразу же вслед за выстрелом резко наклонять голову к земле – чтобы кровь не фонтанировала и не пачкала сапоги и одежду убийц (*Venezia*, 2008. S. 119–123).

¹²⁶ Об этом прямо пишет Ш. Венеция (*Venezia*, 2008. S. 123).

материалов, как то: кирпичей, цемента и узников – не жалели. Строителям крематориев, – хотя они, конечно, и не члены зондеркоммандо, – тоже было что рассказать.

Один из них, Лейб Зильбер из Цеханува, работавший на строительстве крематория II, поведал о следующей практике. Капо строительства крематория II, немец-уголовник по кличке «Геркулес», всегда одетый в советскую солдатскую шинель, и четверо его помощников-поляков набирали дюжину-другую еврейских рабочих и предлагали им громко спеть, обещая после этого «хорошую» работу в тепле. Те охотно услаждали слух меломанов, после чего их посылали на самую верхотуру – туда, где возводились высоченные трубы будущего «камина» и где были особо узкие и непрочные леса. Одного польского удара кувалдой по этим лесам бывало достаточно, чтобы они с треском проваливались и все жертвы падали с высоты на мерзлую землю. Других узников заставляли подтаскивать трупы к теплой бытовке капо, а некоторые из трупов – даже вовнутрь бытовки. Оказывается, что во время пения «меломаны» внимательно высматривали, у кого из хора есть золотые зубы, каковые потом и вырывали прямо с мясом из их остывших ртов. С эсэсовской охраной все было согласовано – с ними расплачивались шнапсом, а прорабам сообщалось о несчастном случае на лесах из-за несоблюдения этими неопытными еврейскими узниками правил безопасности на высоте. А назавтра – взамен этих «неосторожных и неопытных» – нарядчики выписывали новых: и некоторые, наверное, с золотыми фиксами...¹²⁷

Соответственно, между мартом и июлем 1943 года один за другим крематории становились в строй: первыми – крематории IV и II, за ними – V и III. Теперь именно им, крематориям фирмы «Тёпф и сыновья», предстояла большая работа и предназначалась центральная роль, – но не в утилизации отходов и не в профилактике эпидемий, а в окончательном решении еврейского вопроса, в уничтожении раз и навсегда всей этой вражеской и вредоносной еврейской плоти.

Карл Прюфер и Фриц Зандер, ведущие инженеры фирмы, бодро соревновались друг с другом в поиске новых решений и технологий, могущих обеспечить прорыв в печном деле по утилизации трупной массы. В своих усилиях они далеко превзошли аппетиты даже своего кровожадного заказчика! Так, Прюфер разрабатывал идею круговых печей, а Зандер – своего рода огненного конвейера, способного работать практически безостановочно. В письме Зандера руководству своей фирмы от 14 сентября 1942 года прямо говорится, что речь идет об эффективной массовой кремации, в условиях войны, не оставляющей места какому бы то ни было пиетету, чувствительности или сентиментальности по отношению к трупам¹²⁸; зато, в условиях конкуренции, возникает острая необходимость оформления патента на его изобретение¹²⁹.

Между тем первая пробная топка принесла «неутешительные» результаты: сгорание трупов (по три в каждой из пяти пущенных печей) протекало чрезвычайно медленно (целых 40 минут!), после чего технические эксперты фирмы-производителя рекомендовали поддерживать пламя непрерывно в течение нескольких дней. Уже в марте 1943 года в газовне крематория II был впервые умерщвлен целый еврейский эшелон – партия из Краковского гетто.

Крематории II и III были настоящими печными монстрами: они имели по 15 топков (5 печей, каждая на 3 муфеля), тогда как крематории IV и V – всего по 8. Их суточная пропускная способность составляла, согласно немецким расчетным данным, по 1440 и 768 трупов соот-

¹²⁷ Ср. свидетельство Лейба Зильбера: *Silver L. Ciechanow Jew sin Auschwitz* [P. 343] // <http://www.jewishgen.org/yizkor/ciechanow/ciechanow.html>

¹²⁸ Надо полагать, что под «пиететом» имелась в виду банальная сегрегация персонального пепла для выдачи родственникам.

¹²⁹ См. в каталоге выставки «Технологи "окончательного решения": Topf und Söhne – строители печей в Аушвице» (Бухенвальд, 2005), а также на сайте: http://www.sonderkommando-studien.de/artikel.php?c=ausstellung/topf_hintergrund

ветственно. В горячие дни работа была круглосуточной и двухсменной и пропускная способность, скорее всего, реально перекрывалась.

И для природной эсэсовской наблюдательности и рационализаторства тоже находилось достойное место: так, ущерб от того, что трупы кидались в печи немного сырыми (поскольку перед этим их волокли по цементному полу, периодически обдаваемому водой из шланга – тогда трупы скользили, и их легче было подтаскивать к печам), компенсировался тем, что мужские трупы клались посередине, детские сверху, а женские (в них, как правило, больше жира) – по бокам¹³⁰.

А покуда крематории в Биркенау еще только строились, их подменяли два других временных «цеха» аушвицкой фабрики смерти, расположенные поблизости. Два крестьянских подворья¹³¹ были переоборудованы в центры по умерщвлению людей с помощью газа – в так называемый бункер № 1, или «Красный домик», с двумя бараками-раздевалками, и бункер № 2, или «Белый домик», – с четырьмя.

Поблизости, между двумя будущими подзонами крематориев, располагалась зона для складирования, обработки и хранения имущества еще живых узников (так называемая *Effektenkammer*), а также золотых коронок, драгоценностей, одежды, личных вещей и даже волос убитых¹³². Эта гигантская каптерка получила в лагере неформальное, но весьма прижившееся обозначение – «Канада», восходящее к представлению о Канаде как о необычайно богатой стране, где буквально все есть¹³³. Этим обозначением в разговорах пользовались даже эсэсовцы.

В самый разгар операции по уничтожению венгерских евреев вновь обратились к практике сжигания трупов на кострах, но тогда ямы были приготовлены просто гигантские – 50 м в длину, 8 м в ширину и 2 м в глубину, к тому же еще и специально оборудованные (например, желобками для стекания жира – чтобы лучше горело!)¹³⁴. Вплоть до пуска в строй в Биркенау в 1943 году четырех новых крематориев трупы из газовен подвозили к этим ямам-костровищам на лорах – тележках, передвигавшихся по импровизированным рельсам. В помещениях, прилегающих к газовням, были устроены сушилки для волос и даже золотая плавильня.

Поистине – образцовая фабрика смерти! Отменные цеха, квалифицированный менеджмент, вышколенный персонал!..

Гитлер с Гиммлером – как рачительные хозяева, а евреи – как дешевые чернорабочие и одновременно – как недорогое сырье. Местное или импортное – неважно: на транспорте тут не экономили!

Впрочем, ради главного – поставленного на поток производства еврейского пепла – не сэкономили ни на чем.

«Зондеркоммандо»: ротации и селекции

Все это, однако, требовало организации постоянных рабочих команд, обслуживавших эти чудовищные комплексы. Оговоримся: постоянно-переменных, ибо «ротации» этих «секретоносителей», то есть периодические уничтожения одних членов зондеркоммандо и замещение их другими, были при такой организации само собой разумеющимися.

¹³⁰ При этом детские трупы можно было при необходимости добавлять, но укладывать их надо было так, чтобы они не проваливались сразу вниз.

¹³¹ До этого и для этого их польских хозяев принудительно выселили.

¹³² Строительство зоны завершено в декабре 1943 г. К этому времени она насчитывала в своем составе 35 бараков, в том числе 30 складских.

¹³³ В противоположность «Мексике», как стране очень бедной и хаотичной. По другой версии, Канада – это искаженное Ханаан, медово-молочная земля.

¹³⁴ Müller, 1979. S. 207–209.

Уже августом 1941 года датируется и первое обозначение «*Kommando Krematorium*» в таблице рабочих команд концлагеря. Устно она называлась еще и «Коммандо-Фишл», по имени Голиафа Фишла, ее капо¹³⁵. Эта команда была очень небольшой и состояла из 12, а позднее из 20 человек¹³⁶ – трех, а позднее шести поляков (в том числе капо Митек Морава) и девяти, а позднее 15 евреев. Контакт с другими узниками более не допускался, ради чего евреев из «зондеркоммандо» поселили в подвале самого «Бункера» – знаменитого 11-го блока, в его 13-й камере. Польские же члены «зондеркоммандо» жили в обыкновенном 15-м блоке, то есть в контакте с остальными узниками: капо Морава был, по словам Ф. Мюллера, лютым антисемитом, но оплакивал каждую жертву из поляков.

Всю шестерку поляков расстреляли в самом конце в Маутхаузене, а вот несколько евреев из первоначального состава каким-то чудом уцелели во всех чистках «зондеркоммандо» и дождались освобождения! Настоящие «бессмертные»!

Один из этих бессмертных – Станислав Янковский. Его настоящее имя – Альтер Файнзильтбер¹³⁷. Воевал в Испании, выдавая себя за поляка-католика, а имя «Станислав Янковский» взял себе во Франции, чтобы скрыть свое еврейство, но хитрость не помогла. Он был арестован французской полицией и идентифицирован как еврей: это предопределило его маршрут – сначала в сборный еврейский лагерь в Дранси под Парижем, оттуда в транзитный лагерь в Компьен, и уже из Компьена – 27 марта 1942 года, в составе транспорта из 1118 человек (сплошь взрослые мужчины, без женщин и детей) – он прибыл в Аушвиц 30 марта.

Из 11-го блока основного лагеря – пешим маршем по хлюпающей болотистой дорожке – весь транспорт целиком попал в Биркенау, где Файнзильтбера-Янковского, собственно, впервые зарегистрировали и поместили в 13-й блок. Начальником блока был эсэсовец, старостами – немцы-заключенные, по любому случаю избивавшие рядовых узников и докладывавшие на утро начальнику блока о том, сколько их за ночь подохло. Тот бывал доволен или недоволен в зависимости от цифры: 15 – это как-то мало и не солидно, а вот 30-35 – хорошо.

Вскоре Файнзильтбера-Янковского, как плотника, вернули из Биркенау в Аушвиц, где выживать было несравненно легче. Но в ноябре 1942 года профессию пришлось круто поменять: его включили в первый состав новой «зондеркоммандо» и направили истопником на крематорий II – загружать в печи трупы умерших или убитых.

Работа начиналась в 5 утра и кончалась в 7 вечера, с 15-минутным перерывом на обед, но, по сравнению с тем, что вскоре его ожидало в Биркенау, работы было сравнительно немного. Кроме трупов, не прошедших селекцию, евреев, умерших и убитых, сжигали в самом Аушвице-1, а также в Аушвице-3 («BunaWerke» в Моновице). Расстреливали здесь, как правило, «чужих», не из самого концлагеря, – специально сюда для экзекуции привезенных (чаще всего ими были советские военнопленные), но иногда все же и «своих», в том числе – и чуть ли не еженедельно – по 10–15 все тех же советских военнопленных из подвалов 11-го блока¹³⁸, вечно что-нибудь нарушавших. Трупы, в том числе женщин и детей и часто расчлененные, привозили и от «медиков» – из 10-го блока («экспериментальной лаборатории» Менгеле), из 19-го, где тоже велись эксперименты, но с бактериями, а также из 13-го блока – из еврейской больницы. По пятницам принимались трупы из окрестных поселений¹³⁹.

¹³⁵ Капо был и М. Митек, так что Мюллер пишет о своеобразном двоевластии в команде.

¹³⁶ Pezzetti M. Die Shoah, Auschwitz und das Sonderkommando // Venezia, 2008. S. 252.

¹³⁷ Его лагерный номер очень ранний – 27675. Снятие его показаний состоялось 16 апреля 1945 г. в окружном суде Кракова (см.: Jankowski, 1942).

¹³⁸ В Аушвице-1.

¹³⁹ В том числе однажды и обезглавленный труп бургомистра города Аушвица Юлиуса Грюнвелера.

В июле 1943 года в зондеркоммандо (сначала на крематорий II, затем на крематорий V) вновь попал и Филипп Мюллер – словацкий еврей из городка Серед¹⁴⁰. Еще трое уцелевших «фишловцев» – Адольф Бургер, Макс Шварц и Киль¹⁴¹.

Ко времени поступления Ф. Мюллера в лагере находилось всего лишь 10 629 заключенных, главным образом поляков и немцев. Были среди них и 365 советских военнопленных – жалкие остатки тех 11,5 тысяч зарегистрированных, что попали сюда между июлем 1941 и мартом 1942 года. С советских военнопленных и начался и «послужной список» Ф. Мюллера.

При этом он описывает и свое первое «грехопадение», когда он жадно съел хлеб, найденный им в одежде убитых. После убийства на его глазах трех его товарищей, которых, еще дышавших, ему же пришлось и раздевать, и готовить к кремации, он дошел до самого дна отчаяния. Дошел – и остановился: броситься сам в печь он тоже не мог! Все что угодно, но только не смерть: «Я желал только одного: жить!..» И только с таким настроением да еще с надеждой когда-нибудь и как-нибудь вырваться отсюда, собственно говоря, и можно было пробовать уцелеть в этом аду. К страстной жажде уцелеть примешивалась еще и робкая надежда на то, чтобы, если выживешь, рассказать обо всем, что тут было¹⁴².

Когда Мюллера перевели в Биркенау, в группу из 200 человек, работавшую на крематориях II и III (позднее его перевели на крематорий V), с ужасом слушал он кочегара Юкла (Врубеля?), показывавшего ему устройство будущего крематория-монстра с его газовыми камерами, сушилкой для волос и 15 печами с пропускной способностью в целый эшелон (а ведь рядом еще такой же!).

Первый состав «зондеркоммандо», весьма небольшой, был закреплен за крематорием I в Аушвице-1. Второй – 70–80 человек (в основном словацкие евреи) – уже с начала 1942 года работал в Биркенау, на бункере 1: поначалу он состоял из собственно «зондеркоммандо», работавших с трупами и газовой камерой, и «похоронной команды», обеспечивавшей предание трупов земле в огромных рвах¹⁴³.

Очень быстро с ними произошла отчасти штучная (убийства эсэсовцами на рабочем месте), отчасти массовая «ротация»: в январе или феврале 1942 года второй состав «зондеркоммандо» был доставлен из Биркенау уже в другой бункер – в политическую тюрьму в Аушвице-1. Здесь, по некоторым сведениям, их расстрелял лично Отто Молль, он же «Циклоп»¹⁴⁴, едва ли не главный садист всего Аушвица и в то время начальник Бункера¹⁴⁵. А их трупы пропустили через крематорий I.

Третий состав «зондеркоммандо» – под командованием оберштурмфюрера Франца Хёслера – насчитывал уже около 200 человек!¹⁴⁶ Поначалу работа оставалась неизменной: раздевалка, газовые камеры, рвы-могильники, но в июле, после визита Гиммлера и по его приказу, произошло резкое перепрофилирование: трупы отныне не закапывали в землю, а сжигали в огромных ямах с решетками.

¹⁴⁰ Он был одним из свидетелей на Нюрнбергском процессе (см.: Müller, 1979).

¹⁴¹ См. Приложение 2 в: Полян, 2015.

¹⁴² Müller, 1979. S. 30.

¹⁴³ К нему впоследствии присоединили и первый состав.

¹⁴⁴ Происхождение клички связано, возможно, с тем, что он периодически закрывал глаза. Стриженный и коренастый блондин, он был настоящим монстром. Развлекаясь, стрелял в живых людей, целясь с расстояния 15–20 м в определенные части тела, после чего бросал – убитых или раненых – в печь (Natzari, 1991. P. 45).

¹⁴⁵ Й. Гарлинский, не приводя ссылок, также утверждает, что 80 человек из этого состава «зондеркоммандо» были убиты газом в августе 1942 г. (Garlinski, 1975. P. 245).

¹⁴⁶ Имеется сомнительное свидетельство о ротации «зондеркоммандо» летом 1942 г. – доклад четырех французских врачей Фейгенбаума, Гороу, Шаенфельда и Штейнберга: «Персонал зондеркоммандо очень часто «обновлялся», как, например, первая партия, сформированная в июле 1942 года из русских военнопленных была в августе расстреляна и заменена 250 евреями, которые также были взяты из армии» (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 198. Д. 56. Л.3).

Уже к сентябрю число членов «зондеркоммандо» достигло 300 человек¹⁴⁷, их численность неуклонно росла и дальше (по некоторым данным – до 400 человек). Эти 300 новичков занимались главным образом тем, что раскапывали уже заполненные братские могилы и сжигали, вместе со свежими, еще и полуразложившиеся трупы. Конечно же, опасались заражения грунтовых вод и эпидемий, но главное было в другом: в свете предстоящей грандиозной «задачи» (крематории в это время уже строились вовсю!) для предания земле просто-напросто не хватило бы самой земли!

К декабрю 1942 года «Акция 1005» в Биркенау успешно завершилась: было эксгумировано и сожжено, по некоторым прикидкам, не менее 107 тысяч трупов. Тут уже сомнений не оставалось: эта акция была определенно большой и определенно завершившейся. Наступил черед умереть тем, кто выкапывал, перетаскивал и сжигал, то есть третьему составу «зондеркоммандо».

Видимо, это они понимали и сами, а может быть, они это знали наверняка – сарафанное радио действует круглые сутки. Отсюда – и смутные слухи о подготовке ими восстания, и реальные попытки нескольких групповых побегов в начале декабря.

Правда, попытки эти были предприняты уже после того, как большинства членов той «зондеркоммандо» – около 200 человек – уже не было в живых. 9 декабря 1942 года их перевезли в Аушвиц-1 и загнали в газовую камеру при крематории I¹⁴⁸. В основном это были словацкие и французские евреи: среди них штабовой Шмуэль Кац, а также несколько человек, все из Трнавы, о которых сообщают Р. Врба и А. Ветцлер: Александр и Войцех Вайсы, Феро Вагнер, Оскар Шайнер, Дезидье Ветцлер и Аладар Шпитцер¹⁴⁹.

Пери Бродат отмечал, что эта акция произвела тяжелое впечатление и на самих эсэсовцев, вдруг осознавших, что они и сами являются, в сущности, такими же «нежелательными свидетелями» и что когда-нибудь затолкать в газовую камеру смогут и их¹⁵⁰.

Впрочем, на этот раз была все же не «ротация», то есть полное уничтожение, а всего лишь «селекция» – то есть частичное. В живых оставили главным образом специалистов (зажигальщиков и механиков) и «функциональных узников». Часть из не убитых 3 декабря вскоре все же уничтожили – в разное время и небольшими партиями. И в первую очередь – тех, кто вызывал повышенную активность и, при некоторых обстоятельствах, мог бы оказать наибольшее сопротивление. Вместе с самыми слабыми их отправляли в больницы, где СС-санитары Клерил и Шерпе умерщвляли их уколами фенола¹⁵¹.

Не приходится удивляться тому, что в первую же неделю после 3 декабря некоторые из оставшихся в живых зондеркоммандовцев, не слишком доверяя своему счастью, попытались бежать. Зафиксировано две такие попытки – 7 и 9 декабря¹⁵².

Ранним утром 7 декабря бежали двое – словацкий еврей Ладислав Кноп и румынский Самуэль Кулеа. Начальник лагеря Ганс Амье издал приказ о поиске беглецов, причем, вопреки обыкновению, в приказе сообщалось, что их поимка особенно важна по государственно-полицейским причинам.

¹⁴⁷ По другим сведениям – 400 (Olexy, 1999. S. 122).

¹⁴⁸ Czech, 1989. S. 349. Со ссылкой на: APMAB. Höß-Prozess, Bd.1. Bl.17; Krakauer Auschwitz-Prozess, Bd.7. Bl.7, 113. Б. Баум пишет о 160 человек, которых якобы перевели для организации «зондеркоммандо» в концлагере Гросс-Розен, а на самом деле удушили газами в некоей камере недалеко от лагеря. Казнь, по его суждению, состоялась 9 декабря 1942 г. (Baum, 1962. S. 5–76). Формальным поводом послужила записка о том, что они готовили побег, но их, согласно Ф. Мюллеру, выдал французский еврей, которому отказали в соучастии.

¹⁴⁹ Доклад Р. Врбы и А. Ветцлера (London has been informed..., 2002. P. 213). Они же сообщают довольно позднюю дату селекции (17 декабря), не вполне согласующуюся с другими данными.

¹⁵⁰ KL Auschwitz in den Augen der SS..., 1973. S. 184.

¹⁵¹ Inmitten des grauenvollen Verbrechens..., 1972. S. 52.

¹⁵² Czech, 1989. S. 352–353. Со ссылкой на: APMAB. Höß-Prozess, Bd.1. Bl.17; Krakauer Auschwitz-Prozess, Bd.11. Bl. 102–121.

Далеко они не ушли: обоих поймали в Гармензе в тот же день, в 20.30, и передали главной охране лагеря¹⁵³. 10 декабря их зарегистрировали в тюремной (бункерной) книге Блока 11, а 14 декабря они были «выписаны» из тюрьмы¹⁵⁴, то есть расстреляны¹⁵⁵.

А накануне, 9 декабря 1942 года, в 12.25, начальник службы охраны получил сообщение о побеге еще шестерых членов «зондеркоммандо». В сообщниках у беглецов был сильнейший туман, и в 17.00 их поиски были приостановлены¹⁵⁶. Назавтра двоих из шестерки схватили и препроводили в блок 11. Ими оказались братья Бар и Ноех Боренштейны. Оба были в Аушвиц-Биркенау меньше чем за месяц до побега, 14 ноября, с транспортом из Цихенау¹⁵⁷. По всей видимости – для устрашения остальных узников – обоих публично повесили 17 декабря¹⁵⁸. Как видим, некоторым побегу все же удавались, хотя никакими сведениями о дальнейшей судьбе этих беглецов из ада мы не располагаем.

Как бы то ни было, но после 3 декабря в Биркенау из новых узников, размещенных на лагерном участке ВIb, начали экстренно формировать новую «зондеркоммандо»¹⁵⁹. Вот тогда-то и наступил черед Градовского, Левенталя, Лангфуса и многих других польских евреев, прибывших в Биркенау в конце первой декады декабря: ими – и, в нарушение всех правил, безо всякого карантина! – быстро заменили убитых. Большинство составляли на этот раз польские евреи. Среди этого призыва были и те, кто пережил самый конец лагеря: в частности, Милтон Буки и Шломо Драгон.

До середины июля 1943 года они размещались в изолированных 1-м и 2-м блоках лагеря В (ВIb) в Биркенау¹⁶⁰, а начиная с середины марта один за другим стали входить в строй и крематории в Биркенау. «Работы» было всегда много...

С апреля по июнь 1943 года число членов «зондеркоммандо» удвоилось: к началу июля их было уже 395. Большинство среди новичков составляли польские и французские¹⁶¹ евреи, меньшинство – голландские, греческие и словацкие.

Говоря о греческих евреях, следует помнить о двух их потоках, разительно отличающихся между собой. Оба растянулись на полгода – с марта по август: первый – самый массовый (16 эшелонов, 46 тыс. чел.) – в 1943 году, а второй – в 23 тыс. чел. – в 1944-м. В 1943 году депортировали евреев из немецкой и болгарской оккупационных зон в Греции¹⁶², в основном из Салоник¹⁶³, в 1944-м – из бывшей итальянской: итальянских евреев, как и греческих из итальянской оккупационной зоны в Греции, дуче фюреру не выдавал, как не отдавал «своих» евреев и царь Борис («греческих» евреев – пожалуйста!), но после переворота Бадوليو в июле 1943 года необходимость в согласованиях с дуче отпала¹⁶⁴. Надо сказать, что греческие евреи-сефарды и внешне ощутимо отличались от своих восточно- и западноевропейских собратьев-ашкеназов: они почти не знали изнуряющей жизни в гетто, и среди них было немало бывших военных или партизан – настоящих бойцов, способных и постоять за себя, что они доказали и в Аушвице.

¹⁵³ Czech, 1989. S. 355. Со ссылкой на: *APMAB*. D-Aul.1/3, Fv.D, Bl.158; *APMAB*. IZ-8/Gestapo-Lodz/3/88/87.

¹⁵⁴ Czech, 1989. S. 355–356. Со ссылкой на: *APMAB*. D-Aul.3/1b, Bunkerbuch, S. 91.

¹⁵⁵ По предположению А. Килиана – 15 декабря.

¹⁵⁶ Czech, 1989. S. 355. Со ссылкой на: *APMAB*. D-Aul.1/3, Fv.D, Bl.158.

¹⁵⁷ Czech, 1989. S. 355–356. Со ссылкой на: *APMAB*. D-Aul.3/1b, Bunkerbuch, S. 91.

¹⁵⁸ Впрочем, в «Календарии» Д. Чех на эту дату о публичной казни ничего нет.

¹⁵⁹ Некоторые называли ее «зондеркоммандо-2», что неточно.

¹⁶⁰ Их польские «коллеги» – капо Морава, а также Ильчук и Липка жили в блоке 2 – «бараке для элиты».

¹⁶¹ Среди французских евреев было немало польских, эмигрировавших во Францию в 1920-е гг.

¹⁶² В это же самое время болгарские власти депортировали евреев из «своей» оккупационной зоны, включавшей в себя и часть Македонии. Их депортировали в Треблинку (не менее 5 эшелонов, ок. 11 тыс. чел.).

¹⁶³ Лишь несколько сот из них оказались не в Аушвице, а в Берген-Бельзене.

¹⁶⁴ Czech, 1970. S. 16–21.

Недаром один из персонажей фильма Ланцмана, видевший их в Треблинке, сравнивает их с героями-«маккавеями»¹⁶⁵. Но в Треблинке-2 не было даже селекций, отчего у узников не было времени на то, чтобы хотя бы оглядеться. Прямо на рампе их отрешали от багажа, около бани – от одежды, после чего загоняли в уходивший наверх «шлаух»¹⁶⁶ – проволочный коридор, плотно укутанный одеялами и пожелтевшей хвоей. Очень скоро он приводил на вершину холма, где их и ждало самое главное – величественное здание газовой камеры на выхлопных газах – своего рода Храм Смерти. От прибытия до «убытия» проходило не больше двух-трех часов, и из «маккавеев» в Треблинке не уцелел ни один...

Члены «зондеркоммандо» работали тогда в две смены и на пяти участках: две бригады на крематориях II и III – по 100 человек, две на крематориях IV и V – по 60 человек, и одна на уничтожении следов: пепел выкапывали из ям и сбрасывали в Вислу.

В середине июля 1943 года, после того как в блоках 1 и 2 зоны Б разместился женский лагерь, их перевели в изолированный 13-й блок сектора Д в Биркенау (BIId) – подальше от крематориев II и III и поближе к крематориям IV и V. Именно сюда, в 13-й блок, прибывало и последующее пополнение¹⁶⁷. (Позднее, когда в 13-м стало тесно, вновь прибывающих подселяли также в 9-й и 11-й блоки.)

Этот блок был отгорожен от соседнего барака стеной, возле дверей которой всегда стоял охранник. Но, несмотря на эту особенную атмосферу изолированности, коррупция открывала любые двери. Истинными специалистами по черному рынку зарекомендовали себя сыновья капо Шлойме Кирценбаума. И даже свидания с женщинами оказывались не невозможными для обитателей барака «зондеркоммандо».

Была в этом бараке и небольшая «больничка» – лазарет на 20 мест, где с 1943 года врачом был 35-летний доктор Жак Паш из Франции. Была и своя религиозная жизнь, свой миньян и даже свой даян¹⁶⁸ – Лейб Лангфус из Макова: все свободное время они и некоторые другие молились! Поначалу с ним, а точнее с Богом, спорили, отказывая последнему и в справедливости, и в существовании. Один его бывший ученик бросил ему в лицо: «Нет твоего Бога. А если бы был, то он болван и сукин сын»¹⁶⁹. Но самого даяна все равно уважали и слушали.

Начиная с апреля 1943 года во всех приемных блоках, где бы «зондеркоммандо» ни размещалась в Биркенау и до перевода на крематории, старостой блока (блокэльтесте¹⁷⁰) был Серж Шавиньский, 32-летний французский еврей польского происхождения, бывший торговец текстилем (по другим сведениям – сутенер) в Париже. Он прибыл в Аушвиц еще 30 марта 1942 года, с первым РСХА-транспортом из Франции¹⁷¹. З. Левенталь называл его «последним уголовником и альфонсом», а М. Наджари – человеком, хуже которого трудно себе представить: крупный, всегда свежесбритый и ироничный, он с удовольствием и на полную катушку пользовался правом бить своих «подопечных»¹⁷². В то же время З. Градовский отзывался о нем нейтрально: «лагерный папаша», высокий, светловолосый, полный, улыбающийся, дающий при первом знакомстве с новичком вполне здравые психологические и гигиенические советы.

¹⁶⁵ Lanza, 1986.

¹⁶⁶ От нем. *Schlauch* – кишка.

¹⁶⁷ По словам Ш. Драгона, около 200 греческих и около 500 венгерских евреев (Greif, 1999. S. 169). Сами цифры относятся скорее к 1944 г., но и в этом случае они несколько преувеличены.

¹⁶⁸ Даян – судья, член коллегии раввинов, имеющий право решать ритуальные и иные галахические вопросы, а также разрешать направленные в раввинский суд конфликты. Некоторые называли Лангфуса еще и магидом, то есть проповедником в синагоге.

¹⁶⁹ Müller, 1979. S. 104.

¹⁷⁰ Высший пост в барачно-бытовой иерархии узников (подобно тому, как капо или оберкапо – высшие посты в их трудовой иерархии). Им подчинялись блоковые штубовые (уборщики), шрайберы (писари) и охранники из заключенных.

¹⁷¹ См. Приложение 2 в: Полян, 2015.

¹⁷² Natzari, 1991. P. 41–42.

Еврейскими капо в разное время были Элиазер (Лейзер) Вельбель из Лунны – на крематориях IV и V, Айзик Кальняк из Ломжи – на крематории V, затем в сушилке для волос крематория III, Пауль Кац – на крематории III, Шлойме Кирценбаум из Макова – капо дневной смены на крематории V, Айцеке Новик из Лунны – капо дневной смены (?) на крематории V(?), Даниэль Обстаум – на крематории IV)¹⁷³ и Хайм-Лемке Плишко из Червона-Бора – капо на крематории III¹⁷⁴.

Однако самую «высокую карьеру» сделал Яков Каминский, родом из Скидлы или Соколки¹⁷⁵: уже в марте 1943 года он капо на крематории III, а с декабря 1943 по август 1944 года – оберкапо на крематории II. Врач Яков Гордон, знавший Каминского еще до войны, случайно встретил его в Биркенау: от конца апреля до середины июля 1943 года их бараки (блоки 2 и 3) были рядом, и Каминский, испытывая к нему уже проверенное жизнью доверие, часто и подробно – иногда со слезами – рассказывал о том, чем приходится заниматься «зондеркоммандо» и какие там царят отношения.

Пополнение из Майданека

В январе 1944 года неудачей закончился побег капо Даниэля Обстаума¹⁷⁶ из Франции, штубового Майорчика из Варшавы, Ферро Лангера из Словакии и еще двоих членов «зондеркоммандо» из числа французских евреев. В порядке возмездия около двухсот зондеркоммандовцев были отправлены 24 февраля 1944 года в Майданек, якобы в помощь тамошним коллегам. Но 16 апреля 1944 года пополнение прибыло, наоборот, оттуда – 19 советских военнопленных во главе с Карлом Тёпфером, немцем-капо из Майданека. Увидев на некоторых из них одежду «своих» февральских коллег, зондеркоммандовцы из Биркенау все поняли. Прибывшие подтвердили: аушвицкая «бригада», действительно, была в Майданеке и была там ликвидирована, перед смертью оказав яростное сопротивление.

У этого пополнения – своя особая история и предыстория. Ведь идея использовать в качестве «зондеркоммандо» именно евреев выкристаллизовалась не сразу и не везде. Обершар-фюрер СС Эрих Мусфельдт, с середины ноября 1941 и по начало апреля 1944 года начальник крематориев в Майданеке, показывал на процессе в 1947 году¹⁷⁷, что его похоронная команда (*Bestattungskommando*) в Майданеке – по сути, первый состав «зондеркоммандо»! – поначалу состояла даже не из узников концлагеря, а из польских военнопленных-евреев, как бы «одожденных» лагерю Управлением немецкой оборонной промышленности *DAW* (*Deutsche Ausüstungswerke*) из соответствующего шталага, находившегося в самом центре Люблина¹⁷⁸. Но их всех подкосил тиф, не миновавший, кстати, и самого Мусфельдта: он, правда, не умер, но из больницы вышел только в апреле 1942 года. После больницы в его новой команде было 20 советских военнопленных¹⁷⁹ – не заемных, а «своих», которых он брал и на захоронения в Крепецкий лес, где производились расстрелы¹⁸⁰.

¹⁷³ Müller, 1979. S. 88–89.

¹⁷⁴ Venezia, 2008. S. 127–128.

¹⁷⁵ В некоторых свидетельствах сообщалось, что Каминский был из Цеханува. Но свидетельство Я. Гордона решительно этому противоречит (и, кстати, снимает с Каминского подозрения в отождествлении с «капо из Цеханува», издававшегося над Э. Айзеншмидтом) (Greif, 1999. S. 269).

¹⁷⁶ Д. Обстаум был старым лагерником (с номером приблизительно 38000). Польский еврей и коммунист, перебравшийся во Францию и служивший там в Иностранном Легионе, очень сентиментальный человек. Он покровительствовал Э. Айзеншмидту, в том числе и из-за его комсомольско-бейтарского прошлого (Greif, 1999. S. 268–269).

¹⁷⁷ Здесь и далее показания Э. Мусфельдта от 14 и 16 августа 1947 г. (см.: Żmijewska-Wiśniewska, 1999. S. 19–33).

¹⁷⁸ На улице Липовой, 7.

¹⁷⁹ Из не более чем 300 советских военнопленных, переживших эпидемию.

¹⁸⁰ По некоторым сведениям, в задачи «зондеркоммандо» в Майданеке, возможно, входило и прямое соучастие в убийстве жертв.

В июне 1942 года в Майданеке, между «полями»¹⁸¹ 1 и 2, вступил в строй собственный крематорий (фирмы «Кори»). На сжигание одной закладки трупов уходил час: в реторту помещалось от двух до пяти трупов, дневная производительность одной печи – 100 трупов, а печей было две¹⁸².

Крематорий обслуживала «зондеркоммандо» в составе нескольких (от трех до шести) советских военнопленных из «старой» команды и одного капо: им был сначала один словацкий еврей, чье имя не сохранилось в источниках, а за ним немец-уголовник Ганс Фишер из Вены, имевший фиксированный срок пребывания в концлагере. Члены первых «зондеркоммандо» жили в обыкновенных бараках, вместе с другими узниками. В 1943 году их изолировали и перевели в помещение при крематории. Там же, но отдельно жил и Зейтц, заместитель Мусфельдта, а сам Мусфельдт жил в общежитии СС¹⁸³. Позднее для «зондеркоммандо» был построен отдельный барак между полями 5 и 6, недалеко от нового крематория.

Замечу, что первоначально в обязанности «похоронной команды» входила не только кремация, но, возможно, и исполнение функции палачей. В мертвецкой было два или три крюка, на которых вешали обреченных на казнь узников. Как правило, это были не проштрафившиеся здоровяки, а доходяги, которых приводили на казнь блокфюреры.

После того как осенью 1942 года один из военнопленных из этой команды сбежал, всех остальных ликвидировали. Вместо них в 1943 году в «зондеркоммандо» работали около 20 французских и немецких евреев и трое советских военнопленных. Плюс капо-немец – поначалу все тот же Фишер, а после него другой. О нем дополнительно известно лишь то, что он был еврейским студентом-медиком из Вены.

В феврале 1943 года комендант Майданека Флорштед командировал Мусфельдта в Аушвиц узнать, как они там сжигают трупы в открытом поле. Хёсс поручил его заботам шутцхафтлагерфюрера Амье и начальника политотдела Грабнера.

Понадобилось же это для того, чтобы – в рамках «Акции 1005» – начать выкапывать и сжигать трупы застреленных в Крепецком лесу. Чтобы они лучше горели, трупы обливали метанолом. За один раз можно было сжечь до 100 трупов. В лесу тогда сожгли около 6000 «старых» трупов, а за 5-м полем – около 3000 «новых», но это, вероятно, сильно заниженные цифры. Немец Бруно Хорн исправлял другую «ошибку»: открывал полуразложившимся трупам рты и извлекал из них для Рейха золотые зубы.

В конце октября 1943 года за полями 5 и 6 усиленно копали рвы. В Майданек прибыли около сотни эсэсовцев отовсюду, в том числе и 12 человек из Аушвица, среди них Молль и Хёсслер. 4 ноября 1943 года около рвов было расстреляно 17-18 тысяч евреев – одна из рекордных цифр для единовременных расстрелов где бы то ни было вообще!

Расстреляли и евреев из «зондеркоммандо» Мусфельдта. Тот якобы ходил к новому коменданту лагеря Вайсу и просил оставить «его» евреев, но Вайс отказал. Он ссылаясь на то, что Франк настаивает на том, что в Люблине пора уже обходиться и без евреев. И Мусфельдту пришлось набирать себе новую «зондеркоммандо» – и снова из советских военнопленных: эти работали на сжигании трупов вплоть до Рождества 1943 года.

В ноябре 1943 года за полем 5 той же фирмой «Кори»¹⁸⁴ был запущен новый крематорий. Его строительство закончилось еще в июне, но до января 1944 года он эксплуатировался с перебоями, причем обслуживала его та же команда из советских военнопленных, что до этого сжигала «старые» трупы.

¹⁸¹ Так в Майданеке назывались отдельные части лагеря. Аналогичны «зонам» в Биркенау.

¹⁸² Их привезли из Заксенхаузена.

¹⁸³ Из показаний Роберта Зейтца, заместителя Мусфельдта в крематории в Майданеке (АРММ. Verhörprotokoll 1961. Kserok. 1544).

¹⁸⁴ Она же поставила крематории в Заксенхаузене и в Бухенвальде.

Когда 6 апреля Мусфельдта перевели в Биркенау, он попросил у Мартина Вайса, нового коменданта Майданека, разрешение прихватить с собой эту «двадцатку», чтобы они могли и в Биркенау «нормально» работать – ничего другого они не умеют. Вайс даже написал письмо коменданту лагеря Аушвиц оберштурмбаннфюреру СС Либехеншелю, в котором просил о «работе» для этой двадцатки.

Мусфельдт лично или сопровождал этот необычный транспорт, прибывший в Биркенау 16 апреля, или по крайней мере встречал его на рампе.

Транспорт этот зафиксирован во всех трех хрониках событий – в обеих майданекских и в аушвицкой. Во всех трех упоминаются советские военнопленные – члены «зондеркоммандо», а вот остальные сведения на удивление не стыкуются друг с другом.

Тем не менее приведем их. Согласно Софье Лещинской, первому хроникеру Майданека, 13 апреля в Аушвиц ушел огромный эшелон в 4200 узников, в том числе 1288 женщин. В нем находились и три советских генерал-майора – Тимофей Яковлевич Новиков, Георгий Васильевич Зусманович и Дмитрий Михайлович Карбышев, а также советские военнопленные из «зондеркоммандо». Последних, а также женщин в Аушвице, согласно Лещинской, убили¹⁸⁵. В другой хронике, 1991 года, говорится о численности эшелона в 2566 чел., из них 1239 мужчин, 1287 женщин и 40 детей¹⁸⁶.

Наконец, в аушвицкой хронике Д. Чех за 16 апреля встречаем данные, хорошо совпадающие с тем, что рассказывал на суде Мусфельдт: транспорт из Майданека привез 299 евреек (у Мусфельдта: 275), двоих детей и 20 зондеркоммандовцев (1 немецкий узник + 19 советских военнопленных), причем последних не убили, а зарегистрировали¹⁸⁷.

Встречал эшелон и Либенхеншель, комендант Аушвица, переадресовавший Мусфельдта к начальнику лагеря в Биркенау Харенштейну. Тот заявил, что оставление их в живых невозможно, поскольку новоприбывшие зондеры – носители важной гостайны. Не найдя понимания и у шутцафлагеллерфюрера Шварцхубера, Мусфельдт попрощался с каждым из «своих» зондеркоммандовцев за руку и уехал к себе в Люблин за вещами.

Но когда через 3-4 дня он вернулся в Биркенау, его ждала неожиданность. Хёсс, в то время начальник гарнизона, направил его к коменданту крематориев в Биркенау Крамеру. Тот поставил его начальником над крематориями IV и V, но это решение было подкорректировано: шарфюрер СС Петер Фосс, командофюрер всех газовых камер и крематориев, и Отто Молль, начальник всех крематориев по сжиганию (он-то и был непосредственным начальником над «зондеркоммандо»), назначили Мусфельдта начальником крематориев II и III.

На крематориях IV и V он неожиданно натывается на «своих» зондеркоммандовцев – целых и невредимых¹⁸⁸. И уже тут Мусфельдт настоял на переводе их всех к «себе» – на крематории II и III. Когда всю «зондеркоммандо» перевели на крематории, то советских военнопленных распределили примерно поровну между крематориями II, III и IV (крематорий V был не жилой).

Последние селекции

Выяснить имена членов этой двадцатки до сих пор не удалось¹⁸⁹. Но вот догадаться, почему их оставили в живых, не слишком-то и сложно.

¹⁸⁵ Lesczynska, 1980. S. 319. Со ссылкой на: *APMM*. OPUS 10. S.717. OPUS 9. S. 59.

¹⁸⁶ *Majdanek 1941–1944...*, 1991. S. 455.

¹⁸⁷ *Czech*, 1989. S. 757. Со ссылкой на: Dok. des ISD Arolsen. NB-Frauen, Bl.31. Расхождение в количестве «пассажиров» в эшелоне можно объяснить только одним – большая его часть предназначалась не для Аушвица.

¹⁸⁸ А вот 275 евреек из Майданека были убиты почти сразу же на крематории IV.

¹⁸⁹ Сугубо предположительно можно привести лишь две фамилии – Мотин (Митин?) и Малинков (Маленков? Малинов?) и еще несколько имен или кличек: Виктор, Гаврила, Григорий, Иван (это имя встречается чаще всего), Лука, Любашка (Сашка),

Все дело в том, что начиная с середины мая 1944 года в Аушвиц массово начали поступать венгерские евреи. Численность «зондеркоммандо» в связи с этим увеличилась до 873-874 человек, не считая 30, занятых на разгрузке угля или дров (из них 450 венгерских, 200 польских, 180 греческих¹⁹⁰, 5 немецких, 3 словацких и 1 голландский¹⁹¹ еврей, а кроме того, 19 советских военнопленных, 5 польских уголовников и 1 немец-капо)¹⁹².

Всего в Биркенау в разгар «венгерской акции» было четыре полуавтономных «зондеркоммандо», посменно (дневная и ночная смены) и круглосуточно занимавшихся сжиганием трупов. Каждая численностью приблизительно в 170 человек и каждая под своим номером: 57-я работала на крематории II, 58-я – на крематории III, 59-я – на крематории IV и 60-я – на крематории V. При этом в июне 1944 года их жилые помещения неожиданно перевели поближе к «работе»: тех, кто обслуживал крематории II и III, разместили буквально на печах – на чердачных этажах, а тех, кто обслуживал крематории IV и V, разместили еще более символично: в одной из раздевалок перед газовой камерой крематория IV!

Между зондеркоммандовцами, обслуживавшими четыре крематория, были отличия, зафиксированные цепким глазом патологоанатома: Миклош Нижли отметил, что на крематории IV, например, большинство составляют польские, греческие и венгерские евреи, тогда как на крематории V – польские и французские¹⁹³.

24 сентября 1944 года, после завершения «венгерской операции», 200 членов «зондеркоммандо» отобрали якобы для перевода в лагерь-филиал Глейвиц; в действительности же их отправили в дезинфекционную камеру в Аушвице-I, а затем привезли в мешках для сожжения в Биркенау, причем сжигали на этот раз сами эсэсовцы.

Следующее «сокращение» было намечено на 7 октября – уже существовал список на 300 имен. Отсюда – и дата восстания, в котором приняли участие члены «зондеркоммандо» как минимум с трех крематориев. В результате подавления восстания погибло 250 человек и еще 200 были в тот же день расстреляны. К 9 октября в живых оставалось всего 212 человек.

Крематории I, II и III так и не заработали; в одной из газовой предпринимчивые немцы устроили кроличью ферму. Работу продолжал только крематорий V¹⁹⁴, при этом Менгеле не прекращал и там своих экспериментов над живыми и мертвыми.

Следующая и последняя селекция «зондеркоммандо» состоялась 26 ноября 1944 года: 170 человек увезли из зоны, из них 100 человек расстреляли в «Сауне», а оставшиеся 70 были задействованы на каменоломне. Их даже переименовали (в *Abbruchkommando*) и вернули в BIIId, но не в старый барак «зондеркоммандо» (блок 13), а в обыкновенный (блок 16).

Оставшиеся в зоне 30 человек продолжали жить в крематории V¹⁹⁵. Они занимались довершением его разрушения и демонтажем оборудования. Окончательно крематорий V был взорван только 26 января 1945 года, то есть буквально за день до освобождения лагеря.

В число этих 30 попали, например, Айзеншмидт и Мюллер, с ними же были еще и еврейские врачи¹⁹⁶. Теперь зондеркоммандовцы спускали свои бриллианты и доллары, обменивая их у постовых эсэсовцев на хлеб, колбасу и сигареты. Дантист Фишер додумался до способа

Мишка, Николай и Юрка (см.: *Забочень*, 1965; *Kilian, Neue Forschungsergebnisse...*; *Venezia*, 2008). Как минимум трое-четверо из военнопленных были евреями.

¹⁹⁰ Из них 80 из афинского эшелона, прибывшего в Аушвиц 11 мая 1944 г. (*Venezia*, 2008. S. 85–86.)

¹⁹¹ Голландские евреи были, по свидетельству Э. Айзеншмидта, настолько мало приспособленными для выполнения такой работы, что из 50 членов зондеркоммандо из их числа уцелел только один (*Greif*, 1999).

¹⁹² *Müller*, 1979. S. 143. Один из пяти немецких евреев был некий Цандер из Берлина, тесть одного из эсэсовцев.

¹⁹³ *Nyiszli*, 1961. P. 77.

¹⁹⁴ Там работал Э. Айзеншмидт, сначала грузчиком, а позднее электриком.

¹⁹⁵ М. Нижли – вероятно, ошибочно – полагал, что эти 30 человек – совершенно новый состав «зондеркоммандо».

¹⁹⁶ Э. Айзеншмидт вспоминает о двоих (*Greif*, 1999. S. 284–286), а Нижли указывает на то, что их было четверо.

приумножения обменной базы: из латуни, которую можно было извлечь из развалин, он начал отливать фальшивые золотые зубы.

Таким образом, ко дню эвакуации лагеря 18 января 1945 года в живых оставалось около 100 членов «зондеркоммандо».

В этот день, 18 января, – повсюду дым и огонь от сжигаемых картотек и документации. «Зондеркоммандо» на крематории V глаз не спускали со своих начальников – шарфюрера Горгеса, Куршуса и еще одного. Но никто не вел их расстреливать, а вечером пришел блокфюрер и скомандовал: «Всем в лагерь». Там они встретились с остальными 70.

В ту же ночь, снежную и холодную, начался марш смерти. Члены «зондеркоммандо» не стали дожидаться утра и, словно тени, выбравшись из своего неохраемого барака, смешались в утренних сумерках с толпой. Несколько дней пешего хода до железнодорожной станции Лослау, а оттуда еще несколько дней до Маутхаузена в открытых вагонах. Как минимум семейным удалось убежать еще по дороге – М. Буки, Э. Айзеншмидту, М. Цизиеру, Х. Тауберу, Ш. Драгону, С. Янковскому и Х. Мандельбауму.

Логично было предположить, что по прибытии в Маутхаузен их станут искать для того, чтобы ликвидировать. Но поначалу никто не интересовался носителями едва ли не самой страшной из тайн. Однако на третий день маутхаузенский начальник рывкнул на аппеле «Все члены „зондеркоммандо“ – шаг вперед!»: ни один не сдвинулся с места. Позднее Мюллер столкнется лицом к лицу с Горгесом, но тот не только не выдал его, но и даже принес ему хлеба¹⁹⁷.

Впрочем, в Маутхаузене все же состоялась последняя в истории «зондеркоммандо» селекция – на сей раз были ликвидированы не евреи, а все шестеро польских члена «зондеркоммандо»: капо Мечислав Морава¹⁹⁸, Вацлав Липка, Йозеф Пложак, Станислав Слемяк, Владислав Бикуп и Ян Агрестовский.

Кого брали в «зондеркоммандо»?

От чего зависело, попадет человек в «зондеркоммандо» или нет?

От сочетания многих причин.

Прежде всего – селекция на рампе¹⁹⁹. Ее, как правило, вел лагерфюрер Шварцхубер, и он же отбирал в члены «зондеркоммандо». Решающими критериями были здоровье и физическое состояние: кандидаты в «зондеркоммандо» вскоре должны были пройти еще через одну селекцию – медицинскую комиссию, освидетельствовавшую их на предмет пригодности для этой каторжной работы. При этом учитывался и интуитивный физиогномический прогноз потенциальной коллаборационистской лояльности.

Если ты силен и здоров и ведешь себя скромно, смотришь покорно, а не вызывающе, – остаешься жить. Тебя не увозят на грузовике в газовню, а строят и конвоируют в барак, ведут в баню, где запускают под настоящий, а не ложный душ, и держат 3–4 недели в карантине (ВПбЗ)²⁰⁰, обривают, фотографируют, регистрируют и накалывают тебе на левой руке, в направлении от запястья к локтю, твой лагерный номер²⁰¹.

Получившим такие номера гарантировались жизнь и работа.

Но какая? В каких случаях люди требовались именно в «зондеркоммандо»?

¹⁹⁷ Müller, 1979. S. 276–277.

¹⁹⁸ Морава перед этим попытался улизнуть, но попытка не удалась.

¹⁹⁹ Параллельную селекцию вел еще Менгеле или кто-то из его заместителей: они отбирали «материал» – и прежде всего близнецов – для своих экспериментов.

²⁰⁰ В случае с теми, кто влился в «зондеркоммандо» в декабре 1942 г. (Градовский, братья Драгон и др.), карантин не было.

²⁰¹ На участке между локтем и запястьем, ближе к локтю, а то и вовсе около сгиба левой руки.

Только в одном – если рук у «зондеркоммандо» в этот момент не хватало. Нехватка же возникала в двух ситуациях: или когда членов «зондеркоммандо» становилось меньше (иными словами, когда их всех или их часть отправили в печь или назначили для этого определенный день), или когда работы – «спецобслуживания» не прошедших селекцию евреев – становилось все больше и больше, пока было уже неспорно: так оно случилось и весной 1944 года, когда эшелон за эшелонам (а нередко и по несколько эшелонов в день) начали прибывать венгерские и греческие евреи.

Примером первого варианта служит судьба самого Залмана Градовского или братьев Драгонов – Шломо и Абрама, двух евреев из Жиромина, попавших в Аушвиц 9 декабря 1942 года с транспортом из Млавы²⁰². Тогда крематориев в Биркенау еще не было. В ходу были только ямы у двух бункеров, – это оттуда пахло горелым мясом, это их низкое пламя – особенно зловещее в ночи – было видно издали.

Как и Градовский, братья попали сначала в карантинный блок 25 зоны «В» в Биркенау, но буквально на несколько часов, так и не отбыв положенные по регламенту три карантинные недели. В тот же день их перевели во 2-й блок, где до них жил предыдущий состав «зондеркоммандо»²⁰³. Уже на завтра, 10 декабря, новичков вывели на работу к одному из бункеров. Потрясенный увиденным, Шломо попытался перерезать себе вены осколком бутылки, из-за чего на завтра его (а заодно и его брата) пожалели и оставили в бараке штурбовыми. После этого всю команду перевели в блоки 13 и частично 11 (в блоке 11 размещалась еще и штрафкоммандо). В блоке 11 братья прожили около года, пока их не перевели в блок 13, а летом 1944 года – непосредственно на крематории.

Примерами второго варианта могут послужить случаи Леона Коэна и Иозефа Заккара²⁰⁴.

Первый родился в 1920 году в Салониках, получил светское образование, но учил иврит в воскресной школе²⁰⁵. В Аушвиц попал, как и Наджари, 11 апреля 1944 года²⁰⁶, получил номер 182492. После карантина его перевели в Биркенау и включили в состав «зондеркоммандо». Его выдуманная профессия – дантист – оказалась на новом месте необычайно востребованной: он вырывал у жертв золотые зубы и протезы. Работал сначала в бункере, потом на крематории IV, а затем на крематории III, благодаря чему и уцелел.

Его рабочее место как «дантиста» находилось всего в трех метрах от ближайшей печи. Раскрыть рот (клещами!), осмотреть ротовую полость, вырвать зубы, и всё – кивок головой: следующий! И так до 60–75 трупов за 10 минут!²⁰⁷

Иозеф Заккар, родом из греческого городка Арт, был схвачен 24 марта 1944 года и привезен в тюрьму Хайдари, что под Афинами. Там он пробыл до 2 апреля, а на завтра его самого, его отца, мать и сестер вместе с другими посадили в товарные вагоны и 14 апреля – накануне Пасхи – привезли в Аушвиц. Родителей он больше уже не увидел, а с сестрами расстался позднее.

При регистрации он получил номер 182739. 12 мая в карантинном бараке провели еще одну мини-селекцию, но более строгую, с медицинским осмотром, после чего отобрали 200 или 300 человек²⁰⁸. Среди них оказались и его греческие соотечественники – братья Венеция,

²⁰² Greif, 1999. S. 109–188.

²⁰³ По слухам, они разработали план восстания, но их предали. После этого вся «зондеркоммандо» была ликвидирована. Именно поэтому, возможно, новую «зондеркоммандо» сколачивали так спешно, без карантина.

²⁰⁴ Greif, 1999. S. 329–361 и 59–108.

²⁰⁵ Уцелел в Аушвице, он после войны вернулся в Грецию, а в 1972 г. переехал в Израиль.

²⁰⁶ Сам он полагал, что в конце ноября 1943 г.

²⁰⁷ Greif, 1999. S. 349–351. Золото затем очищалось и переплавлялось в небольшие слитки. Часть золота пряталась и ложилась в основу внутрилагерной торговли с эсэсовцами (те взамен предлагали еду, алкоголь и одежду).

²⁰⁸ Форарбайтерами были L.P. (очевидно, Лемке Плешке) и В.М. (Буки Милтон?), с удовольствием избивавшие других членов «зондеркоммандо» (Greif, 1999. S. 88).

братья Коэн, братья Габай из Афин, Шаул Хазан, Михаил Ардетти, Пеппо-Йозеф Барух, Марсель Наджари, Даниэль Бен-Нахмиас, Менахем Личи и другие.

Всех новичков перевели в блок 13 зоны Д. Узники, которые уже там были, «пожалели» новичков и не стали им ничего рассказывать и объяснять, – сказали только, что в еде и всем прочем недостатка не будет, но что работа будет тяжелая и что будет ее много. Что именно за «работа» их ожидала, стало ясно из «экскурсии» назавтра к бункерам – огромным кострам на открытом воздухе, где полыхали на политых мазутом дровах еврейские трупы.

Как и Коэн, Заккар начал работать на крематории IV, а через три дня был переведен на крематорий III, где и проработал до скончания самого концлагеря Аушвиц.

О себе Заккар говорил, что, как и все другие, он вскоре стал автоматом, машиной, «*всего лишь маленьким винтиком в механизме фабрики смерти*»²⁰⁹. Он твердил заученные слова, успокаивал ими себя. Если бы он мог плакать – плакал бы, не переставая, а так можно сказать, что он плакал без слез, море его слез навсегда пересохло. И после Аушвица уже и вовсе никогда не плакал²¹⁰.

Упомянутые Заккаром братья Габай из Афин – Самуил, Дарио и Яков (все, кстати, итальянские граждане)²¹¹ – прибыли тремя днями раньше его – во вторник, 11 апреля. Из их эшелона в 2500 человек первоначальную селекцию на рампе прошли около 650 человек. А далее история Якова Габая (№ 182569) в точности совпадает с закараровской, вплоть до номера крематория.

Феномен «зондеркоммандо»

В чем заключается феномен «зондеркоммандо»?

Многосложная этическая проблематика сопровождала каждого ее члена буквально на всем его лагерном пути.

Вот узника *N* во время селекции отобрали в члены «зондеркоммандо», разумеется, ни слова не сказав ему о его будущей деятельности: эту мерзкую информационную миссию, как правило, брали на себя все те же уцелевшие от ротаций и селекций старожилы – после того, как надзиратели привели новобранцев в их общий барак.

Новичка ввели в курс дела, – наконец, до него доходит, что его близких – жены, отца, матери, детей – уже нет в живых. А если почему-то с их убийством вышла заминка, то не исключено, что ему еще придется «обслуживать» и их убийство! Он потрясен, оглушен, контужен... А что дальше? Как должен он реагировать на весь этот непередаваемый ужас? Ведь любая форма отказа или хотя бы возмущения, несомненно, была бы самоубийством.

Кстати, такого рода самоубийства или хотя бы покушения на них, конечно же, случались, но были они большой редкостью²¹². Я. Габай рассказал о Менахеме Личи, в первый же свой день действительно прыгнувшем в огонь²¹³. То же сделал и Лейб-Гершл Панич, но в последний день – в день восстания²¹⁴. Э. Айзеншмидт сообщает сразу о трех известных ему случаях: два – это еврейские врачи во время восстания в октябре 1944 года, а третий – некий бывший полицейский из Макова, проглотивший 20 таблеток люминала, но его все равно спасли²¹⁵. Об аналогичном случае на крематории V с капитаном греческой армии подробно вспоминает и М.

²⁰⁹ Greif, 1999. S. 101.

²¹⁰ Greif, 1999. S. 60.

²¹¹ Greif, 1999. S. 189–232.

²¹² Kraus, Kulka, 1991. S.202.

²¹³ Greif, 1999. S. 198.

²¹⁴ ZIH. Relacje 301/1868.

²¹⁵ Greif, 1999. S. 257.

Нижли²¹⁶, его спаситель. Кальмин Фурман, земляк Градовского по Лунне, пытался повеситься после того, как поучаствовал в сожжении трупов своих близких, но спасли и его²¹⁷.

Есть свидетельства и о не реализованных намерениях совершить самоубийства – после жесткого шока от самого первого соприкосновения с чудовищной сущностью работы, отныне предстоявшей новобранцам. Так, Ш. Драгон хотел перерезать себе вены бутылочным осколком, а Ф. Мюллер тоже хотел было присоединиться к своим жертвам, но те, как он пишет, упростили его остаться в живых и все рассказать²¹⁸.

Но рассказ Даниэля Бен-Нахмиаса о четырехстах с лишним греческих евреях из Корфу и Афин, отобранных в «зондеркоммандо» для «обслуживания» венгерских евреев на крематории II и дружно, как один, отказавшихся от этой чести, после чего их самих всех казнили и сожгли, – этот рассказ не вызывает к себе доверия²¹⁹. Ибо как нет правил без исключения, так тем более нет правил, состоящих из одних исключений! Если бы такой потрясающий случай действительно произошел, был бы непременно отмечен и другими уцелевшими узниками «зондеркоммандо», особенно из числа самих греков.

Гораздо правдоподобнее рассказ Марселя Наджари, прибывшего в Аушвиц с тем же транспортом, что и Бен-Нахмиас: *«Жар возле печей был невероятный. Этот жар, потоки пота, убийство стольких людей, выстрелы Молля не давали даже осознать до конца, что происходит. Молль уже застрелил первого из нас, греков, потому что тот не понял его приказ. Еще один, не пожелавший иметь с происходящим ничего общего, бросился сам в печь»*²²⁰. *Обершарфюрер Штейнберг застрелил его, чтобы он не мучился и чтобы мы не слышали его криков. В тот вечер все мы решили умереть, чтобы покончить с этим. Но мысль о том, что мы могли бы организовать атаку, побег и отомстить, взяла верх. С этого момента и началась наша конспирация...*²²¹

Моральная дилемма возникала и в раздевалке, уже при первом контакте с жертвами: говорить или не говорить им о том, что их ждет? А если спросят? Понятно, что такого рода предупреждения и вообще разговоры были строго-настрого запрещены²²². Если бы они загова-

²¹⁶ Nyiszli, 1961. P. 108–109. Д. Чех, расходясь с данными, опубликованными в книге самого Нижли, утверждает, что сначала он работал врачом в Моновице, откуда примерно через месяц был выписан Й. Менгеле для работы в сецессионной лаборатории крематория III (Czech, 1989. S. 788).

²¹⁷ Ср. почти аналогичный рассказ Ф. Мюллера или рассказ Эли Визеля о его друге Беле Каце, попавшем в члены «зондеркоммандо» и вынужденном «обслужить» собственного отца.

²¹⁸ Но разве для того, чтобы решиться все запомнить и рассказать, нужно, чтобы кто-то тебя упрасивал об этом, тем более жертвы? Ощути в себе дух летописца, отыщи, чем и куда писать – и пиши! И еще думай о том, как все написанное тобой спрятать и уберечь!

²¹⁹ Bowman, 1993. P. xviii. Ссылка Боумана на «Календариум» Д. Чех, согласно которому из транспорта с греческими евреями, прибывшего 20 июня 1944 г., селекцию прошли 436 мужчин и 131 женщина, не является подтверждением этой легенды: «венгерская операция» к этому времени хотя и была в самом разгаре, но никакого расширения зондеркоммандо в июне не было. К тому же эшелон из Корфу прибыл не 20, а 30 июня 1944 г., а мужчин, прошедших селекцию, не 436, а 446 (Czech, 1989. S. 809) Впрочем, как о факте пишет об этом и сама Д. Чех в обзоре материалов о греческих евреях в АРМАВ (Czech, 1970. S. 33–34). При этом она ссылается на свидетельство Отто Волькена (АРМАВ. Höss. Bd. 6. Bl. 28–29). В то же время рассказ этот, по замечанию А. Шмаиной, символичен и, возможно, навеян талмудической агадой о черехах еврейских мальчишках, бросившихся в море. В таком случае это не ложь и не искажение, а ориентация на священную традицию сообщения-притчи.

²²⁰ По всей видимости, М. Личи.

²²¹ Natzari, 1991.

²²² Кстати, Л. Лангфус пишет о том, как однажды член «зондеркоммандо» предупредил жертв о том, что им предстоит. Те его тут же заложили, после чего на глазах у других членов «зондеркоммандо» его самого бросили в печь живьем (Возможно, тут имеются в виду обезумевшая женщина из белостокского транспорта и Ицхак Деренский). За то же и так же погиб однажды и Лео Штайн из Тавора (Müller, 1979. S. 119, 127). В то же время Й. Гарлинский сообщает (как водится, без указания источников) об инциденте, якобы имевшем место в 1942 г.: предупрежденный членами «зондеркоммандо» транспорт с 1500 польскими евреями оказал отчаянное сопротивление немцам, причем к ним присоединились и 40 членов «коммандо» (Garlinski, 1975. P. 246).

ривали, спрашивали и узнавали больше о жертвах, хотя бы их имена²²³, – это легло бы страшной дополнительной нагрузкой на их психику и стало бы непереносимо. Но если бы они **не** заговаривали, то и не знали бы ничего из того, что знали о прибывших транспортах. Да и совсем молча было бы невозможно справиться со своей главной задачей в раздевалке – подействовать на жертвы успокоительно, с тем чтобы они как можно быстрее разделись и мирно проследовали бы в «банное отделение». Можно сколько угодно рассуждать о том, насколько же легче было несчастным жертвам провести свои последние минуты в «мирном общении со своими», но от этого ничего не изменится в полном осознании того, насколько же **подла** эта «главная задача»!

Тут же, кстати, возникала и еще одна проблема – проблема женской наготы, а ведь практически все партии были смешанными – мужчины и женщины вместе. Женщины плакали от стыда из-за необходимости раздеваться перед посторонними (при этом на мужчин из «зондеркомmando» столь острое чувство не распространялось – они воспринимались как некий приданный бане служебный персонал).

После того, как последний человек заходил в газовую камеру и массивная дверь закрывалась, облегчение испытывали не только эсэсовцы, но и члены «зондеркомmando». Некому уже было заглянуть им в глаза, и весь стыд и ужас уходили на задний план. В дальнейшем – и уже очень скоро – им предстояло иметь дело только с трупами, да еще с имуществом покойников.

По негласной условленности все съедобное и весь алкоголь, что были в вещах, доставались «зондеркомmando», служа серьезной добавкой к их казенному рациону и своеобразной «валютой», весьма котиравшейся во всем лагере²²⁴, в том числе и у эсэсовцев-вахманов.

Что касается денег и ценных вещей, то присваивать их себе было категорически запрещено – как «зондеркомmando», так и СС; тем не менее это происходило, хотя делал это не каждый из работавших в раздевалке, некоторые – из страха быть пойманными, единицы – из моральных соображений. Частично деньги шли на подкуп СС и на финансирование восстания. Но был еще и черный рынок.

Что же касается трупов, то – несмотря на всю сакральность мертвого тела в еврейской религии – очень скоро от почтения к ним ничего не оставалось. Иные члены «зондеркомmando» позволяли себе ходить по трупам, как по вздувшемуся ковру, сидеть на них и даже, облокотившись, перекусывать.

Да они и сами были будущими трупами – чего тут церемониться: все свои!..²²⁵

Одно из главных обвинений, выдвигаемых против членов «зондеркомmando», – это категорическая несовместимость статуса их личности и их работы с универсальным статусом человека.

Для того чтобы ответственно и не рискуя жизнью выполнять порученное им эсэсовцами, нужно было, прежде всего, самим перестать быть людьми. Отсюда правомерность и другого тяжкого обвинения в их адрес – неизбежное в их ситуации озверение, потеря человеческого облика.

Это отчасти проявлялось и во внешнем виде членов «зондеркомmando», но особенно – в их внутреннем состоянии: многие сталкивавшиеся с ними узники воспринимали их как грубых, опустошенных и опустившихся людей.

Люси Адельсбергер, узница Аушвица и врач, так характеризовала членов «зондеркомmando»: *«То были уже не человеческие создания, а перекошенные, безумные существа»*²²⁶. Или

²²³ Но иногда они делали и это. Так, Градовский приводит имя Кешковской – женщины из Виленского гетто, рассказавшей ему о судьбе его отца.

²²⁴ Иногда они подкармливали и членов собственных семей, если те находились в Биркенау, а также подкупали эсэсовцев.

²²⁵ Еще менее сакрализированными были еврейские трупы для членов СС. После объявления и осознания государственной установки на физическое уничтожение евреев все евреи – в том числе еще живые – для них стали как бы трупами. Тем более трупами, покойниками были для СС и сами члены «зондеркомmando».

²²⁶ Langbein, 1995. S. 288.

Врба и Ветцлер, чей побег, кстати, был бы невозможен без предметов, раздобытых членами «зондеркоммандо» и полученных от них, – они тоже не скупятся на обличающие эпитеты: *«Члены зондеркоммандо жили изолированно. Уже из-за чудовищного запаха, исходившего от них, с ними не возникало желания контактировать. Всегда они были грязные²²⁷, абсолютно потерянные, одичавшие, жестоко подлые и готовые на все. Не было редкостью, если они убивали друг друга»²²⁸.*

К ним примыкает даже не свидетельство, а настоящий приговор, или диагноз, слетевший с уст Сигизмунда Бенделя, одного из врачей «зондеркоммандо»: *«В людях, которых я знал, – в образованном адвокате из Салоник или в инженеру из Будапешта – не оставалось уже ничего человеческого. То были дьяволы во плоти. Под ударами палок или плеток СС они бегали как одержимые, чтобы как можно скорее выполнить полученное задание»²²⁹.*

А вот свидетельство еще одного специалиста-врача: *«Члены зондеркоммандо болели редко, их одежда была чистой, их простыни свежими, пища хорошей, а иногда и исключительно хорошей. Кроме того, все это были молодые люди, отобранные именно вследствие их силы и хорошего телосложения. Если у них и была склонность, то к нервным нарушениям, так как колоссальной тяжестью для них было осознавать, что их братья, их жены, их родители – вся их раса целиком – мученически погибали здесь. День за днем они брали тысячи тел и своими руками бросали их в печи крематориев. Последствиями этого были тяжелые нервные депрессии и, часто, неврастения»²³⁰.*

Кстати, сам Миклош Нижли – интереснейший случай того же самого. В силу своего амплуа – ассистент Йозефа Менгеле! – он был привилегированной фигурой даже на фоне «зондеркоммандо» (не только своя постель, но и своя комната, и т. д.). Бруно Беттельгейм, американский психолог и тоже узник Аушвица, в своем предисловии к книге Нижли попробовал было противопоставить коллаборационистскому поведению Нижли поведение врача-психотерапевта Виктора Франкля, не помогавшего СС в его штудиях. Это верно, как верно и то, что и Франкль от этого вовсе не отказывался: просто ему этого никто не предлагал. Самого Беттельгейма больше волнует не Нижли, а коллективное поведение евреев: почему, несмотря ни на что, они продолжали свои обычные гешефты (*business as usual*), почему, как лемминги, они покорно и молча шли в крематории, почему они бездействовали? Но, приводя в качестве примера «правильного действия» своевременную эмиграцию, он, в сущности, оправдывает палачей. Он даже не задается вопросом, а почему это люди, столетиями жившие, скажем, в Вене или Берлине и корнями в них вросшие, должны были все бросить и уехать?!

Некоторые, несомненно, просто сошли с ума, но остальные, движимые инстинктом выживания, становились апатичными и бесчувственными, эдакими **роботами** – рабочими механизмами без души и эмоций, что, впрочем, не мешало их дисциплинированности и «готовности на все».

На вопрос, что он чувствовал, когда слышал предсмертные крики задыхающихся людей за дверями газовой, Леон Коэн ответил:

²²⁷ А propos: «грязные» члены «зондеркоммандо» – единственные во всем лагере узники, в чьем распоряжении в любое время имелся горячий душ.

²²⁸ См.: *London has been informed...*, 2002. P. 214. Однако из предыдущего изложения выясняется, что, несмотря на все ужасы, общение, и довольно тесное, имело место (у Ветцлера в «зондеркоммандо», судя по всему, работал брат): через «зондеров» в лагерь попадали продукты, одежда, медикаменты и даже валюта, найденная у убитых.

²²⁹ *Langbein*, 1995. S. 285. Поскольку общие больницы и лазарет были для «зондеркоммандо» недоступны, у них в 13-м бараке был своего рода медпункт, где, видимо, и работал Бендель. Решительно непонятно, почему его собственная роль в этом дьявольском конвейере казалась ему лучше или чище других? То же относится и ко Врбе и Ветцлеру, регистраторам, до побега бывшим на самом лучшем канцелярском счету не где-нибудь, а в самом Политическом отделе всего Аушвица-Биркенау!

²³⁰ *Nyiszli*, 1961. P. 70–71.

«Я должен вам сказать что-то ужасное. Но это правда. Мы были тогда как роботы. Мы не могли позволить себе предаться силе чувств, которые возникали у нас по ходу нашей работы. Человек же эти чувства, являющиеся составной частью его работы, вынести не может! Мы же чувствовали себя „нормальными людьми“ только тогда, когда мы эти свои чувства на корню подавляли, только тогда наши действия принимали личину „работы“, которую мы должны были выполнить согласно указаниям немцев. Так это выглядело. Мы не думали об ужасном в нашей „работе“, у нас не было по этому поводу эмоций. Собственно говоря, у нас не было и чувств. Мы их задушили еще в зародыше»²³¹.

Коэну буквально вторил Яков Габай:

«Поначалу было очень больно быть обязанным на все это смотреть. Я не мог даже осознать того, что видели мои глаза – а именно: от человека остается всего лишь какие-то полкилограмма пепла. Мы часто об этом задумывались, но что из этого всего толку? Разве у нас был выбор? Побег был невозможен, потому что мы не знали языка. Я работал и знал, что вот так же погибли и мои родители. Что может быть хуже? Но через две, три недели я к этому уже привык. Иногда ночью, присев отдохнуть, я опирался рукой на труп, и мне уже было все равно. Мы работали там как роботы. Я должен был оставаться сильным, чтобы выжить и иметь возможность все рассказать, что в этом аду происходило. Действительность такова, что человек ужаснее зверя. Да, мы были звери. Никаких эмоций. Иногда мы сомневались, а осталось ли в нас еще что-то человеческое? <...> Мы были не просто роботы, мы были звери. Мы ни о чем не думали»²³².

Так неужели на самом деле ни в ком из них не оставалось ничего человеческого? Были среди них нормальные, не озверевшие люди?..

Были!

Наверное, все они мечтали о мести, но некоторые всерьез задумывались о сопротивлении и о восстании. Настолько всерьез, что однажды это восстание и в самом деле состоялось. Думается, что именно восстание и все, что с ним и его подготовкой связано, сыграло решающую роль на пути возвращения многих членов «зондеркоммандо» из Биркенау к ментальной и душевной нормальности.

Свое человеческое начало всем им пришлось доказывать по самому высшему счету, и они его доказали! И не только – точнее не столько – самим восстанием, не только тем, что в считанные часы отвоеванной ими последней свободы они сумели разрушить и вывести из строя одну из четырех фабрик смерти в лагере.

Они доказали это прежде всего тем, что некоторыми из них – пусть и немногими – владело призвание стать последними свидетелями – и, может статься, первыми летописцами – последних минут жизни многих сотен тысяч соплеменников. Осознание этого придавало им моральную силу, и такие люди, как Градовский, Левенталь или Лангфус, в апатию или не впадали, или научились из нее выходить.

Они оставили после себя свои *свидетельства* – аутентичные и собственноручные записи с описаниями лагеря и всего того, чем им пришлось здесь заниматься, – эти, как уже отмечалось, центральные документы Холокоста! (Берегли они и свидетельства третьих лиц, как, например, рукопись о Лодзинском гетто.)

Бесценны и десятки других свидетельств тех членов «зондеркоммандо», которые чудом остались в живых. Независимо от того, в какой форме они были сделаны – в форме ли показаний суду или при расследовании преступлений нацистов, в форме ли интервью²³³, или в форме отдельных книг (как Нижли, Мюллер или Наджари).

²³¹ Greif, 1999. S. 346–347.

²³² Greif, 1999. S. 221–222.

²³³ И тут необходимо подчеркнуть роль О. Кулки, Г. Грайфа, А. Килиана, М. Пезетти, Б. Праскье, К. Ланцмана и всех

«Мы делали черную работу Холокоста», – как бы подытожил за всех Яков Габай²³⁴.

«Умри ты сегодня, а я завтра!»

Уже в лагере, изолированные от всего мира, члены «зондеркоммандо» все же сталкивались с тем отторжением и ужасом, которые они вызывали у других евреев – прежде всего у самих жертв.

Лейб Лангфус честно признается: *«А вот случай из конца 1943 года. Из Шяуляя прибыл транспорт с одними детьми. Распорядитель казни направил их в раздевалку, чтобы они могли раздеться. Пятилетняя девочка раздевает своего годовалого братишку, к ней приблизился кто-то из коммандо, чтобы помочь. И вдруг девочка закричала: „Прочь, еврейский убийца! Не смей прикоснуться к моему братику своими запачканными еврейской кровью руками! Я теперь его добрая мамочка, и он умрет вместе со мной на моих руках“. А семи- или восьмилетний мальчик, стоящий рядом, обращается к нему же: „Вот ты еврей и ведешь таких славных детишек в газ – но как ты сам можешь жить после этого? Неужели твоя жизнишка у этой палаческой банды тебе и впрямь дороже, чем жизни столько еврейских жертв?..“»²³⁵.*

Дети шарахались от «зондеркоммандо», для детей они были своего рода «персонификацией смерти»²³⁶.

В уста Галевского, одного из руководителей восстания в Трешлинке 2 августа 1943 года, Жан-Франсуа Штайнер, автор романа «Трешлинка», вложил следующие слова: *«В этом-то и корень необычайной силы нацистской системы. Она оглушает своих жертв, как это делают некоторые пауки. Она оглушает людей и убивает оглушенных. Кажется, что это довольно хлопотно, но в действительности иначе ничего бы не получилось. <...> Мы, пособники пособников и служители смерти, вегетируем в совершенно новом мире, мире посредине между жизнью и смертью, скомпрометированные настолько, что мы своей жизни можем только стыдиться»²³⁷.*

Когда палач и жертва находятся по разные стороны плахи, это хотя бы понятно. «Зондереры» же были принуждены соучаствовать в конвейере убийства и выполнять задания, о которые немцы, представители народа-господина, сами не хотели мараться. За это они оставляли их на некоторое время номинально живыми. Но, оставляя в живых бранные тела своих подручных, эсэсовцы тем вернее брали в заложники и убивали нечто большее – их души.

Члены «зондеркоммандо» были самыми информированными заключенными во всем лагере и потому – самыми охраняемыми и самыми обреченными. По поводу своей судьбы они не строили никаких иллюзий и прекрасно понимали, что принадлежность к «зондеркоммандо» – не что иное, как разновидность смертного приговора, но с временной отсрочкой приведения его в исполнение и без указания точного срока.

Иными словами, то, за что они боролись своим каждодневным трудом, было даже не жизнью, а всего лишь *отсроченной смертью*.

Так что же тогда двигало ими? Природное жизнелюбие? Надежда на чудо? Или универсальный принцип, раньше всех и лучше всего сформулированный в ГУЛАГе: «Умри ты сегодня, а я завтра!»?

других, кто разыскивал бывших членов «зондеркоммандо» по всему свету и брал у них интервью.

²³⁴ Greif, 1999. S. 221.

²³⁵ Inmitten des grauenvollen Verbrechens..., 1972. S. 125.

²³⁶ Выражение М. Наджари.

²³⁷ Steiner, 1966. S. 123–124.

Уничтоженный крематорий: смысл и цена одного восстания

Не дадим вести себя, как овцы на заклание!..
Аба Ковнер, Вильна, 1 января 1942 г.

*Мы, зондеркоммандо, уже давно хотели покончить с нашей
страшной работой, навязанной нам под страхом смерти.*
З. Градовский

Побеги и самосуды

Как непосредственные носители главного людоедского секрета Третьего рейха члены «зондеркоммандо» априори были больше других обречены на смерть, чем сжигаемые ими люди. Но четких инструкций, предписывающих сменять «зондеркоммандо», скажем, каждые четыре месяца или полгода, не было – иначе бы немцы их строго исполняли, а в самих акциях исполнения прослеживалась бы более строгая периодичность, нежели это было на самом деле.

Впрочем, по свидетельству Хёсса, существовало распоряжение А. Эйхмана, согласно которому рядовых членов «зондеркоммандо» полагалось ликвидировать после каждой большой акции²³⁸. В слове «большой» и было их спасение, ибо калибры акций определялись на месте. Акции же были каждый день, стали рутинной, и менять опытных профессионалов на рядовых необученных при таком раскладе не было никакого смысла. Наоборот, при усилении «акций» требовались дополнительные рабочие руки. Немцы, конечно, ценили их опыт²³⁹ – живые они были им все же полезнее, чем безвредные мертвые; да и обучать новеньких в самый разгар перенапряжения с ликвидацией венгерских евреев было некогда и себе дороже.

И если ротации, то есть массовые смены составов «зондеркоммандо», и происходили, то совершенно по другим причинам и непредсказуемо непериодически. Самое важное, что такая угроза и так висела над ними каждый день, каждый час и каждую минуту.

Отсюда тактика, она же стратегия, самой «зондеркоммандо» – выбрать момент, восстать, вывести из строя печи и газовни, перерезать проволоку и прорваться за пределы лагеря, а там, а там – на волю! В Татры, в Бескиды, например! К партизанам!

Иными словами, достойной целью восстания представлялся именно массовый и успешный побег. То же самое, к слову, было и в других лагерях смерти – в Треблинке и Собиборе.

Удачные побеги становились спасением для отдельных людей, но со временем возникла и окрепла решимость поднять такое восстание, которое дало бы возможность бежать большому числу узников. Поэтому в высшей степени недобросовестны попытки приуменьшить значение как побегов, так и восстания утверждениями типа: да они же «спасали свои шкуры»! да они же хотели «всего лишь» убежать – как будто другие восстания имели своей целью взятие Берлина!²⁴⁰

Кстати, о побегах. Согласно данным Т. Ивашко, их было зафиксировано 667, из них еврейских 76, то есть чуть больше 10 %²⁴¹. Еврейские побеги были потому сравнительной ред-

²³⁸ Hüb, 1958. S. 114.

²³⁹ Особенно котировались врачи и, если верить Мюллеру, зажигальщики, к которым принадлежал и он – член «зондеркоммандо» фактически с момента ее основания.

²⁴⁰ Примером такой попытки является, например, статья Тадеуша Ивашко: Iwaszko, 1964, S. 40–41.

²⁴¹ Iwaszko, 1964. S. 52.

костью, что шансов на успех у них практически не было. Без больших надежд на сочувствие и помощь со стороны окрестных поляков у евреев (даже у польских) серьезных шансов уцелеть не было. Местное польское население охотно помогало польским беглецам, неохотно, но все же помогало – русским, а еврейских, как правило, выдавало или, если за этим таилась хоть какая-то выгода, грабило и убивало само.

Лучше всего о преобладающем у поляков отношении к евреям говорил тот характерный жест, которым они повсеместно и глумливо встречали и провожали эшелоны с евреями, – провести ладонью по горлу, словно ножом – бжик-бжик. «Конец вам, евреи, конец!» – вот что означал этот жест, а вовсе не «предупреждение евреев об опасности», как столь же дружно, но с безнадежной неубедительностью пытались «объяснить» Ланцману те же самые поляки, но спустя 30 лет²⁴².

А о том, как на самом деле воспринимался этот жест теми, кому он был адресован, написал Градовский: *«И как ужасно! Вот стоят две молодые христианки, заглядывают в окошки поезда и проводят рукой по горлу. Трепет охватывает тех, кто видел эту сцену, кто заметил этот знак. Они молча отшатываются, как от призрака. Они хранят молчание, не в силах рассказать об увиденном. Они не хотят усугублять горе, которое с каждой минутой и так становится все тяжелее, кажется, что уже вот-вот...»*

...И тем не менее первые еврейские попытки побега из Аушвица-Биркенау датируются еще 1942 годом! Люди прятались в грузовиках, которые вывозили из лагеря цемент, кирпич или мусор. Необходимость заранее «договориться» с охраной делала такие побегии слишком рискованным предприятием²⁴³. Еще более рискованными и потому еще более редкими были случаи побега в одежде и с документами вольнонаемных рабочих!

Куда более автономными и потому более удачными оказались побегии через так называемые *«малины»*²⁴⁴ – небольшие щели-укрытия, устроенные в канализационных люках, внутри штабелей досок или (самые безопасные!) под землей, в мелиорационных коллекторах. И. Айгер пишет, что, несмотря на риск, работа по устройению таких малин давала истинное удовлетворение. Самое главное, чтобы они находились за круглосуточно охраняемой территорией лагеря (туда часто выводили на дневную работу), но внутри контура так называемой большой *«Postenkette»*²⁴⁵, охранявшейся только днем и снимавшейся на ночь. Люди «исчезали» с места работы и отсиживались в такой малине два или три дня, пока их не переставали искать. Тогда, под прикрытием ночи, они выползали из малины наружу, оставляя ее в полном порядке для следующего «пользователя» (если об этом существовала предварительная договоренность²⁴⁶), и двигались чаще всего на юг или юго-восток, вверх по Соле, – в направлении Бескид и близкой Словакии.

Многим удалось бежать именно таким образом, но каждый раз, когда побег обнаружился, поднимали тревогу и завывали сирены, начинались поиски, в результате которых многих беглецов все-таки ловили. Тогда их или убивали на месте, или доставляли в лагерь Аушвиц-1,

²⁴² Lanzmann, 1986. S. 52–53. Сам К. Ланцман называл этот жест садистским. (Там же. С. 274.)

²⁴³ Так, согласно И. Айгеру, погибло несколько десятков человек, среди них блок-эльтесте А Фридман, Унглок и др. Вместе с тем тот же Айгер приводит запомнившиеся ему имена еврейских беглецов из Аушвица-Биркенау: Адам Кржижановский – бежал в 1942 г., вернулся в 1943 г. под именем Гурского и снова бежал; Мундек, еврей из Катовиц, бежал в 1942 г., позже оказался в Венгрии; Гецель, польский еврей из Франции, Моше Цитрон и Куба, польские евреи, и Айзенбах, словацкий еврей – все четверо схвачены у Паланки; Хенрик Ицикович, польский еврей, после войны – в Париже; Иосиф Канер, польский еврей из Кельце, его схватили и публично повесили; доктор Куба, французский еврей; Хаим Мошель, польский еврей из Сосновиц, его позже схватили и вернули в Биркенау, где он погиб в газовой камере; Едидья, польский еврей из Сосновиц; Екутиэль из Варшавы и Бенямин Хмельницкий из Лодзи, после войны жили в Германии; Ясель Кац из Лодзи, после войны жил в Америке (Aйгер, 1948).

²⁴⁴ Малинами их называли по аналогии с тайными укрытиями в гетто. Но иногда их называли и «бункерами» (не путать ни с блоком 11 в Аушвице-1, ни с двумя бывшими крестьянскими дворами – газовнями).

²⁴⁵ «Цепь часовых» (нем.).

²⁴⁶ План расположения этих бункеров был сделан Шмуэлем (Сташеком) Голембиевским из Кельце (Aйгер, 1948).

где, после допроса в 11-м блоке, чаще всего казнили, иногда – для устрашения остальных – публично.

Не случайно едва ли не все успешные еврейские побеги пришлось на 1944-й год. 5 апреля вместе с настоящим эсэсовцем(sic!) Виктором Пестиком²⁴⁷ бежал переодетый в эсэсовскую форму Витеслав Ледерер, прибывший в Аушвиц из Терезина в декабре 1943 года: он добрался до Чехословакии, связался с подпольщиками, жил в укрытиях в разных городах и несколько раз тайно посещал Терезин. Там он встречался с членами еврейского Совета старейшин и рассказал им о том, что их ожидает в Аушвице. Но те не поверили ему, а только качали головами и все показывали почтовые карточки из мистического «Ной-Беруна» с датой 25 марта: столь недостоверными и нелепыми байками они решили свои 35 тысяч евреев не волновать²⁴⁸.

7 апреля 1944 года – спустя месяц после ликвидации семейного лагеря – убежали словацкие евреи Рудольф Врба (настоящее имя Вальтер Розенберг) и Альфред Ветцлер: оба работали в Биркенау регистраторами²⁴⁹. Переждав три дня в малине, они пошли вверх вдоль Солы, пересекли границу со Словакией и, благодаря помощи случайно встреченных людей, 25 апреля благополучно добрались до Жилины. Некоторое время их прятали в надежном месте в предгорьях Татр, в Липтовски Святы Микулаш²⁵⁰.

Следующую пару составили Чеслав (Цешек) Мордовиц и Арношт Росин, причем Росин (№ 29858) – бывший и старейший член «зондеркоммандо» и, наверное, единственный, кому удалось от этой «честь» откупиться²⁵¹. Они бежали 27 мая 1944 года – и примерно по той же схеме, что Ветцлер и Врба. 6 июня их даже арестовали в словацкой деревушке Недеца, но приняли за контрабандистов (у них были с собой доллары) и отпустили, вернее, позволили местной еврейской общине выкупить их из тюрьмы и спрятать все в том же Липтовски Святы Микулаше²⁵².

Время от времени члены «зондеркоммандо» пытались бежать и со своих рабочих мест, но всегда неудачно. Особенно громким был провал побега пятерых во главе с французским евреем-капо Даниэлем Остбаумом, подкупившим охрану. Их поймали и, вместе с подкупленным охранником, которого Остбаум потом выдал, казнили. Этот побег, возможно, был использован как дополнительный повод для очередной ликвидации «зондеркоммандо» в феврале 1944 года – той самой селекции, о которой пишет Градовский в «Расставании»²⁵³.

²⁴⁷ Случай с Пестиком – единственный в своем роде. Рядом с ним можно поставить и дезертирство украинской охранной роты, откомандированной в Аушвиц в марте 1943 г. (См.: *IfZ*. Fa 183/1. Bl.229. См. также: *Lasik*, 1999. S. 338). Но упомянем и два очень похожих парных побега поляка в форме СС и еврейки (раздобыть форму СС можно было только при активном пособничестве кого-то из СС). Первый побег – Эдека (Эдварда) Галинского (№ 531) и «лауферки» (посыльной) Мали Циметбаум из Бельгии (№ 19880) – довольно известен. Он начался 24 июня 1944 г. и довольно удачно: эсэсовец, согласно приказу, эскортирует узницу. Но 6 июля, то есть спустя две с лишним недели, Мали арестовали на словацкой границе, после чего Эдек сдался сам. В Аушвице их пытали, но своих сообщников они не выдали. Эдека, выкрикнувшего перед смертью: «Да здравствует Польша!», публично повесили в мужском лагере, а аналогичная казнь Мали в женском лагере была сорвана: в момент зачитывания приговора она перерезала себе вены и еще полоснула бритвой по лицу ротфюрера Риттера, бросившегося отнимать у нее бритву. Казнь прекратили, а Мали перевязали и отвели в ближайший крематорий, где, видимо, застрелили (*Kielar*, 1962; *Langbein*, 1965. S. 129; *Iwaszko*, 1990. S. 164–168). Менее известным и героичным, зато более успешным оказался побег Ежи Билецкого (№ 243) и Цили Ставиской (№ 29558), начавшийся 21 июля 1944 г. Пойдя не на юг, а на север, в сторону Генерал-губернаторства, они добрались до городка Михова, где, с помощью польского населения, смогли «залечь на дно» и дожидаться освобождения (*Iwaszko*, 1990. S. 169–170).

²⁴⁸ *Kamy*, 1999. S. 157–183.

²⁴⁹ После их побега все регистраторы-евреи лишились своих мест.

²⁵⁰ *Swiebocki*, 2002. P. 24–42. См. подробнее выше.

²⁵¹ Он прибыл в лагерь 17 апреля 1942 г. и после нескольких недель на строительстве бараков в Биркенау был включен к «зондеркоммандо», но за взятку был переведен в старосты 24-го блока.

²⁵² См.: *London has been informed...*, 2002. P. 275–290. В частности, о «зондеркоммандо» и о самих Ч. Мордовице и А. Росине см. в том же издании: P. 212–214, 42–53. См. также: *Swiebocki*, 2002. P. 42–53. И. Айгер сообщает о Мордовице, что его вернули в Биркенау, но, чтобы СС его не расстреляли, подпольная организация в ту же ночь тайно отправила его с транспортом, и он остался жив.

²⁵³ Странно, что он не упоминает о самом побеге.

Кроме побегов, были в лагере и другие задокументированные разновидности еврейского сопротивления или коллективного неповиновения. Так, ночью 5 октября 1942 года около 90 евреек-француженок были убиты во время «кровавой бани», устроенной эсэсовками и немцами-капо (из уголовниц) в бараке женской штрафной роты в лагерном отделении Аушвица в Будах (близ Биркенау). Шестеро из их особенно рьяных убийц были даже казнены 24 октября после проведенного политотделом расследования²⁵⁴.

Встречался и еврейский самосуд – правда, только по отношению к «своему», к еврею-коллаборационисту. Так, если верить Б. Бауму, то жертвами самосуда жертв стали в новогоднюю ночь 1945 года и некоторые узники основного лагеря Аушвиц-1, в частности бельгийский еврей, выдавший гестапо десятки соотечественников, или капо Шульц²⁵⁵.

А вот история, которая облетела весь концлагерь: с небольшими вариациями ее рассказывали десятки человек. 23 октября 1943 года в Аушвиц прибыл транспорт с так называемыми «евреями на обмен» из Берген-Бельзена, в основном богатыми евреями из Варшавы. Их заставили раздеться, и тогда одна женщина – Франциска Манн – красавица-артистка, улыбнувшись, хлестнула только что снятым бюстгалтером по лицу стоявшего рядом высокопоставленного эсэсовца (Квакернака), выхватила у него револьвер и двумя выстрелами смертельно ранила рапорт-фюрера Шиллингера, стоявшего рядом с Квакернаком²⁵⁶, а также – несмертельно – самого Квакернака или унтершарфюрера СС В. Эмериха. После этого и другие женщины набросились на эсэсовцев в попытке выхватить у них оружие, но всех их перестреляли на месте. Своего рода Массادا посреди Холокоста!

Не были покорными овцами и некоторые из тех стариков и женщин с детьми, что не прошли селекцию на рампе и были доставлены на скорую смерть в зону крематориев. В разгар массовой «венгерской» операции, когда эшелоны прибывали впритык друг за другом, случалось и так, что селекция проводилась в такой спешке, что на казнь отправляли едва ли не всех без разбору. Тем выше была готовность евреев к неповиновению и спонтанному сопротивлению, к попыткам вырваться из раздевалок перед газовнями или к отказу спускаться в них. Отчаявшиеся люди разбегались по территории лагеря в поисках возможности скрыться, чем создавали непредусмотренные осложнения немцам в их продуманной технологической цепочке уничтожения евреев. В результате, начиная с 3 июня 1944 года, пришлось не выключать ток в проволоке ограждения и в дневное время²⁵⁷.

Спонтанное сопротивление демонстрировали иногда и сами члены «зондеркоммандо». Ярчайший пример – сольное восстание Альберто²⁵⁸ Эрреры, торговца продовольствием из Салоник, участвовавшего в подготовке и общего восстания «зондеркоммандо». Есть две вер-

²⁵⁴ Czech, 1989. S. 314–315, 323–324. Эти события отражены и в воспоминаниях Хёсса, и в показаниях сотрудника политотдела Пери Броуда (*KL Auschwitz in den Augen der SS*, 1973. S. 77f, 162–168, 227), и в дневнике И. Кремера за 24.10.1942 (*Kremer's Tagebuch*, 1971. S. 50, 113).

²⁵⁵ Baum, 1962. S. 102. Легендарной, по-видимому, является новелла о том, как «незарегистрированные» евреи из Лодзи якобы сами забили до смерти ненавистного им председателя юденрата Хайма Румковского, тоже «незарегистрированного», – прямо перед их общей газацией.

²⁵⁶ См. комментарий к «Чешскому транспорту» З. Градовского. Мужчин из этого транспорта направили на крематорий III, а женщин – на крематорий II. Сообщения об этом случае весьма часты, причем не только у узников «зондеркоммандо», но и у обычных заключенных. При этом, как правило, они весьма неточны в деталях. См., например, «свидетельство» Ш. Драгона, якобы присутствовавшего при этой сцене и находившегося всего в 5 метрах от женщины, застрелившей Шиллингера (*Greif*, 1999. S. 163–165). В лагере после этого даже распространился слух, что остальных евреев из этой группы нацисты были вынуждены выслать живыми за границу (здесь – в передаче Аврома-Берла Сокола из Высокого-Мазовецкого. См: ZIH. Relacje 2250). Сообщают об этом инциденте и те, кто совершил удачный побег из Аушвица, в частности И. Табо. Вместе с тем в пересказе М. Забоченья сам инцидент даже перенесен из раздевалки крематория на рампу (*Забоченья*, 1965. С. 118–119).

²⁵⁷ Обычно ее включали только на ночь, когда периметр не охранялся часовыми из «большой цепи». См.: Czech, 1989. S. 793. Со ссылкой на: *APMAB*. D-Aul-1/Standortbefehl Nr. 17/44 v. 9.6.1944.

²⁵⁸ По другим источникам – Алексос, или Алекс. Молва приписывала ему офицерский армейский опыт, но это не так (*Kilian A. Zur Mythologisierung eines griechischen Helden des Widerstands: der Auschwitz/Flüchtling Alberto Errera // Mitteilungsblatt der Lagergemeinschaft Auschwitz – Freundeskreis Auschwitz*. Dezember 2017. Jg. 37. S. 29–33).

сии его подвига. Согласно Э. Айзеншмидту, два греческих и три польских еврея транспортировали однажды пепел к Висле под конвоем всего лишь двух эсэсовцев. Греки, в том числе Эррера, напали на своих охранников, утопив одного из них, а сами переплыли на другой берег, где вскоре и были пойманы (все трое польских евреев при этом стояли и безучастно смотрели)²⁵⁹. По версии Ш. Венеции, было всего двое эсэсовцев и двое греков (второй – Хуго Венеция). Каждый из греков должен был нейтрализовать одного охранника, но если Эррера это сделал, то Х. Венеция не смог. В результате второй эсэсовец ранил переплывавшего Вислу Эрреру в бедро, и погоня обнаружила его уже умершим от потери крови. Х. Венецию забрали в Бункер, а расчлененное тело Эрреры было выставлено на принудительное обозрение на столе во дворе крематория II: каждый член «зондеркоммандо» должен был пройти мимо стола и заглянуть в глаза голове жертвы.

Греческие историки датируют это событие интервалом между 21 и 29 сентября²⁶⁰. А. Килиан полагал, что селекция «зондеркоммандо», состоявшаяся 23 сентября 1944 года, могла быть в том числе и реакцией на побег А. Эрреры²⁶¹. Однако новейшие находки И. Бартосика однозначно датируют это событие 9 августа 1944 года (сообщено А.Килианом).²⁶²

Диспозиция сопротивления: польский и еврейский центры

Вскользь уже говорилось, что на более успешных побегах из Аушвица и Биркенау²⁶³ «специализировались» два других контингента – советские военнопленные и международное (под польско-австрийским руководством) Сопротивление.

Бежали они, впрочем, совершенно по-разному. Советские военнопленные – как-то безоглядно, на авось и ничуть не считаясь с «ценой вопроса»: побег или подготовка к нему были как бы их естественным состоянием. Бежали – смотря по обстоятельствам – и в одиночку (если спонтанно), и по двое – по трое, а однажды – 6 ноября 1942 года – и целой дюжиной!²⁶⁴

Подпольщики, собственно, даже не бежали, а организовывали побег: долго, тщательно и осторожно, и то лишь после того, как была отменена – из соображений сбережения трудовых ресурсов – коллективная ответственность за них. Бежали в основном к «своим» – к партизанам из Армии Крайовой: связь с ними у польского подполья была действительно налаженной²⁶⁵.

Тут самое время отметить, что до середины 1943 года лагерное подполье в Аушвице было разношерстным и разрозненным, разбитым по национальному признаку, а иногда и на несколько групп внутри одной национальной группы (например, среди поляков, где свои группы имелись у коммунистов, левых социалистов и националистов). Во главе подполья стояли поляки (Юзеф Циранкевич, Збышек Райноч и Тадеуш Голуй), австрийцы (Альфред Клар, Хайнц Дюрмаер, Эрнест Бургер, Герман Лангбайн) и немцы (в частности Бруно Баум, заменивший Бургера, Руди Гебель и др.)²⁶⁶. Но в организации состояли и советские военноплен-

²⁵⁹ См. свидетельства Э. Айзеншмидта (*Greif*, 1999. S. 282–283) и Ш. Венеции (*Venezia*, 2008. S. 138–140).

²⁶⁰ *Fromer*, 1993. P.xix.

²⁶¹ *Friedler, Slebert, Killian*, 2002. S. 266.

²⁶² *Killian*, 2014. S. 45 (со ссылкой на И. Бартосика).

²⁶³ Кстати, за все время существования концлагеря в Аушвице из него бежало 667 чел. Только 270 из них были пойманы и казнены (единственный не казненный – немец *Otto Küssel*), а остальные так и не были обнаружены! (См.: *APMAB*. Nr. 175036.)

²⁶⁴ *Czech*, 1989. S. 333. Со ссылкой на свидетельство Андрея Погожева: *APMAB*. Erklärungen, Bd.29. Bl.8–10. М.С. Забочень пишет не о 12, а о фантастических 69 беглецах, в том числе о четырех уцелевших – А.И. Марченко, Н.И. Писарева, А.А. Погожева и П.А. Стенькине (*Забочень*, 1965. С. 112. Со ссылкой на устные сообщения Стенькина и Погожева). См. также: *Swiebocki*, 1998. S. 970.

²⁶⁵ Одних только касиб (контрабандных писем) они вынесли более тысячи! Подробнее о польских побегах из Аушвица и о взаимодействии польского подполья в основном лагере с партизанами Армии Крайовой в окрестностях Аушвица см.: *Garlinski*, 1975.

²⁶⁶ *Забочень*, 1965. С. 113–119.

ные, и евреи. Среди первых известны имена офицеров Кузьмы Карцева, Александра Лебедева, Петра Махуры, Федора Скибы, Владимира Соколова и других²⁶⁷. А среди вторых – Иегошуа Айгера (по одним сведениям, регистратор Политического отдела, по другим – электрик²⁶⁸) или Израэля Гутмана (впоследствии известного исследователя Холокоста), прибывшего в Аушвиц из Майданека 8 июля 1944 года. Оба были в той или иной степени связными между двумя группами сопротивления – польской в основном лагере и еврейско-зондеркомандовской в Биркенау²⁶⁹. Б. Баум пишет еще и о советском еврее Монеке Маневиче, работавшем в той же самой прачечной, что и он сам²⁷⁰.

...До февраля-марта 1942 года, когда начали поступать первые еврейские эшелоны, Аушвиц был почти исключительно польским лагерем, и, несмотря на то что в 1943 евреев было уже вдвое, а в 1944 году – даже вчетверо больше, чем поляков, именно польское Сопротивление было наиболее организованным и сильным. При этом какого-то общепольского Сопротивления в контексте остроты внутрисполитической борьбы в Польше накануне не было и не могло быть: если оно и возникало, то лишь в исключительно тяжелых и чрезвычайных ситуациях, таких как Варшавское восстание или заключение в концлагеря. В Аушвице такой консенсус между «аковцами» и «аловцами»²⁷¹ был достигнут в конце 1942 года, но достигнут, как и везде, под диктовку Армии Крайовой в лице ротмистра Витольда Пилецкого и созданного им в Аушвице «Союза войсковых соединений»²⁷².

Как бы то ни было, но в мае 1943 года в Аушвице сформировался некий объединяющий центр сопротивления, вошедший в историю под названием «Боевая группа Аушвиц». Его ядро составили польские и австрийские ячейки, но к организации примкнуло и большинство остальных. Не примкнули только французы и бельгийцы, отдавшие предпочтение пусть маленьким, но своим очажкам. Свои автономные организации были, по-видимому, в «чешском» и в «цыганском» лагерях.

Собственную деятельность подпольщики из «Боевой группы» понимали, прежде всего, как постепенный захват ключевых позиций – должностей так называемых «функциональных узников» и систематическое вытеснение с этих должностей своих политических соперников, вытеснение любой ценой. Постепенно поляки и немцы-коммунисты вытесняли со всех важных внутрилагерных постов своих заклятых конкурентов – немцев-уголовников²⁷³.

Другое направление – подкармливание и облегчение режима для своих, нередко помещение их в изоляторы к «своим» врачам, иногда – фабрикация фальшивых документов и даже смена узнических номеров. Изыскивался и припрятывался (в частности, на чердаке дезинфекционного барака) инструментарий для будущего восстания – например, ножницы для взрезывания колючей проволоки, оружие...

Начиная с 1943 года подпольщики регулярно слушали радио и раз в неделю – по принципу того же радио, но только «сарафанного» – проводилась своего рода политинформация. Искались и находились различные пути для взаимодействия с другими лагерными отделениями и, что особенно трудно и важно, с внешним миром: за время существования лагеря на волю было переправлено около 1000 касиб! И это, возможно, самое серьезное из того, что

²⁶⁷ Отдельная ячейка, по Забоченю, была и в Биркенау (Михаил Виноградов, Иван Ковалев, Константин Петров, Евгений Хорошунов и др.). См.: *Забочень*, 1965. С. 114–116.

²⁶⁸ *Aйгер*, 1948.

²⁶⁹ *Gutman*, 1979.

²⁷⁰ *Baum*, 1962. S. 79–80.

²⁷¹ От АК («Армия Крайова») и АЛ («Армия Людова») – националистического и коммунистического польских движений вооруженного сопротивления, ориентированных, соответственно, на Лондон и на Москву.

²⁷² *Garlinski*, 1975.

²⁷³ *Havlini*, 1979. P. 125–127.

заговорщики могли поставить себе в заслугу: на основании этих касиб в Кракове выходила даже летучая газета «Эхо Аушвица»!²⁷⁴

Надо признать: многое у подпольщиков из Аушвица-1 было вполне налажено – какой контраст по сравнению с тем, чем располагали члены «зондеркоммандо»! Даже оружие для «зондеркоммандо» подпольщики из «Боевой группы Аушвиц» были в состоянии раздобыть и поставить, пусть и не бесплатно (благо у «зондеров» была репутация «платежеспособных» – особенно котировались их доллары и лекарства).

Кроме «рыночных» между двумя штабами сопротивления имелись и союзнические отношения: члены «зондеркоммандо» передавали подпольщикам в центральный лагерь списки эшелонов и даже фотографии процесса уничтожения, а центр, в свою очередь, снабжал их не менее существенными сведениями, например, заблаговременной – и потому жизненно важной – информацией о сроках предстоящих селекций среди «зондеркоммандо». Роль связных при этом выполняли отдельные мастеровые (например, электрики) или узники, работавшие на складах так называемой «Канады», соприкасавшиеся и с основным лагерем, и с «зондеркоммандо»²⁷⁵.

На фоне ротационной динамики заключенных в Биркенау и Моновице жизнь заключенных в основном лагере в Аушвице, если только она проходила не в бункере СД и не в медико-экспериментальных «лабораториях», могла считаться размеренной и стабильной.

А у прошедших сквозь рампу евреев, даже если их и зарегистрировали, счет подаренной им лагерной жизни, по некоторым оценкам, шел не на годы, а на первые месяцы: с такой средней продолжительностью им просто не доставало времени не то что на вынашивание планов сопротивления, но и на то, чтобы элементарно оглядеться.

Как возможное исключение и источник надежды смотрелся так называемый «семейный лагерь», обитателями которого были, в основном, чешские и немецкие еврейские семьи из Терезиенштадта. То была имитация классического гетто, но уже как бы депортированного куда надо. Всего в двух шагах от него плескался кровавый океан то быстрой, то медленной еврейской смерти – и, даже просто оглядевшись, невозможно было предполагать, что могут быть исключения. Но, как показала жизнь (а точнее смерть), терезинцев сковывало по рукам и ногам именно ощущение собственной исключительности, привязанность к своим близким, жизни которых при всяком сопротивлении ставились бы на кон, и безумная, ничем не объяснимая уверенность в том, что их «островок еврейского счастья» незыблем.

Вместе с тем терезинцы, в отличие от новичков с рампы, хорошо знали, что именно происходит с такими вот новичками. И среди них было немало молодых и крепких мужчин. Это делало их наиболее подходящим для восстания лагерным контингентом.

Намеки Градовского на то, что между «зондеркоммандо» и терезинцами было что-то вроде соглашения о намерениях (если вторые восстанут, то первые к ним присоединятся), подтверждаются Врбой и Ветцлером²⁷⁶. По крайней мере, были переговоры, связующим звеном в которых был сам Врба, регистратор в смежной с семейным лагерем (ВIIb) карантинной зоне (ВIIa). Со стороны терезинцев одним из переговорщиков был директор еврейской школы Фредди Хирш, со стороны зондеркоммандо – им мог быть только оберкапо Каминский²⁷⁷. Когда участились признаки предстоящей ликвидации «семейного лагеря», он не поверил: зачем же, – спрашивал он Врбу, – на протяжении полугода немцы кормили детишек булками и молоком? Когда же семейный лагерь перевели в карантин и сомнений в немецких

²⁷⁴ Baum, 1962. S. 86–90.

²⁷⁵ В качестве основного связного с Биркенау и с крематориями Б. Баум называет австрийского коммуниста Симру, работавшего шофером (Baum, 1962. S. 74). Свои каналы связи с зондеркоммандо были и у В. Пилецкого.

²⁷⁶ См.: *London has been informed...*, 2002. P. 239–241.

²⁷⁷ См. рассказ об этом Р. Врбы (*Vrba – Bestic*, 1968. S. 206–224; *Lanzmann*, 1986. S. 212–217). Среди обитателей семейного лагеря было несколько десятков человек с опытом испанских интербригад.

намерениях уже не оставалось, Хирш уже истратил все отпущенное ему малое время на сомнения и колебания. И, так и не сумев ни защитить детишек, ни организовать сопротивление, он покончил с собой²⁷⁸. А о том, что произошло с семейным лагерем и как «зондеркоммандо» так и не дождалась от терезинцев восстания, написал Залман Градовский.

Возможность оглядеться была, разумеется, и у самих членов «зондеркоммандо», а вот уверенности в завтрашнем и даже сегодняшнем дне у них не было совершенно. Не было у них и «обремененности семьями», а после столь гладкого – без сучка и задоринки – уничтожения семейного лагеря, чему они были как минимум свидетелями, среди них сложилось и все более крепло ощущение, что им уже не на кого полагаться – только на самих себя. Все это и делало их группой, максимально заинтересованной в восстании, – и чем раньше, тем лучше²⁷⁹.

Непременной частью их планов было уничтожение самого узкого звена аушвицкого конвейера смерти – крематориев, пусть и ценой собственной гибели²⁸⁰. Похоже, что «зондеркоммандо» вообще были единственной в мире силой, вознамерившейся вывести из строя хотя бы часть инфраструктуры Холокоста. Никому из союзников с их воздушными армадами это, кажется, и в голову не приходило!²⁸¹

Независимо от исхода восстания сама подготовка к нему примиряла члена «зондеркоммандо» с ужасом происходящего. Более того, она возвращала его в рамки нормальности и нравственности, давая шанс искупить вину и оправдаться за все ужасное, что на их совести. И тут неудачи решительно не могло быть – удачей был бы уже шанс умереть по-человечески, а может быть и героически, – умереть в борьбе, умереть людьми!..

В этом смысле восстание членов «зондеркоммандо» в Биркенау сродни обоим Варшавским восстаниям: шансов на победу никаких, но боевой и моральный дух и самоуважение во всем лагере они подняли исключительно!

Но это шло решительно вразрез со стратегией (она же тактика) польского руководства «Боевой группы Аушвиц»: никаких резких движений, выжить любой ценой, поелику возможно информировать внешний мир и лишь тогда поднимать восстание, когда будет ясно, что СС твердо хочет всех уничтожить, или когда Красная Армия постучится в ворота.

Как известно, никакого восстания, разработанного подпольем основного лагеря, так и не состоялось. Приводимое Баумом описание его плана настолько мутное, что впору усомниться как минимум в значительной роли самого Баума в его разработке. Весь пар уходил в хитроумную организацию неудавшихся экстравагантных побегов, разбивавшихся о банальные предательство, невезенье и превентивную эвакуацию немцами на запад лиц, показавшихся им подозрительными²⁸².

Удивительно, но Баум при этом не постеснялся, с одной стороны, упрекать «зондеркоммандо» в бездействии, когда они не поддерживали обреченных, вдруг догадавшихся у дверей газовни о предстоящей ликвидации и начинавших спонтанно бунтовать и не повиноваться, а с другой – поделиться тем, как он удерживал членов «зондеркоммандо» от выступления и предупреждал прочих узников Биркенау о неразумности присоединения к восстанию «зондеркоммандо», если таковое случится²⁸³. В то же время четырех героических евреек, с риском для жизни добывших и доставивших в крематории порох для гранат и принявших, когда это рас-

²⁷⁸ См.: *London has been informed...*, 2002. P. 239–241.

²⁷⁹ Среди сотен членов «зондеркоммандо» были также единичные советские военнопленные и поляки – первые были активнейшим элементом подготовки и проведения восстания, тогда как поляки – из опасений их предательства – ни во что не были посвящены.

²⁸⁰ То же самое было и во время восстания в Трешлике: его руководитель, будапештский еврей Шандор Ландау, взорвал, как Самсон, крематорий вместе с собой.

²⁸¹ А когда их об этом прямо просили, они упражнялись в изобретательности отказов.

²⁸² *Baum*, 1962. S. 86–90.

²⁸³ *Baum*, 1962. S. 75–76.

крылось, героическую смерть на виселице, Баум причисляет к «своей» организации, упомянув «зондеркоммандо» лишь мельком и сквозь зубы²⁸⁴.

Исчерпывающим выражением уверенности в том, что немцы позаботятся, чтобы ни один еврей не вышел из концлагеря живым, а оставшиеся в живых поляки не расскажут правду о погибших, является следующий пассаж из Залмана Левенталья: *«История Аушвица-Биркенау как рабочего лагеря в целом и как лагеря уничтожения миллионов людей в особенности будет, полагаю, представлена миру недостаточно хорошо. Часть сообщений поступит от гражданских лиц. Между прочим, я думаю, что мир и сегодня уже кое-что об этом знает. А остальное расскажут, вероятно, те поляки, что по воле случая останутся в живых или же представители лагерной элиты, которые занимают лучшие места и самые ответственные должности, или же, в конце концов, и те, чья ответственность не была столь большой...»*²⁸⁵

Давая евреям обещания, которые и не собирались выполнять, поляки добивались и поначалу добились только одного – максимальной отсрочки восстания.

Тем не менее однажды оба центра сумели договориться, причем поляки запросили за помощь восстанию большие деньги²⁸⁶. Согласовали и общий срок выступления – одна из пятниц в середине июня 1944 года, скорее всего – 16 июня. Судя по всему, переговорщиками – через курьеров – были Циранкевич и Бургер с польской стороны, и капо Каминский – с еврейской²⁸⁷.

Но буквально в последнюю минуту и в одностороннем порядке польская сторона перенесла срок. Возможно, это было связано с посещением Аушвица в этот самый день обергруппенфюрером СС О. Полем или с транзитом через лагерь неких боевых частей. Но интересно, что в эти же дни – в 20-х числах июня – польское подполье в очередной раз готовило побег Циранкевича из лагеря. Попытка не удалась, мало того – она стоила жизни трем юным подпольщикам, готовившим этот побег с воли²⁸⁸.

Трудно сказать, есть ли связь между переносом даты общего восстания и планом индивидуального побега Циранкевича, но, перенеся этот срок, польская сторона не только сбила боевой настрой еврейской стороны, но и во многом деконспирировала ее. Это не могло не иметь последствий и, возможно, стоило жизни руководителю еврейского штаба – капо Каминскому: в начале августа его застрелил лично Молль.

После этого фиаско евреи, перефразируя З. Левенталья, сжали зубы, но промолчали. А вскоре после сентябрьской селекции в «зондеркоммандо»²⁸⁹ они окончательно разочаровались в перспективах сотрудничества с поляками.

Основных выходов такому разочарованию было два.

Первый: отказ от передачи информации «Боевой группе Аушвиц» и переход к закапыванию ее в землю (что лишало аушвицкий центр монополии на транспортировку касиб на волю). Их «курьером» стала мать сыра земля, а тот, кто захочет это найти, – обязательно найдет!!!

И второй: отныне уже твердая решимость зондеркоммандовского штаба на мятеж-соло²⁹⁰.

²⁸⁴ Baum, 1962. S. 100–102.

²⁸⁵ *Inmitten des grauenvollen Verbrechens...*, 1972. S. 155. Пассаж, надо сказать, пророческий, – особенно если вспомнить, например, попытки Б. Баума приписать остановку и разрушение печей в Биркенау химерическому влиянию подпольной газеты «Эхо Аушвица», которую он якобы редактировал.

²⁸⁶ Свидетельство Э. Айзеншмидта. Он даже обвинил поляков в прямом предательстве, имея, однако, в виду польских членов «зондеркоммандо» (Greif, 1999. S. 284–286).

²⁸⁷ Но не следует преувеличивать и масштабы этого сотрудничества. История Б. Баума и И. Гутмана про 20 кг взрывчатки, парашютированной союзниками польским партизанам и доставленной ими малыми дозами в лагерь, – это выдумка и сказка (Halivni, 1979. P. 129–130). Ведь даже сбросить на крематории банальную авиабомбу союзники так и не удосужились!

²⁸⁸ Garlinski, 1975. P. 239–241.

²⁸⁹ В сентябре 1944 г. 200 членов «зондеркоммандо» были убиты в Аушвице-1.

²⁹⁰ Halivni, 1979. P. 127.

Подготовка восстания: планы, сроки и руководители

Когда Залман Градовский в своих записках «В сердцевине ада» писал, что все члены «зондеркоммандо» составляли как бы одну большую семью, он выдавал желаемое за действительное. Описывая селекцию и расставание одних с другими, он, наверное, хотел, чтобы мы запомнили их всех как можно более человеческими.

На самом деле микросоциум «зондеркоммандо» был, при всей простоте, и весьма сложен, и весьма структурирован. Лишь часть из них кипела жадной мести и восстания, другие (числом не меньшим, чем первые) цеплялись за любой дополнительный час своей жизни, а третьи, составлявшие большинство, были «совершенно апатичны. Им было все равно, они были не люди, а роботы»²⁹¹.

Главная линия антогонизма, конечно же, между «роботами-работягами» и «роботами – функциональными узниками». В обязанности вторых входило заставлять первых работать, что не только допускало, но и настоятельно подразумевало битье и прочее насилие. При этом среди оберкапо, капо, форарбайтеров, старших по бараку и т. п. были не только немцы или поляки, но и евреи, так что эта «трещина» и внутриеврейская.

Конфликтным потенциалом обладал и язык общения: венгерские и греческие евреи, как правило, не понимали идиш или польский, а польские, литовские и польско-французские евреи не владели венгерским, греческим или ладино. Сколько же непонимания это за собой влекло!

Были и другие оси антагонизма, испытывавшие социум «зондеркоммандо» на прочность. Например, и в аду сохранялся антагонизм между евреями-ашкеназами и евреями-сефардами!²⁹² Он, несомненно, достигал своего апогея во время селекций: сефарды всегда были первыми кандидатами в списки, составлять которые входило в обязанность капо-ашкеназов. Не были дружелюбными и отношения «поляков» с «русскими»²⁹³. Просто чудо, что среди всей этой неоднородной еврейской массы, – по крайней мере, накануне и во время восстания, – предателей, в сущности, не оказалось!²⁹⁴

Но так, без предателей, обходилось не всегда: как правило, они находились. Мы очень мало знаем о той «зондеркоммандо», на замену которой и отбирали Градовского со товарищи. Она была ликвидирована, в основном, 3 декабря 1942 года, и одним из поводов к ликвидации послужили ее намерения, а возможно и действия по подготовке к восстанию²⁹⁵. Членов той «зондеркоммандо» предали и убили, а содержание их плана так и осталось неизвестным.

Залман Левенталь в своих записках и Ф. Мюллер в своих воспоминаниях описали первоначальный план восстания, которое, согласно Х. Тауберу и Ф. Мюллеру, намечалось на одну из пятниц в середине июня 1944 года²⁹⁶. Важно подчеркнуть, что этот разработанный Каминским план относится ко времени и ситуации, когда вся «зондеркоммандо» проживала вместе – в отдельном 13-м бараке, посреди мужского лагеря (расщепление команды и ее изолированное от Биркенау расселение по крематориям случилось в конце июня²⁹⁷).

²⁹¹ Свидетельство Ф. Мюллера (Langbein, 1965. S. 131).

²⁹² Так, Д. Бен-Амиас сообщал о том, что ашкеназы презирали сефардов, называли их *cholera* или *korva* (от *hwores* – мерзавцы, ублюдки). См.: Bowman, 1993. P. xxi.

²⁹³ Venezia, 2008. S. 142–145.

²⁹⁴ Ш. Венеция полагает, что между членами «зондеркоммандо» существовали в целом солидарные отношения, залогом которых была их относительная сытость и бытовое благополучие (Venezia, 2008. S. 150–151).

²⁹⁵ Langbein, 1979. S. 230.

²⁹⁶ Ф. Мюллер и другие писали о том, что восстание намечалось на пятницу. Но Г. Грайф и И. Левин пишут не о пятнице, а о сроке в 16.00 в воскресенье (Greif, Levin, 2015. S.152–156).

²⁹⁷ Возможно, что эта мера была продиктована соображениями не только трудовой целесообразности, но и безопасности, об угрозе которой эсэсовцам стало известно (или стало понятно).

План же был примерно такой: в четыре часа дня, еще до вечернего апелла, 140 членов «зондеркоммандо» на крематориях IV и V захватывают и ликвидируют²⁹⁸ «своих» эсэсовцев (7 человек) и перерезают телефонные линии. То же самое – и на крематориях II и III, где было даже 180 «зондеркоммандо» (против 10 эсэсовцев). Когда придет смена для СС, то захватывают и их, причем забирают и их оружием, и их формой. В руки восставших тогда попало бы и автоматическое оружие. Важная роль отводилась двум лагерным зонам – «Сауне» и «Канаде», располагавшимся между двумя крематорными комплексами: они должны были соединить два очага восстания в один.

Вечером, когда снимается большая охранная цепь СС вокруг лагеря, переодетые в форму СС повстанцы «эскортируют» 10 человек с пилами и прочим инвентарем в лагерь, снимая по пути постовых мелкокалиберным револьвером с глушителем, перерезают телефонные провода и, при входе в барак, ликвидируют блоковых эсэсовцев. Далее восстание перекидывается на весь лагерь Биркенау, а оттуда и на Аушвиц-1. Заключенные нападают на своих блоковых, на больничное отделение, на женский и мужской лагерь, поджигают бараки...

В это же самое время группа из крематориев II–III, где хранился порох, перерезает проволоку в женский лагерь и взрывает один за другим все крематории. Для колючей проволоки были изготовлены ножницы с резиновыми ручками, для крематориев – взрывчатка (точнее порох, запрятанный в крематории II), каждый крематорий – без исключения – должен был быть взорван и подожжен!

Все понимали, что большинство все равно погибнет, но именно такой смерти каждый и искал, хотя в душе все же надеялся, что каким-то чудом не попадет в это большинство и уцелеет.

И вот наступил оговоренный день и приближался оговоренный час – 9 часов вечера. Все было наготове, но в 2 часа дня прибыл связной от поляков с извещением: «Отбой, товарищи! Все переносится по непредвиденным обстоятельствам, надо еще немного подождать».

Это ввергло всех в шок.

А в конце июня Молль перевел практически всех членов «зондеркоммандо», кроме лазарета, непосредственно на территорию лагерей (чердаки крематориев II и III, раздевалка крематория IV), из-за чего решительно все и многократно осложнилось. Члены «зондеркоммандо», за исключением врачей, оказались не только ближе к своим жутким рабочим местам, но и в полной изоляции от большого лагеря. Разработанный и едва было не запущенный план восстания можно было теперь забыть.

Интересно, что существует и еще одна версия того несостоявшегося восстания – версия Леона Коэна, отличающаяся от только что изложенной некоторыми мелкими деталями и одной крупной – сроком его проведения. Вместо середины июня в ней фигурирует середина августа²⁹⁹, и именно это заставляет думать о ней все же как об аберрации памяти, поскольку переезд из барака на крематории в любом случае состоялся в конце июня³⁰⁰.

Но саму версию нелишне изложить: она содержит немало подробностей, проливающих свет и на первую версию, в частности на совершенно иную – гораздо более активную – роль заключенных с «Канады» и «Сауны».

План восстания составлялся летом: сначала его назначили на 19-е августа, а потом передвинули на 15-е. Первая стадия: в момент смены охранников-эсэсовцев их нужно было скрутить и вколоть аутопсию. Вторая: в 16.00 оператор пара в дезкамере не ослабит, а наоборот поднимет давление пара до максимума – это приведет к взрыву здания. Работники «Канады» всё там подожгут, телефоны отключат, проволоку в женском лагере перережут и выпустят всех

²⁹⁸ Согласно Ф. Мюллеру убить их собирались фирменно, по-эсэсовски – инъекцией фенола.

²⁹⁹ Greif, 1999. S. 356–358.

³⁰⁰ А по некоторым данным (например, Ш. Венеции), и еще раньше.

женщин на волю. Своих раненых решили пристреливать, чтобы они не попали в руки эсэсовцам. Леон Коэн, вместе с еще четырьмя, должен был поджечь крематорий.

Но 12–13 августа вдруг послышалась канонада. Русские?.. Так близко?.. А если так – то, стало быть, восстание и не нужно! После чего многие отказались от этого плана – многие, но не все. А 15-го августа, согласно тому же Л. Когену, обе смены «зондеркоммандо» построили, и эсэсовцы стали допытываться: «Где ваше оружие и патроны?» Они увели с собой четверых русских...³⁰¹

Весьма трудную задачу являет собой определение первоначальной даты предполагавшегося восстания; в то же время от даты многое зависит в понимании всей той цепочки событий, что привела к реальному выступлению 7 октября 1944 года.

А. Килиан отвечает на этот вопрос однозначно: пятница, 28 июля. При этом он базируется на сочетании трех факторов, приходящихся на этот и только на этот день: а) восстание могло состояться лишь только после того, как «венгерская акция» была позади (а это произошло вскоре после 11 июля); б) оно намечалось на пятницу и в) случайно оно пришлось на день, когда в Аушвиц прибыл эшелон из Майданека с весьма сильным эскортом СС³⁰².

Если эшелон прибыл на рампу Биркенау, то повстанцы из «зондеркоммандо» с крематориев II и III во главе с оберкапо Каминским могли видеть его собственными глазами³⁰³. В таком случае приказ о переносе сроков восстания мог отдать и сам Каминский, безо всякой просьбы или директивы от «Боевой группы Аушвиц».

Вместе с тем создавалась чрезвычайно неприятная и хрупкая ситуация: многие из членов «зондеркоммандо», от которых сама подготовка восстания скрывалась, были уже предупреждены о нем, и опасность предательства возросла в разы.

Каминскому же оставалось жить всего одну неделю. Второго или третьего августа его застрелил (и самолично сжег его труп!) сам Молль, обвинив, правда, в подготовке не восстания, а покушения на другого эсэсовского изверга, Мусфельдта³⁰⁴. По другой версии, его схватили на крематории II, где он жил, и отволокли, избивая, на крематорий I V, где убили и сожгли³⁰⁵. Крематории же в это время жгли трупы цыган, чей лагерь был полностью ликвидирован накануне. По третьей версии (Л. Коэна), Каминского убили 14 августа – в то время, когда он решил обойти свою территорию с целью предупредить об очередной отсрочке.

Маловероятно, что убийство Каминского не связано с восстанием. Весьма вероятен тут и донос, приписываемый польскому капо М. Мораве или С. Шавиньскому³⁰⁶. Так или иначе, но политический отдел, видимо, напал на его след и первым нанес удар, но такой, чтобы «производственный процесс» не пострадал (переезд на крематории стал первым таким ударом, а сентябрьская селекция – третьим; несостоявшаяся октябрьская должна была стать сокрушительным четвертым).

Каминский был главным стратегом и организатором восстания на крематориях. Большим подспорьем ему была та относительная свобода передвижений по лагерю, которой он как капо (а одно время и оберкапо всех крематориев) пользовался. У него был личный контакт с женским лагерем (в частности с Розой Роботой), с польским лагерным подпольем³⁰⁷, а через него – и с партизанами.

³⁰¹ Cohen, 1996. 107 p. См. также: Greif, 1999. S. 356–359.

³⁰² О том, что восстание отложили из-за того, что через Биркенау прошла и на несколько дней здесь остановилась крупная немецкая военная часть, свидетельствует и Я. Габай (Greif, 1999. S. 226).

³⁰³ Friedler, Slebert, Killian, 2002. S. 258–261.

³⁰⁴ См. Приложение 3 в: Полян, 2015.

³⁰⁵ Kraus, Kulka, 1991. S. 351–353.

³⁰⁶ А. Килиан идет дальше и не исключает даже того, что этот донос был согласован с польским подпольем, с которым, как и с гестапо, у Моравы были свои связи (Kilian, 2003a. S. 16–17).

³⁰⁷ В частности, с электриком Х. Порембским, чья знакомая, Циппи Шпитцер, работала в секторе регистрации Полити-

После смерти Каминского руководство подготовкой восстания и самим восстанием перешло к другим – и скорее всего к нескольким лицам сразу, среди которых определенно были Градовский, Доребус (Варшавский) и Гандельсман.

Залман Левенталь, светский человек с очень левыми взглядами, много страниц посвятил восстанию и его подготовке. Особенно проникновенно он пишет о Йоселе Варшавском, которого лично знал еще в 1920–1921 годах как коммуниста и одного из вожakov рабочего профсоюзного движения всей Варшавы. Позднее Йосель переехал в Париж, где сотрудничал с коммунистической прессой. Левенталь характеризует его как *«очень интеллигентного человека, выделявшегося своим хорошим спокойным характером. Вместе с тем его душа пылала от готовности к борьбе»*. Имя «Иосиф Варшавский» было его конспиративным псевдонимом еще со времен классовой борьбы в Варшаве (другим его прозвищем было «Йоселе ди мамелес» – «маменькин сынок»), а по-настоящему его звали Иосиф Доребус. Он родился в 1906 году в Жирардуве.

Его ближайший друг, дамский парикмахер и тоже коммунист, Янкель Гандельсман, родился в 1908 году в Лейпциге, жил в Радоме, учился, как и Лангфус, в йешиве в Сандомире, за что его в шутку звали «коммунистом-ешиботником» или «социалистом закона Моисеева». В поисках работы оба эмигрировали в 1931 году во Францию. В Париже, оставаясь польскими гражданами, были активистами еврейско-иммигрантского профсоюзного движения и «Культур-лиги». После оккупации – оба активисты французского Сопротивления, оба были арестованы и интернированы. 2 марта 1943 года депортированы из Дранси и прибыли в Аушвиц 4 марта³⁰⁸.

Как одного из лучших во всей «зондеркоммандо» упоминает Левенталь и Залмана Градовского, а в связи с подготовкой восстания и как «своих самых близких», тех, чью память он хочет особо почтить, – Лейба Лангфуса из Макова-Мазовецкого, Айцека Кальняка и Лейба Гершко Панича из Ломжи и Иозефа Дерезинского из Лунны.

Л. Флишка и Б.-А. Сокол – правда, с чужих слов – воспринимают Градовского даже как единственного и главного руководителя восстания³⁰⁹. Имена Градовского, Панича, Йецкеля Рыбака и Моше Сobotки называет М. Забочень³¹⁰. Имя Хенрика Фуксенбруннера из Кракова, хорошо знавшего окрестности Аушвица, приводит Ш. Драгон³¹¹. В этом же контексте всплывает еще и имя Давида Финкельштейна³¹².

Ф. Мюллер называет еще два имени – Юкла Врубеля и польского капо (еще со времен Аушвица-1!) Владека. То был Владислав Томичек, в прошлом польский коммунист, – единственный нееврейский член «зондеркоммандо», которому евреи доверяли и которого посвящали в свои планы. Долгое время он был главным связным «зондеркоммандо» с польским подпольем. Гестапо следило за ним и, подозревая в связи с коммунистами и с подпольем, дважды забирало к себе – в 11-й блок основного лагеря. В августе 1943 года он «вернулся» в крематорий в последний раз – уже в мешке³¹³.

Есть множество свидетельств и о чрезвычайно большой роли в подготовке и проведении восстания бывших военнослужащих – греческих евреев (среди них было много военных) и

ческого отдела Аушвица-1.

³⁰⁸ Вместе с ними в том же транспорте прибыли в Аушвиц и прошли селекцию на рампе их жены Бейля и Поля, но спустя некоторое время обе заболели и попали в 25-й – больничный – блок, а оттуда – прямая дорога на крематории (27 janvier: En ce jour de la Libération du camp d'Auschwitz-Birkenau. Macha Speter-Ravine. Matricule: 35332 // *Diamant*, 1991. P. 322–325).

³⁰⁹ *ZIH*. Relacje 301/1868.

³¹⁰ *Забочень*, 1965. С. 122.

³¹¹ *Greif*, 1999. S. 172.

³¹² Нам сообщено В. Плосой (Освенцим).

³¹³ *Müller*, 1979.

советских военнопленных. Так, согласно Лангбайну, в выработке плана восстания участвовали два греческих офицера, одного из которых звали Александро (по другим сведениям – Альберто) Эррера из Ларисы³¹⁴. Исаак Кабели, впоследствии профессор Афинского университета, называл и такие имена: Йозеф Барух, Йозеф Леви, Морис Аарон, Иухак Барух, Сам Карассо и Йоштов Якоэль. О Барухе вспоминает и Я. Габай.

Он же говорит и о советском военнопленном майоре (еврее по национальности) из крематория II³¹⁵, а Ш. Драгон – об одном русском «полковнике»³¹⁶ и еще об одном французе с опытом испанской войны за плечами³¹⁷. Но один свидетель – Элеазер Айзеншмидт – в качестве единоличного руководителя восстания называет советского военнопленного-еврея, майора по званию и артиллериста по военной специальности, воевавшего еще в Сталинграде³¹⁸. Его имя, увы, осталось неизвестным, но возможно это Н (Николай?). Мотин – единственный советский военнопленный, чью фамилию в своей статье о сопротивлении в Аушвице называет М.С. Забочень³¹⁹. Или Филатов, о котором вспоминал Й. Айгер³²⁰.

Согласно Левенталю, особенно тесные отношения установились с неким русским майором, хотя что-то и помешало им укрепиться. О том, что организатором восстания был некий советский военнопленный с крематория II, вспоминал и Л. Коэн. Скорее всего, во всех этих свидетельствах подразумевается одно и то же лицо – тот самый «майор-артиллерист», о котором говорили Э. Айзенштадт и Я. Габай. Они же добавляли, что, кроме майора, восстание готовили еще трое советских военнопленных – и тоже евреи по национальности³²¹.

Интересно, что Левенталь упрекает русских примерно в том же, в чем польское подполье упрекало еврейское, – в дефиците терпения и политической мудрости, в пренебрежении конспирацией, в неумении держаться согласованного плана, в недопонимании целого. Левенталь, тем не менее, писал, что русские хотя и спровоцировали отчасти выступление в том виде, в каком оно произошло, но все же были при этом еще и лучшим элементом восстания. А вот Дов Пайсикович называет их не иначе как ни на что не годными пьяницами³²².

Подготовка восстания: оружие и порох

К восстанию готовились, запасались оружием. В арсенале у заговорщиков имелись 3 гранаты из Аушвица-1, несколько парабеллумов и мелкокалиберных пистолетов – всё, кроме нескольких револьверов, найденных случайно в багаже одного из чешских транспортов,³²³ было «организовано» у поляков, то есть куплено за доллары или обменено на лекарства³²⁴. В ход шли и шабатные тупые ножи для разрезания халы: их затачивали³²⁵.

Одной из главных целей восстания был подрыв крематориев, для чего была необходима взрывчатка³²⁶. Недалеко от базового лагеря, в цехах, в свое время построенных Крупном, раз-

³¹⁴ Langbein, 1979. S. 227–238; Bowman, 1993. P.xvix. См. также: Venezia, 2008. S. 127–128.

³¹⁵ Greif, 1999. S. 222–223.

³¹⁶ Greif, 1999. S. 175–176.

³¹⁷ Этот человек как раз и завербовал Ш. Драгона в ряды заговорщиков. Им, скорее всего, был Альтер Файнзильбер (Станислав Янковский), воевавший в Испании (см. о нем выше).

³¹⁸ Свидетельства Я. Габая и Э. Айзеншмидта (Greif, 1999. S. 222, 285).

³¹⁹ Забочень, 1965. С. 122. Согласно Забоченю, Мотин причастен и ко взрыву крематория IV.

³²⁰ См. ниже.

³²¹ Greif, 1999. S. 356.

³²² YVA. TR 17. JM 3498.

³²³ ZIH. Relacje 301/335. S. 7.

³²⁴ Müller, 1979. S. 229–230.

³²⁵ Свидетельство Э. Айзеншмидта (Greif, 1999. S. 285).

³²⁶ Gutman, 1979.

местились, начиная с 1 октября 1943 года, заводы *Weichel Metall Unions Werke Verl*, передислоцированные сюда из Украины и производившие взрыватели для бомб. Там работала группа еврейских девушек, но под таким пристальным надзором, что даже установить с ними контакт было практически невозможно.

Но это сумела сделать 23-летняя Роза Робота из Цеханува, член сионистской организации «Ха-Шомер Ха-цаир» и член «Боевой группы Аушвиц». Она работала в «Канаде», в обувной мастерской. Ей было поручено раздобыть несколько небольших порций взрывчатки. Порох в хранилище похищали четыре еврейские девушки: бельгийская еврейка Элла (Аля) Гэртнер³²⁷, Регина Сафир (или Сафирштейн) из Бедзина и две сестры Вайсблум из ассимилированной варшавской семьи – Эстер (Тося) и Ханка, 19 и 15 лет. Порох проносили из завода небольшими порциями в 250 грамм в обуви – и на протяжении нескольких месяцев³²⁸. Следующим звеном этой цепи была девушка Хадасса, забиравшая эти минипорции в условленном укромном месте и передававшая их Розе Роботе и Марте Биндигер, работавшим в «Канаде»³²⁹.

Далее Робота доставляла порох – в потайных кармашках в подоле своего платья – в Аушвиц-1. При этом связным между ней и базовым лагерем были Иегуда Лауфер, а со временем и Израэль Гутман.

А связным между ней и «зондеркоммандо» был электрик Айгер, оставивший об этом собственные воспоминания³³⁰. Ш. Венеция пишет, что роль связного исполнял высокий человек по имени Альтер. Крайне маловероятно, что это Альтер Файнзильбер³³¹, скорее всего подразумевается все тот же Айгер³³². Кроме того, имеются свидетельства двух земляков Розы Роботы по Цехануву: первое – Ноаха Заблудовича, также электрика (и двоюродного брата Шлойме Киршенбаума – одного из капо в «зондеркоммандо»), о выполнении аналогичной роли и им³³³, и второе – Мойши Колки – о том, что связным был цехановец Годл Зильбер³³⁴. Согласно А. Килиану, звеньями связующей цепочки были сам Я. Каминский и его подруга Шмидт, капо склада с одеждой в женском лагере³³⁵.

Собственно говоря, зондеркоммандовцам был нужен не порох, а начиненные им ручные гранаты. Их изготавливал русский военнопленный и пиротехник Бородин³³⁶, заполнявший пустые консервные банки взрывчаткой и нужными химикалиями, в частности фосфорными взрывателями. Со стороны «зондеркоммандо» главным принимающим и хранителем чего бы то ни было полезного для восстания был Шломо Драгон, дневальный (штубовый) 13-го барака. Всего было сделано около 30 гранат, которые он проносил по одной-две всякий раз, когда ходил из блока 13 на крематории (туда же он пронес однажды и фотоаппарат!)³³⁷. Драгон прятал их и хранил в собственном матраце или же во внутренней части верхнего контрфорса на чердаке

³²⁷ По другим данным, она была из Сосновца.

³²⁸ См.: *In Honor of Alla Gertner...*, 1992.

³²⁹ *In Honor of Alla Gertner...*, 1992. P. 135.

³³⁰ *Aiger*, 1945.

³³¹ См. выше.

³³² *Venezia*, 2008. S. 167–168.

³³³ *Zabludowich N.* My experience in the World War II [P. 339]. В сети: // <http://www.jewishgen.org/yizkor/ciechanow/ciechanow.html>

³³⁴ *Kolko M.* Ciechanov Jews in the Uprising in Auschwitz [P. 386] // <http://www.jewishgen.org/yizkor/ciechanow/ciechanow.html>

³³⁵ *Kilian S.* 17.

³³⁶ И. Гутман (*Gutman*, 1979) ссылается при этом на свидетельство И. Айгера (*Aiger*, 1945). Об этом же сообщает и Э. Кулка. Среди советских военнопленных – узников Аушвица был и некий Иван Бородин (№ 2535), родившийся в Сухолистах, пекарь по профессии (АРМАВ). Судя по номеру, он должен был бы поступить в Аушвиц в октябре 1941 г., но его индивидуальная карточка военнопленного, увы, не сохранилась. Первый контакт с Бородиным установили, возможно, те советские военнопленные, что прибыли из Майданека: по сведениям А. Килиана, их первоначально поселили в зоне D, но не в 13-м блоке, где размещались члены зондеркоммандо, а во 2-м, вместе с другими советскими военнопленными.

³³⁷ *Greif*, 1999. S. 172–175.

одного из крематориев (по другим данным, члены «зондеркоммандо» прятали их в ведрах, где у них хранилось мыло). Он же и распределял гранаты между крематориями.

Ход восстания

По новому плану, восстание должно было начаться на крематориях IV и V, и начаться по-тихому. В тележке для перевозки кокса планировалось привезти оружие на крематории II и III, но даже это не вышло – вероятно, из-за предательства поляков или немцев из «зондеркоммандо»³³⁸.

Благоприятными для восстания днями считались те, когда на рампу не прибывал эшелон. Воскресенье 7 октября и был одним из таких дней, но и он не подходил для восстания.

6 октября 1944 года шарфюрер СС Буш, один из начальников на крематориях IV и V, собрал еврейских капо этих крематориев и велел им в течение 24 часов составить список на селекцию, в общей сложности на 300 человек. Список этот составлялся ночью, и подавляющее большинство в нем ожидаемо составили венгерские и греческие узники, а также все советские военнопленные, на чем специально настаивал Буш.

Вот он – тот момент, который, казалось бы, делал восстание неизбежным. Но, судорожно перебирая в уме все те куцые возможности сопротивления, что еще оставались, польско-еврейские капо решили восстание все-таки не поднимать.

Тем не менее оно состоялось и пошло по самому неблагоприятному для восставших сценарию.

Сохранилось несколько описаний начала, хода и подавления восстания.

Наверное, первым по времени письменным описанием восстания было то, что дал еще в 1945 году Иегошуа Айгер³³⁹. Его специальность (он был электриком) давала ему привилегию довольно большой свободы передвижения по лагерю.

«В один из сентябрьских дней 1944 года³⁴⁰ меня вызвали в Биркенау по связи лагеря D. Я находился в цыганском лагере, отделенном от лагеря D колючей проволокой. Там, с другой стороны, меня поджидал Екель Розенцвайг (он сейчас в Австрии). Он сказал, что я должен немедленно идти к нему в блок 8 лагеря D, что я немедленно и сделал. Придя туда, я увидел членов организации сопротивления: братьев Годла и Лейбла Зильберов, Екеля Розенцвайга и Екеля Гандельсмана³⁴¹, а также русского Филатова. Тут же началась дискуссия. Гандельсман, парижанин (родился в Радоме, Польша), представитель движения сопротивления «зондеркоммандо», потребовал, чтобы восстание, для подготовки которого еще требовалось время, было проведено немедленно. Он объяснил, что 200 товарищей стоят в списке на вывоз, а из «зондеркоммандо» вывозят только на тот свет. Поэтому восстание надо начать немедленно. Мы ему объяснили, что это невозможно, потому что не все еще подготовлено, что восстание нельзя делать хаотически и не по плану. Будет полный провал и единственным результатом окажется множество жертв.

После длинных дискуссий и уговоров Гандельсман отправился назад, согласившись с решением подождать с восстанием, чтобы не подвергать риску все дело. Мы же должны были сделать все возможное, чтобы товарищи из «зондеркоммандо» не были вывезены.

В три часа пополудни мы неожиданно слышали несколько взрывов. Вскоре газовая камера и крематорий 4 горели. Послышались крики, это товарищи из «зондеркоммандо» раз-

³³⁸ Свидетельство Э. Айзеншмидта (Greif, 1999. S. 284–285).

³³⁹ Айгер, 1945 (на идише).

³⁴⁰ Из контекста ясно, что речь идет о 7 октября 1944 г.

³⁴¹ Появление Гандельсмана, члена «зондеркоммандо» на крематории III, не имевшего к тому же никакой внутрилагерной «функции», в зоне D было практически невозможно. Единственная возможность – перевод в лазарет. Но в таком случае столь рутинное возвращение Гандельсмана обратно, в зону крематориев и газовых камер, было бы невозможно.

резали колючую проволоку, окружавшую лагерь крематория, и выскочили оттуда. Они разбежались кто куда. Вскоре, однако, были подняты по тревоге охранные войска и СС, которые начали охоту за беглецами и подняли стрельбу. Охрана остальных лагерей была немедленно усилена, так что ничего нельзя было сделать. Около 200 человек было расстреляно, раненые тоже, потому что они молчали. Наши люди, Екель Гандельсман и Иосиф Варшавский, были среди раненых. Они никого не выдали и были расстреляны.

Как мы выяснили позже, началом послужили взрывы бомб в крематории, которые наши люди уже подготовили для восстания. Это сделал Варшавский, наш человек в «зондеркоммандо». Он умел обращаться с фосфорными зажигателями. Своим недисциплинированным действием Варшавский привел к провалу всего плана.

«...» План был разработан на основании наших знаний о лагере, и мы рассчитывали на успех, хотя было очевидно, что будет очень много жертв. К сожалению, спешка уничтожила наши планы вместе с нашими надеждами».

Картину, весьма отличную в существенных деталях, дает Миклош Нижли в книге 1960 года. Восстание, в его версии, началось не 7, а 6 октября – с приказа Менгеле сделать аутопсию трупа советского военнопленного офицера, застреленного еще утром при попытке к бегству. На крематории II, где находилась сецессионная, шла «обычная» работа, но во всем поведении «зондеркоммандо» было много необычного – неторопливость, теплая одежда, разговоры шепотом. Оказалось, что с завтра на послезавтра ожидается селекция «зондеркоммандо»³⁴² и что на завтра, на 6 часов утра, в пересмену, намечено выступление, цель которого – прорваться до Вислы, пересечь ее по низкой октябрьской воде вброд и уйти в партизанские леса, начинавшиеся уже в 8 км на том берегу и тянувшиеся до словацкой границы. Однако уже в час ночи раздался взрыв и послышались автоматные очереди: все крематории были окружены эсэсовцами, но на крематориях II и IV они встретили вооруженный отпор, причем крематорий IV был не то взорван, не то подожжен.

В живых на крематории II оставили только шинстерых – зажигальщика, капо Лемке и его пипеля³⁴³, штурбового Пайсиковича, а также, по приказу Менгеле, самого Нижли и трех его ассистентов. От Пайсиковича Нижли узнал, что ночью эсэсовцы из политического управления концлагеря прибыли на крематорий IV и приступили к селекции: сотню венгерских евреев даже отправили в 13-й барак сектора D – бывший барак «зондеркоммандо». Затем отобрали греческих евреев, но когда начали выкликать номера польских – в эсэсовцев полетели бутылки с зажигательной смесью. Те открыли, – в том числе и по грекам, – шквальный огонь из автоматов, но польские евреи забаррикадировались в крематории и подорвали его. Всех греческих и венгерских на крематории IV расстреляли, как, по Нижли, расстреляли затем и всех остальных на всех четырех крематориях.

К восставшим присоединился – и то не сразу – только крематорий II: именно здесь держалось основное оружие восставших, и оно было пущено в ход. Показал себя и крематорий V: там было выведено из строя оборудование. Но в неравном бою погибли или были сразу же после боя расстреляны все, кроме упомянутой семерки, и еще 12 беглецов, сумевших форсировать Вислу, но выданных позднее польским крестьянином. Их окружили и перестреляли. Согласно Нижли, в этот день погибли 850 членов «зондеркоммандо» и 70 эсэсовцев, в том числе 18 офицеров.

³⁴² По мнению М. Нижли, никакая не селекция, а полное уничтожение: появившись на крематориях в апреле (или, по другим сведениям, в июне) 1944 г., он почему-то свято верил в то, что ротация «зондеркоммандо» происходит каждые 4 месяца. Он даже пишет о 12-й, 13-й и 14-й «зондеркоммандо», с которыми соприкоснулся лично.

³⁴³ Пипелями («петушками») называли миловидных юношей, принужденных обслуживать своих покровителей (капо или оберкапо) в бытовом и сексуальном отношениях. Иные покровители имели даже не одного, а 2-3 пипелей. См., например: Venezia, 2008. S. 79–80.

Версия М. Нижли серьезно расходится с остальными и в весьма существенных деталях. Например, во времени суток (согласно Нижли, это была глубокая ночь), способе получения повстанцами оружия (согласно Нижли, его поставляли польские партизаны во время лихих ночных налетов на лагерь, в действительности никогда не имевших места) и в количестве жертв³⁴⁴.

Так что примем за основную версию ту, что, обобщая многие свидетельства, рисует Андреас Килиан с соавторами в книге «Свидетельства из мертвой зоны. Еврейская зондеркоммандо в Аушвице», но дополним картину деталями, встречающимися и в других источниках, не учтенных им или же оставленных без внимания.

Субботним утром 7 октября стояла солнечная, безоблачная погода. В обед на крематории II, где жили все советские военнопленные, а раньше жил и Каминский, собрался штаб восстания. Это засек оберкапо Карл Тёпфер, пригрозивший всех заложить. Но его тут же схватили, убили и бросили в печь³⁴⁵. В середине дня (примерно в 13.25) около 20 эсэсовцев во главе с обершарфюрером СС Хубертом Бушем, унтершарфюрером Йоханном Горгесом и шарфюрером Куршусом появились на территории крематория V и приступили к намеченной селекции, двигаясь по списку от больших номеров к меньшим. К крематорию IV было приписано 170, а к крематорию V – 154 человека, в основном венгерские и греческие евреи. На построение вышло всего 286, так как 8 человек из крематория V, – и среди них Яков Зильберберг и Хенрик Мандельбаум, – были заняты дроблением непрогоревших костей, а еще около 30 человек были отобраны до начала селекции в строю и заперты в одном из помещений крематория IV (среди них Элиазер Айзеншмидт и два венгерских врача – Гаваш и Петер: последние, во избежание пыток, покончили с собой).

Когда до конца списка осталось уже немного, вдруг обнаружилось, что части людей из списка в строю нет. Эсэсовцы кинулись их искать, и в это время на них набросился с криками «ура» и с молотком польский еврей Хайм Нойхоф, один из самых старых (около 54 лет) в «зондеркоммандо». Его поддержали другие – с молотками, топорами и камнями. А в это время уже загорелся крематорий IV: забросав его самодельными гранатами, это сделал Йосель из Бедзина³⁴⁶.

В 13.50 зазвучала общелагерная сирена. В это время эсэсовцы, к которым прибыло подкрепление из казармы, уже давно прицельно стреляли из безопасных укрытий; многие из тех, кто находился во дворе крематория V, погибли.³⁴⁷ Но части восставших – и среди них большинству советских военнопленных – все же удалось достичь близлежащего леса и приготовиться к бою, часть перерезала колючую проволоку (она была не под напряжением) и ушла в сторону «Канады», один даже влетел в сортировочный барак № 14, но был схвачен тамошним охранником.

³⁴⁴ Nyiszli, 1960. P. 153–167. Происхождение этих различий объяснить довольно трудно. Статус М. Нижли – доверенного патологоанатома доктора Менгеле, весьма успешно справляющегося со всеми своими обязанностями, – допускал довольно тесное общение с ним (например, обсуждая последние новости с фронтов, о которых Нижли узнавал, ежедневно читая «Фёлькише Beobachter»), но все же едва ли располагал заговорщиков к откровенности с ним в вопросах подготовки восстания. Недоверчивыми, если не фантастическими, оказывались и другие свидетельства Нижли, например, о футбольных матчах между командами СС и «зондеркоммандо». А ведь именно они послужили фундаментом для теории «серой зоны» Примо Леви!

³⁴⁵ Все это, предположительно, проделал Лейб Панич.

³⁴⁶ Свидетельство Э. Айзеншмидта (*Greif*, 1999. S. 283–284). Вместе с тем Ш. Драгон утверждал, что гранатами воспользоваться не удалось, поскольку помещения, где они были спрятаны, уже горели (*Greif*, 1999. S. 177). В то же время Я. Габай утверждает, что подрыв крематория IV – дело рук двух греков: Ицхака Барсила и артиллерийского офицера по имени Рудо (*Greif*, 1999. S.224). Согласно А. Килиану, это сделал капо Шлойме Кирценбаум (*Friedler, Slebert, Killian*, 2002. S. 271).

³⁴⁷ Сам Ф. Мюллер пишет, что перебежал из крематория V в крематорий IV и спрятался в канале между печью и трубой. Дождавшись ночи, он попытался пробраться под ее покровом в сторону «Канады», но понял, что охрана усилена, и вернулся. Там же, в трубе, он и переночевал, а наутро его прикрыв капо Кирценбаум, и он пристал к его бригаде (*Müller*, 1979. S.251–255). Нечто похожее сделали также Ш. Драгон и Таубер.

Овладев ситуацией сначала на крематории V, эсэсовцы согнали всех еще находившихся там и в крематории IV «зондеров» во двор и заставили лечь рядами ничком. После того, как расстреляли каждого третьего лежащего, в живых из 324 человек с двух малых крематориев осталось всего 44. Оцепив территорию вокруг горящего крематория, эсэсовцы начали стрельбу в направлении леса, где скрылась часть восставших.

На двух других крематориях, согласно Д. Чех, не происходило практически ничего. Отчасти потому, что выступление на крематории IV было настолько спонтанным, что другие крематории не были предупреждены, а отчасти потому, что эсэсовцы быстро, в течение полчаса, взяли ситуацию под контроль. Увидев горящий вдалеке крематорий и услышав стрельбу, члены «зондеркоммандо» 57 (крематорий II) – и в первую очередь русские – решили, что общее восстание началось. Они разоружили охранника-эсэсовца и бросили его, вслед за ненавистным майданекским оберкапо Карлом Тёпфером, в горящую печь³⁴⁸. После этого пути назад не было уже ни у кого. Поджечь свой крематорий им не удалось: может быть, отсырел порох. Они разоружили второго охранника, перерезали колючку и побежали по дороге, ведущей к женскому лагерю B1b. Перерезали проволоку и там, но никто из женщин-заключенных даже не понял, что произошло³⁴⁹. Беглецы же продолжили свой путь, прихватив по дороге одного узника из команды, работавшей на очистных сооружениях, – брата капо Лемке Плишко.

Тем временем эсэсовцы подтянулись к большим крематориям. Тем, кто совершил побег с крематория II (около 100 человек), отрезали путь в Райско. Тогда они приготовились к сопротивлению и забаррикадировались в конюшне. После того как эсэсовцы забросали ее гранатами и подожгли, большинство в этой конюшне и погибло.

Но бежали с крематория II не все: оставались четыре врача во главе с М. Нижли, а также несколько других узников, в том числе трое (во главе с Элушем Малинкой), пытавшихся взорвать крематорий. В живых, после вмешательства Менгеле, были оставлены только *его* врачи. Все остальные члены «зондеркоммандо» с этого крематория – 171 человек, как принявшие участие в восстании, так и уклонившиеся от этого, – или погибли в бою, или были расстреляны.

По ходу восстания в неравном бою погибли все организаторы восстания, кроме Я. Гандельсмана. Последний наблюдал за ходом события из крематория III вместе с З. Левенталем, Л. Лангфусом, М. Буки, Ш. Венецией и другими членами «зондеркоммандо» 58³⁵⁰. Дов Пайсикович, дневальный на крематории III, и еще шестеро человек, уйдя в этот день в лагерь Биркенау за супом, принесли в канистрах не суп, а бензин³⁵¹. Но употребить бензин по назначению, кажется, не удалось. Всех членов «зондеркоммандо» во главе с капо Лемке³⁵² и общим числом 85 заперли в тесном помещении патолого-анатомического кабинета Менгеле.

³⁴⁸ См. также: *Langbein*, 1979. S. 232. К. Тёпфер сообщил о том, что знал, шарфюреру СС Буху, а тот передал дальше, что и привело к очень быстрой реакции СС. Вероятнее всего, прежде чем бросить в печь, его убили: в пепле потом нашли, согласно Э. Айзеншмидту, его ключ от крематория (*Greif*, 1999. S. 286), а согласно Ш. Венеция – пуговицы от его пиджака (*Venezia*, 2008. S. 175–176). По другой версии, предателем был Макс Фляйшер (по-видимому, второй рейхсдойче, политический; он был капо на крематории III).

³⁴⁹ Я. Габай приводит довольно фантастическую историю о своем двукратном посещении жены в 15-м бараке женского лагеря в зоне Б. Второй такой визит, по его словам, состоялся 4 октября 1944 г., когда ему, Габаю, уже было известно о приближающемся восстании, о чем он, как хороший муж и плохой заговорщик, чистосердечно предупредил и жену (*Greif*, 1999. S. 214–215). Эта история строится на нескольких маловероятных допущениях: а) на допущении деконспирации восстания по легкомыслию, б) на разрешении праздных воскресных прогулок узников, живших в крематории III, по территории крематория II, где часть из них работала в остальные дни, в) на возможности петь и говорить так громко, что женщины в 15-м бараке женского лагеря (в третьем ряду от угла территории крематория III, то есть в нескольких стах метрах) могли не только слышать эти звуки, но и отвечать на них, причем так, что г) содержание разговора понимали одни только беседующие!

³⁵⁰ В комментариях к публикации записок Левентала сообщается, что имелась заблаговременная договоренность между крематориями, что эта «зондеркоммандо» не принимает участия в восстании.

³⁵¹ *Friedler, Slebert, Killian*, 2002. S. 270.

³⁵² За два часа до событий капо Элизер Вельбель с крематория V предупредил капо Лемке о том, что выступления не будет.

Тогда-то Левенталь и взял на себя роль настоящего Хрониста и, перейдя в режим дневника, к 10 октября описал все существенные события этих трех героических дней³⁵³. При этом он начал с подчеркивания той особенной, хотя и неоднозначной роли, которую во всем сыграли русские, в частности с упоминания случая, когда за несколько дней до восстания один из советских военнопленных³⁵⁴ был застрелен возле крематория III унтершарфюрером СС после того, как, напившись, напал на эсэсовца и покатила на его велосипеде. После этого прошел слух, что дни остальных русских членов «зондеркоммандо» сочтены – их ликвидируют вместе с ближайшей порцией «зондеркоммандо», подлежащей «сокращению».

Согласно Л. Коэну, Я. Габаю, Ш. Венеции и другим, работавшие на крематорий III фактически не приняли никакого участия в восстании³⁵⁵, их даже никак не наказали, но заставили сжечь трупы членов «зондеркоммандо», погибших на крематории II³⁵⁶. Однако внимательное чтение Мюллера и Левенталья наводит на мысль о том, что был не только третий очаг восстания – крематорий V, с селекции на котором все и началось, но и четвертый – крематорий III (обстоятельство, которое всегда ускользало от внимания исследователей).

В ночь с 8 на 9 октября оставшиеся в этом крематории повстанцы во главе с Я. Гандельсманом и Ю. Врубелем, по-видимому, все же попробовали воспользоваться имевшейся у них взрывчаткой и взорвать собственный крематорий, – вероятней всего, вместе с собой³⁵⁷. И только после того, как это им не удалось (возможно, что, как и на крематории II, их подвел отсыревший порох), они были схвачены в количестве 14 человек³⁵⁸ и брошены в гестаповский бункер главного лагеря³⁵⁹. Арест мог произойти только 9 октября, но не 10, как об этом всегда писали, поскольку запись Левенталья от 10 октября говорит о Врубеле как об уже сидящем в бункере, а Р. Робота ко времени своего ареста уже знала, что Врубеля нет в живых.

Для тушения пожара на крематории из центрального лагеря Аушвиц-1 прибыла пожарная команда, состоявшая из 9 узников.³⁶⁰ Они стали невольными свидетелями последней фазы подавления восстания и расстрела захваченных его участников. Позднее этих пожарников направили в Райско для тушения конюшни³⁶¹.

³⁵³ Тексты «600 мальчиков» и «3000 нагих», принадлежащие Л. Лангфусу, в издании 1972 г. представлены лишь первым (*Inmitten des grauenvollen Verbrechens...*, 1972. S. 188–189).

³⁵⁴ Согласно А. Киляну, его звали Юрий (*Kilian*, 2003a).

³⁵⁵ Ш. Венеция, правда, говорит, что, согласно разработанному плану, он и один русский военнопленный, вооруженные топором и ножом, около двух часов поджидали за дверью появления немецкого охранника для того, чтобы наброситься на него и убить (*Venezia*, 2008. S. 171–172).

³⁵⁶ *Greif*, 1999. S. 359.

³⁵⁷ Л. Коген говорил Г. Грайфу, что в случае восстания на крематории III его задача состояла бы в поджоге крематория.

³⁵⁸ Среди них Я. Гандельсман, Ю. Вробель и 5 советских военнопленных.

³⁵⁹ Существенно установить, когда это произошло. Д. Чех полагает, что 10.10.1944, датируя, судя по всему, именно датой записи Левенталья. Но ничто не противоречит тому, что это произошло и накануне – 9 октября 1944 г.

³⁶⁰ Свидетельство З. Соболевского (YVA. 03/8410. P. 55–58).

³⁶¹ Зигмунд Соболевский вспоминает о подрыве крематория IV в Биркенау и об евреях, сумевших пронести динамит с оружейного завода («Unionwerke» выпускал ручные гранаты), где они работали, в «зондеркоммандо». Взрыв произошел в субботу, 7 октября, примерно в 12.15. Соболевский был начальником бригады пожарных из заключенных. Были еще пожарники и из эсэсовцев. Когда они приехали, то крематорий уже практически сгорел. По этой причине нарушился производственный процесс в газовых камерах, около 450 евреев вывели из них, и обершарфюрер СС Вильгельм Клаузен (большой покровитель спорта и рефери во время футбольных матчей и боксерских боев) лично расстреливал их тут же на месте, предварительно разбивая на группы в 5–6 человек и приказывая раздеться и лечь ничком («Hinlegen!»). Был он в резиновых сапогах, залитых кровью. Соболевский впервые стал непосредственным свидетелем убийства и ощутил под ложечкой неприятное чувство: отныне он и сам оказывался носителем опасной тайны, а стало быть, и возможной будущей жертвой, так как он соприкоснулся с уничтожением еврейской расы чересчур близко. Вдоль края крематория лежала куча пепла высотой с большую свечу с несгоревшими костями и другими человеческими останками (куски пальцев и т. п.), слегка прикрытая брезентом, он тоже вспыхнул от искр. Там же было решето наподобие тех, что применяли на стройках дорог для просеивания песка и отделения останков от гравия (Свидетельство З. Соболевского – YVA. 03/8410. P. 55–58). Еще один член «зондеркоммандо» из крематория III – форарбайтер Милтон Буки вспоминал, что при подавлении восстания около 15 человек убил лично Стефан Барецки, блокфюрер барачков для «зондеркоммандо». Сам Барецки рисует совершенно иную картину: восстание началось у другого

Вечером расстрелянных участников восстания привезли на территорию крематория IV, куда согнали и остальных членов «зондеркоммандо». Еще 200 человек из восставших крематориев расстреляли тут же. Представитель лагерного начальства произнес речь, в которой – в случае попыток повторения восстания – угрожал расстрелом уже всем. После чего на крематориях II, III и V приступили к работе³⁶².

От рук восставших в тот день пало три эсэсовца – унтершарфюрер СС Рудольф Эрлер, унтершарфюрер СС Вили Фризе и унтершарфюрер СС Йозеф Пурке. Еще 12 эсэсовцев были ранены.³⁶³ В середине октября пятеро эсэсовцев получили боевые железные кресты – за героизм при предупреждении массового выступления: первый случай награждения ими среди персонала концлагерей.³⁶⁴

Вот несколько других свидетельств о восстании, каждое из которых содержит какие-нибудь детали, отсутствующие у других.

Так, Дов Пайсикович³⁶⁵ показал в Нюрнберге в 1964 году, что были подготовлены взрывчатка, гранаты и оружие и что существовал общий план восстания для всех четырех крематориев. Однако восстание началось на крематории IV спонтанно – при свете дня и прежде намеченного срока, без согласования и координации с другими. Поэтому к другим крематориям прибыло СС и преспокойно заперло всех в помещениях.³⁶⁶

Меир Пшемисловский³⁶⁷ описывал восстание со слов члена «зондеркоммандо» Геноха (Еноха) Кадлобски. Сигналом к бунту якобы послужила брошенная граната, которой был убит эсэсовец, выгонявший членов «зондеркоммандо» на работу. Потом сожгли живым немецкого капо (после чего восставшие якобы ворвались в лагерь и стали призывать поляков присоединиться к мятежу, но призыв остался без ответа). Из 900 членов «зондеркоммандо» в восстании приняли участие 200. 140 из них погибли в перестрелке, некоторые убежали или утонули, переплывая через ров, окружавший лагерь, некоторые были убиты (снаружи лагерь охранялся и находился под постоянным наблюдением: непосредственно вокруг него жили не поляки, а немцы), спаслись только 12 человек, а остальные были казнены³⁶⁸.

Еще одним сообщением о том, что кому-то из членов «зондеркоммандо» удалось уйти от преследования и спастись, является свидетельство Курта Хэккера – адъютанта коменданта лагеря Бэра, утверждавшего, что именно греки около двух часов отстреливались от эсэсовцев, обороняя крематорий, который они частично взорвали: пятнадцати удалось прорваться сквозь все преграды на волю, но тринадцать из них уже были ранены. Раненых, конечно, поймали и уничтожили, но двоих так и не нашли³⁶⁹.

Самая надежная информация – у городской полиции Аушвица: 7 октября, по состоянию на 19.30, в бегах все еще находилось 4 узника «зондеркоммандо»³⁷⁰.

крематория – П. Барецки там был и выставил дозор у реки Солы, а потом поехал на крематорий III, где так же выстроил оцепление и где «прочищали» лес (*Langbein*, 1965. S. 130.).

³⁶² *Czech*, 1989. S. 900.

³⁶³ *Czech*, 1989. S. 900. Standortbefehl Nr. 26/44 v.12.10.1944.

³⁶⁴ См.: *KL Auschwitz in den Augen der SS*. 1973.

³⁶⁵ Он работал на крематории II.

³⁶⁶ *Langbein*, 1965. S. 131.

³⁶⁷ Он бежал из гетто местечка Ошакон и, благодаря связям с социалистическим подпольем, получил поддельные документы. Долгое время переходил из деревни в деревню, выдавая себя за поляка и живя на деньги за мелкую работу по найму. Его выследили и схватили при облаве 18 ноября 1942 г., причем за фальшивые документы и подрывную деятельность ему как польскому подпольщику угрожал расстрел. Испугавшись, он признался в том, что он еврей(!), после чего долгое время провел в тюрьмах и пережил многочисленные допросы и пытки. В январе 1944 г. попал в Аушвиц (№ 171701). Как этапированный из тюрьмы он был записан в картотеку прокуратуры и носил зеленый винкель (уголовник), – так что он не проходил селекции, и его сразу определили в трудовую бригаду (ЗИН. Relacje 301/1904).

³⁶⁸ ЗИН. Relacje 301/1904.

³⁶⁹ ЗИН. Relacje 301/335. S. 7.

³⁷⁰ АРМАВ ИЗ-13/85, р. 73 (нам сообщено П. Ситкевичем).

День восстания пережили 169 узников из крематория III, но спустя несколько дней были арестованы и замучены в бункере 14 человек. Таким образом после 14 октября, в живых оставались 1999 человек, в том числе 155 с крематория III и 44 с крематориев IV и V³⁷¹. Один находился в бегах, но был схвачен позднее. Общее же число погибших повстанцев составило 452 человека³⁷².

По довольно странному мнению В. Ренца, аушвицкое восстание с трудом подпадает под определение героического: дескать, восстали зондеркомандовцы-евреи от отчаяния, от безысходности – жизнь им не светила ни так, ни эдак³⁷³.

Бруно Баум и Рауль Хильберг также упрекали их в случайности мятежа, точнее, в его спонтанности. И еще, если хотите, в «шкурности»: мол, только когда запахло их собственной смертью, они бросились в бой, но никто из них не «мятежничал» из солидарности с жертвами газовой!

Упрекал «зондеркоммандо» и Г. Лангбайн³⁷⁴ – за их хотя и героическое, но все же изолированное и неподготовленное, на его взгляд, выступление. Это восстание хотя и подняло моральный дух еврейских узников, но почему-то сильно понизило боевую мощь польских подпольщиков. Неудачей и казнями закончился тщательно готовившийся ими побег 27 октября 1944 года³⁷⁵. В результате, – неожиданно заключает Лангбайн, – в январе 1945 года в Аушвице, несмотря на то что в лагере было пусть примитивное, но оружие, оно так и осталось нетронутым – его никто и ни разу не употребил!

Как это мило – делать евреев ответственными еще и за это!..

После восстания

На следующий день, 8 октября, отдел трудового использования дал точно такую же численность членов «зондеркоммандо», что и накануне, – 663 человека, в том числе по 169 человек на каждый крематорий (по 84 истопников на дневную и 85 на ночную смены)³⁷⁶. Видимо, сведения о восстании еще не поступили в этот отдел. Но уже 9 октября статистика резко меняется: во всех 8 сменах крематориев значится всего 212 узников, а начиная с 10 октября – 198 человек (14 человек во главе с Гандельсманом были арестованы накануне). При этом если 9 октября на каждый крематорий было выделено по 53 человека (по 26 истопников на дневную и 27 на ночную смены), то начиная с 10 октября на крематории IV уже никто не работает, а за остальными тремя командами закреплено по 66 человек, по 33 на дневную и вечернюю смены.³⁷⁷

Из 198 уцелевших членов «зондеркоммандо» пятеро были поляками, а 151 – польскими евреями, еще 26 человек – греческими, 5 – словацкими, 4 – французскими, 2 – венгерскими и по одному – чешскому, голландскому, немецкому, румынскому и алжирскому еврею³⁷⁸.

³⁷¹ Я. Габай утверждал (заведомо неточно), что из узников крематория IV в живых остался один-единственный – капо Элиазер (*Greif*, 1999. S. 224). Кстати, возможно, что этим капо (а не просто электриком) был Э. Айзеншмидт, у которого (как у «электрика», по его словам) была своя отдельная комнатка в жилой зоне крематория.

³⁷² *Friedler, Slebert, Killian*, 2002. S. 258–281.

³⁷³ *Der Aufstand des Sonderkommandos im Auschwitz-Birkenau. Dossier zum 50. Jahrestag des jüdischen Sonderkommandos in Auschwitz-Birkenau. Frankfurt am Main, Oktober 1994.* 37 S.

³⁷⁴ Ему же принадлежат и обвинения «зондеркоммандо» в трупоположестве.

³⁷⁵ Всех беглецов – австрийцев Э. Бургера, Рудольфа Фримеля и Людвига Веселы и поляков Бернарда Сверчину, Юзефа Пятаго, Чеслава Дузеля и Збигнева Райноха, преданных сообщниками, схватили, пытали в 11-м блоке (бункере) и через два месяца (30 декабря) публично повесили – всех, кроме Райноха и Дузеля, принявших яд (*Czech*, 1989. S. 954). См. также: *Kagan*, 1979; *Забочень*, 1965. С. 120–121.

³⁷⁶ *Czech*, 1989. S. 900.

³⁷⁷ *ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп.108. Д.20. Л.3–4.* См. также: *Czech*, 1989. S. 901–902.

³⁷⁸ *Kilian*, 2003b. S. 24–25.

Но крематорий IV больше никогда не заработал и в ежедневных разнарядках уже не упоминался: 14 октября «зондеркоммандо», согласно Лангфусу, приступила к разборке его разрушенных во время восстания стен.

Общее число трудозадействованных сократилось на 451 человек, убежать, судя по всему, не удалось никому. Впрочем, несколько членов «зондеркоммандо» из восставших крематориев каким-то чудом пережили восстание. Первым был доктор Миклош Нижли с крематория II, в это время находившийся в прозекторской (впрочем, его статус был, видимо, несколько иной, нежели у «зондеркоммандо»). Вторым был Филипп Мюллер из крематория V: он укрылся в яме и переждал шум и стрельбу, а затем спрятался в крематории IV и, после того как все утихло, перебрался обратно в крематорий V³⁷⁹. Третьим был С. Файнзильбер-Янковский, накануне собравшийся бежать в одиночку и поэтому во время восстания прятавшийся в другой части лагеря; там его и обнаружили, наказав лишь палочными ударами³⁸⁰. А вот греческому еврею Раулю Яхуну из крематория IV спастись не удалось: по свидетельству Шаула Хазана, он перебежал на крематорий III к своему брату, но на перекличке его обнаружили и тут же расстреляли³⁸¹.

Между тем началось 1,5-недельное расследование, которое – со всей суровостью и подбаюющими пытками – вели следователи Дразер и Брех. 10 октября был арестован Врубель – в составе 14 узников «зондеркоммандо» он был доставлен в бункер 11-го блока в Аушвице-1³⁸². Среди арестованных были Янкель Гандельсман и 5 или 6 советских военнопленных.³⁸³ Всех их 20 октября расстреляли, но не во дворе Бункера, как считалось, а в душевой крематория I. Впрочем, советских военнопленных расстреляли еще на свежем воздухе: при высадке из грузовика они набросились с кулаками на унтершарфюрера СС Й. Эккерта³⁸⁴.

Райя Каган, работавшая в регистратуре лагеря, а также переводчицей при допросах, вспоминала о легших на ее стол 96 свидетельствах о смерти повстанцев 7 октября: каждая бумажка – каждая судьба – вызывала у нее благоговение. Имен она не запомнила, но помнит, что были там евреи из Гродно и из Салоник, а также несколько русских³⁸⁵.

А между тем оставшиеся и оставленные в живых зондеркоммандовцы вовсю трудились на совершенно новом для себя направлении: начиная с 14 октября – на разрушении стены крематория IV, изрядно пострадавшего во время восстания. Разве не к этому же стремились и восставшие?..

Следователей же особенно интересовала взрывчатка: откуда взялся порох в самодельных ручных гранатах?

Два предателя – два капо с «Юниона» (капо вечерней и дневной смен) – немец Шульц и полуеврей из Чехословакии Ойген Кох – донесли на своих подопечных СД³⁸⁶. Первыми 10 октября арестовали Эстер Вайсблум и Регину Сафин, но поначалу все обошлось, и они отделалась 25 ударами палками: по данным регистрации, все сходилось, и никакой недостачи пороха не было (ее не было только потому, что девушки закладывали в бомбу только половину пороха).

³⁷⁹ Впоследствии он стал одним из главных уцелевших свидетелей – членов «зондеркоммандо».

³⁸⁰ Янковский находился в лагере до 18 января 1945 г., когда вместе с 7000 других узников его отправили пешим маршем на запад. Около Рыбника ему удалось бежать из транспорта. После двухмесячных скитаний он прорвался к советской армии возле г. Водзислава (*Inmitten des grauenvollen Verbrechens...*, 1972. S. 55–56).

³⁸¹ Его брат, Генрих, умер позднее в Австрии от голода, не дожив до освобождения американскими войсками всего два часа! (*Greif*, 1999. S. 322–324). По другим сведениям, перебежавшим был Иссак Венеция.

³⁸² То, что не было вынесено никаких приговоров, говорит, скорее всего, о том, что все подследственные в ходе расследования погибли.

³⁸³ *Czech*, 1989. S. 903. Со ссылкой на: *APMAB*. D-Aull–3a/2, Inventarnummer 29722. Wsp./51, Bd.1, S.150; Douna Ourisson; *Osw.*/252, Bd.10. См. также: *Kagan*, 1979, S. 282–284; *Grinberg*, 1984. S. 126–127.

³⁸⁴ *Kilian*, 2003b. S. 25.

³⁸⁵ *Kagan*, 1979. S. 220–222.

³⁸⁶ *Забочень*, 1965. С. 122; *Gutman*, 1979. S. 213–219.

Поэтому их отпустили. Но потом взяли Элли Гэртнер, и та не выдержала пыток, после чего взяли Розу Роботу, потом Регину и снова Эстер³⁸⁷.

Роза работала на складе одежды женского лагеря, примыкавшем к территории крематория IV; именно она передавала порох узнику «зондеркоммандо» Юклу Вробелю³⁸⁸. Решив, что Врубеля уже нет в живых, Роза призналась в том, что передавала ему порох.

После ареста Р. Роботы своего ареста ждали и Гутман с Лауфером (страшась не столько смерти, сколько пыток, оба готовились к самоубийству). Розу дважды в день проводили мимо них из Бункера в СД. Легенда утверждает, что капо Бункера Якуб Козельчик, он же «Бункер Якоб», могучий еврей из Белостока, даже устроил Лауферу³⁸⁹ свидание с Розой. Она ему рассказала, что на допросах называла только тех, кого уже нет в живых (например, Врубеля) и что она никого не выдаст. Он даже принес записку от Розы – ее последнее слово: «Будьте сильными и храбрыми!»³⁹⁰

5 января 1945 года всем, кто работал на «Юнионе», не только еврейкам, было приказано кончить работу раньше обычного – это никогда ничего хорошего не предвещало. На этот раз была не селекция, а казнь – публичная казнь четырех героических девушек³⁹¹. Их повесили – как бы в две «смены»: двоих (ими были Аля и Эстер) в утренние часы и еще двоих (Розу и Регину) в дневные – в назидание обоим рабочим сменам лагеря.

Оба раза перед казнью Хёсс зачитывал приговор Верховного суда в Берлине и добавлял: «Так будет с каждым...» (Также, кстати, стало и с ним самим!)

В этот день падал снег, и запорошенные тела висели три дня.³⁹²

Некоторое недоумение вызывает столь поздняя дата казни. Та же легенда утверждает, что «Бункер Якоб», по совместительству и лагерный палач, якобы имел дерзость отказываться их вешать до тех пор, пока не придет официальное письменное подтверждение из Берлина...

³⁸⁷ Czech, 1989. S. 902. Со ссылкой на: *APMAB*. Dpr. ZO/29, Bl.107. Свидетельство Густавы Кинзелевской; *Wsp.*/51, Bd.1, S. 50–169/*Douna Ourisson*; *Osw.*/252, Bd.10, S. 49–60.

³⁸⁸ Czech, 1989. S. 903–904. Со ссылкой на: *APMAB*. D-AuII-3-a/11c/349, FL Arbeitseinsatzlisten; *Osw.*/252. Bd.10, S. 49–60.

³⁸⁹ По другой версии – Н. Заблудовичу.

³⁹⁰ *Gutman*, 1979. S. 213–219.

³⁹¹ См.: *In Honor of Alla Gertner*, 1992.

³⁹² *In Honor of Alla Gertner*, 1992. P. 131.

Преступники или герои?

Сатанинское искушение

Находя и опрашивая немногочисленных оставшихся в живых членов «зондеркоммандо», Г. Грайф предпринял попытку «...понять границы морали тех, кто физически ближе всего находился к эпицентру убийства – месту, для которого немцы, казалось бы, исключали существование любых гуманитарных ценностей»³⁹³. Саму же методологию и методику – принуждать одних жертв убивать других – он по праву называет дьявольской³⁹⁴.

Сатанинской назвал ее в 1961 году и Г. Хаузнер, израильский обвинитель на процессе Эйхмана: «Мы найдем и евреев на службе у нацистов – в еврейской полиции гетто, в „советах старейшин“ – „юденратах“. Даже у входа в газовые камеры стояли евреи, которым велено было успокаивать жертвы и убеждать их, что они идут мыться под душем. Это была самая сатанинская часть плана – заглушить в человеке все человеческое, лишить его эмоциональных чувств и силы разума, превратить его в бездушного и трусливого робота – и, таким образом, сделать возможным превращение самих лагерных заключенных в часть аппарата, истребляющего их же братьев. В результате гестапо³⁹⁵ смогло свести число своих людей в лагерях до минимума. Но, в конце концов, и роботы не могли избежать горькой участи и подверглись уничтожению, наравне с соплеменниками...»³⁹⁶

Да, существо деятельности членов «зондеркоммандо» было чудовищным. Причем настолько, что их как коллаборационистов высшей пробы – наравне с еврейскими полициями в гетто – обвиняли в прямом пособничестве и чуть ли не в сопалачестве – в непосредственном соучастии в убийстве!³⁹⁷ И отказать обвинителям в праве называть «зондеркоммандо» пособниками и коллаборационистами нельзя. В видах собственного, хотя бы и кратковременного, спасения разве не соучаствовали они в этноциде целого народа, своего народа?

Ханна Арендт на этом основании даже желала бы распространить и на них израильский закон 1950 года о наказании нацистских преступников – закон, по которому арестовали и судили Адольфа Эйхмана³⁹⁸.

Арендт, правда, писала не столько о «зондеркоммандо», сколько о юденратах в гетто и их роли в Катастрофе. Именно юденраты с кастнерами, генсами и румковскими во главе были в центре общественного дискурса в Израиле в первые десятилетия существования страны. Как ни парадоксально, но на каждого пережившего Холокост в Израиле смотрели тогда не столько

³⁹³ Greif, 1998. S. 1027.

³⁹⁴ Greif, 1998. S. 1023.

³⁹⁵ Здесь, несомненно, имеется в виду СС.

³⁹⁶ Хаузнер, 1989. С. 31.

³⁹⁷ Например, Роберт Пендорф: «Несомненно, что без сотрудничества с жертвами едва ли было бы возможно для нескольких тысяч человек, большинство из которых, мало того, трудилась в канцеляриях, ликвидировать сотни тысяч других людей... Эти евреи соучаствовали в процессе убийства с тем, чтобы спасти себя от угрозы немедленной смерти» (Pendorf, 1961. S. 111).

³⁹⁸ Ср.: «Хорошо известный факт, что как таковой труд палачей в центрах уничтожения обычно находился в руках еврейских команд, был четко и прямо сформулирован в показаниях свидетелей обвинения – как они работали в газовых камерах и крематориях, как они вырывали золотые зубы и срезали с тел волосы, как они закапывали ямы с телами жертв, а потом снова их раскапывали, чтобы уничтожить следы; как еврейские инженеры строили газовые камеры в Терезиенштадте, где была основана такая еврейская автономия, что даже палач был евреем. Но все это было только ужасно, это еще не было моральной проблемой. Селекция и классификация рабочих в лагере осуществлялась СС...» (Арендт, 2008. С. 147.)

с сочувствием, сколько с подозрительностью и с готовым сорваться с уст вопросом: «А что ты делал во время Холокоста?»³⁹⁹

Рудольфа Кастнера, главу одного из венгерских сионистских комитетов, обвиняли в сделке с дьяволом и предательстве интересов венгерских евреев ради шкурного спасения 1700 человек элиты (в том числе себя и своих близких) в так называемом «Поезде Кастнера», следовавшем из Будапешта в Швейцарию. Он стал объектом ненависти в Израиле, в его дочерей в школе кидали камнями. Сам же Кастнер, осужденный на первом своем процессе (1955), был оправдан на втором (1958), но не дожил до этого: в марте 1957 года он был застрелен мстителями-экстремистами.

Хайм Румковский – председатель юденрата (по существу, фюрер) Лодзинского гетто, не постеснялся своего изображения на геттовских дензнаках, правил железной рукой и не боялся играть в шахматы с самим дьяволом. Ставкой были их жизни, и, не колеблясь, отдавая фигуры за качество, он посылал на заклятие все новые и новые тысячи еврейских душ. Но, в конечном итоге, и проиграл, ибо от 150-тысячного гетто уцелело лишь несколько сот человек. Он явно зарвался, думая, что знает или чувствует все правила, писанные и неписанные, – его соперник же менял правила и назначал ходы, как хотел, и одним щелчком сбил с него всю его спесь, отправил вместе со всеми офицерами и пешками в бжезинские газовни. А то, что последние погибшие лодзинские евреи замыкали собой в Аушвице панъевропейский еврейский мартиролог, – слишком слабое утешение!

Ту же игру – откупаться от палачей все новыми и новыми евреями – и с тем же результатом – вел в Вильне и Якоб Генс. Только виленский случай специфичен тем, что там особенно зрелой и явственной была и альтернатива – объединенное коммунистическое и сионистское подполье, готовое и к восстанию в гетто, и к уходу в партизанские леса. Эти подпольщики в глазах еврейского фюрера Генса – опасные сумасшедшие и провокаторы, играющие с огнем. Их бессмысленные героизм и жажда подвига вызывали у него отторжение и протест, ибо ставили под удар всю его мудрую политику полезности палачам и малых уступок и рокировок.

Генс как бы спрашивал у героических своих оппонентов: «Ну, и много ли евреев спаслось после Варшавского восстания?..» Но и «герои», – останься он и они в живых, – могли бы чуть позже спросить: «А много ли спаслось в твоём Вильнюсском гетто?..»

В действительности этих крайностей не существует, они перемешаны друг с другом, а точнее, сосуществуют внутри каждого еврея, и решающим становится то, какую пластичность и какую пропорцию того и другого и в какое именно время он находит для себя допустимыми. Борясь с альтернативой – с Виттенбергом и Ковнером, Генс пытался с нею же и заигрывать, и пример Глазмана, его бывшего заместителя, наверняка заставлял и его задуматься об упущенной возможности сосредоточения всех еврейских рычагов – юденрата, полиции и партизанского штаба – в одних и, главное, куда более могущественных руках.

Но рокировки эти заходили далеко: это его, Генса, полицейские в Ошмянах не только выкуривали евреев из их малин⁴⁰⁰, не только конвоировали их ко рвам, но и расстреливали!.. И каждая новая «акция» в гетто, каждая новая разнарядка из гестапо – это, в сущности, такая же селекция, что и на рампе в Аушвице. Вместо Биркенау в Вильнюсе были Понары, вместо газа – пули, а общими, теми же самыми были – еврейские трупы, присыпанные землей или горящие в похожих ямах.

И если кто и уцелел, то не в гетто, а в партизанских лесах или в рабочих командах, куда их депортировали и где не успели уничтожить. Впрочем, никто еще не посчитал распределение выживших евреев по способам их выживания – сколько в лесу и в укрытиях и сколько на

³⁹⁹ Это отношение необычайно сродни советско-смершевскому: «И как это ты, Абрам, жив остался?!...» (см.: Полян П.М. Советские военнопленные-евреи – первые жертвы Холокоста в СССР // *Обреченные погибнуть*, 2006. С. 9–70).

⁴⁰⁰ Тайных, хорошо замаскированных пространств, рассчитанных на то, чтобы укрыться в них во время акций и облав.

пепелищах гетто и концлагерей. Но уже самый факт сопротивления возвращал всем и каждому достоинство и надежду, веселил и возвышал их истерзанные души.

Преступники или герои?

«Зондеркоммандо», так же как и юденраты и еврейская полиция в гетто, как и еврейские «функциональные узники» в концлагерях (капо, форарбайтеры, штубендинсты), как и берлинские «грайферы», рыскавшие по городу по заданию гестапо в поисках соплеменников⁴⁰¹, и даже весь лагерь-гетто для привилегированных в Терезине или вип-концлагерь в Берген-Бельзене – все это лишь части того сложного и противоречивого целого, к которому в Израиле поначалу выработалось особое – и весьма негативное – отношение⁴⁰². Молодое еврейское государство испугалось своей предыстории и не захотело, а отчасти и не смогло разобраться в страшнейших страницах недавнего прошлого. Идеологически поощрялся лишь героизм, особенно тот, что исходил от убежденных сионистов.

Но даже это «не помогло» мертвому герою восстания в Аушвице – убежденному сионисту Градовскому – получить в Эрец Исраэль более чем заслуженное признание. Принадлежность к «зондеркоммандо» – как каинова печать, и именно этим объяснялось категорическое нежелание некоторых из уцелевших ее членов идти на контакт с историками и давать интервью⁴⁰³. Этим же объясняется и зияющее отсутствие этой темы в большинстве музейных экспозиций по Шоа.

Спрашивается: а возможно ли вообще сохранить в лагере жертвенную «невинность»? Каждый из правого ряда на рампе виноват уже тем, что не оказался в левом, ибо только эти жертвы – чистейшие из чистейших. Все остальные, если дожили до освобождения, наверняка совершили какое-нибудь «грехопадение»⁴⁰⁴. Выжил – значит пособничал, выжил – значит виноват.

На этом посыле и построено то уродство в общественной жизни Израиля, о котором сказано выше. В точности то же самое было и в СССР, для которого каждый репатриированный бывший остарбайтер и бывший военнопленный был чем-то в диапазоне между предателем и крайне подозрительной личностью⁴⁰⁵. «И как это ты, Абрам, жив остался?...» – спрашивали во время фильтрации следователи СМЕРШа у выживших советских военнопленных-евреев.

В любом случае нацисты, увы, преуспели еще в одном: убив шесть миллионов, они вбросили в уцелевшее еврейство ядовитые кристаллы вечного раздора и разбирательства, не исторического исследования, а именно бытового противостояния и темпераментной вражды. Только этой общественной конъюнктурой можно объяснить такие, например, обвинения в адрес членов «зондеркоммандо», как их якобы «прямой интерес» в прибытии все новых и новых транспортов, то есть в как можно более продолжительном и полном течении Холокоста. Ибо это, мол, страховало их жизни и сытость.

⁴⁰¹ В Берлине задокументировано 6 таких «грайферов», самые известные среди них – семейная пара Рольф Изаксон и Стэлла Гольдшлаг. Практиковалось ли что-нибудь подобное в других столицах – неизвестно (нам сообщено И. Рабин). В Ломжинском гетто, по рассказу А. Шмаиной-Великановой, был такой «Рыжий», который разыскивал еврейские «мелины» (укрытия) и, обещая помощь при побеге или смене убежища, выдавал немцам.

⁴⁰² См.: Porat, 1991.

⁴⁰³ А в имеющихся интервью бросается в глаза установка не столько на самооправдание, сколько на самооборону от возможных нападок.

⁴⁰⁴ Тот же Примо Леви довольно убедительно показывает, кем были – или как минимум должны были быть – так называемые «функциональные узники» («суки», если по-гулаговски), составляющие явное большинство среди тех евреев, кто уцелел в Холокост (Леви, 2010. С. 28–40).

⁴⁰⁵ СССР был единственной страной в мире, требовавшей от своих военнослужащих ни в коем случае не сдаваться в плен врагу, а биться до предпоследнего патрона, последним же патроном – убить себя!

Так, Г. Лангбайн цитирует некоего Э. Альтмана, «вспоминающего» явно мифическое высказывание одного из «зондеров» (так называли членов «зондеркоммандо» в лагере): «Ага, снова неплохой эшелончик прибыл! А то у меня уже жратва кончается». (Как мог член «зондеркоммандо» заранее знать, что прибыло, и как мог Э. Альтман все это от него услышать: в пабе после работы?). Понимать связь явлений – это одно (и такое понимание всегда имело место), а паразитировать на смерти и молиться на нее – другое.

Признавая на суде свои «ошибки», но так ни разу не покаявшись, сам Хёсс, тем не менее, нашел слова для ехидного осуждения евреев из «зондеркоммандо»: *«Своеобразным было все поведение зондеркоммандо. Исполняя свои обязанности, они совершенно точно знали, что после окончания [Венгерской] «операции» их самих ожидает точно такая же участь, как и их соплеменников, для уничтожения которых они оказали столь ощутимую помощь. И все равно они работали со рвением, которое меня всегда поражало. Они не только никогда не рассказывали жертвам о том, что им предстоит, но и услужливо помогали при раздевании и даже применяли силу, если кто-нибудь ерепенился. <...> Все как само собой разумеющееся, как если бы они сами принадлежали к ликвидаторам»*⁴⁰⁶.

Эти признания, возможно, послужили толчком (и уж во всяком случае – пищей) для теоретических построений итальянского историка и философа Примо Леви, который и сам пережил Аушвиц.

До известной степени Примо Леви поддается на провокацию эсэсовцев, о которой сам же и предупреждал: *«Те, кто, перетаскивает еврейские трупы к муфелям печей, обязательно должны быть евреями, ибо это и доказывает, что евреи, эта низкоразвитая раса, недочеловеки, готовые на любые унижения и даже на то, чтобы друг друга взаимно убивать. <...> С помощью этого института [«зондеркоммандо»] делается попытка, переложить вину на других, и самих по себе жертв, с тем чтобы – к собственному облегчению – их сознание уже никогда не стало бы безвинным»*⁴⁰⁷.

И все же по существу Примо Леви не слишком сгущает краски, когда называет случай «зондеркоммандо» экстремальным в коллаборационизме⁴⁰⁸. Он обратил внимание и на такой феномен, как своеобразное «братание» эсэсовцев, работавших в крематориях, с членами «зондеркоммандо»: первые держали вторых как бы за «коллег», отчего – несмотря на арийские свои котурны – эсэсовцы не считали для себя зазорным даже играть с ними в футбол⁴⁰⁹, поддерживать сообща черный рынок, а иногда и вместе выпивать⁴¹⁰.

Леви, к сожалению, слишком доверчив к своим «информантам». Ярчайший случай – рассказ о 400 греческих евреях, прибывших в июле 1944 года из Корфу и якобы дружно, все как один, пошедших на смерть, но не на работу в зондеркоммандо⁴¹¹. П. Леви, даже не будучи историком, мог бы и знать, что «венгерская операция» в это время уже практически закончилась, и никаких таких предложений кому бы то ни было сделано быть просто не могло!⁴¹²

Так же и все обвинения в *Kameradschaft* (сотовариществе) с СС и СД, кроме разве что черного рынка, критики не выдерживают. Свидетельство Нишли о футбольном матче не только не было никем подтверждено; наоборот, оно было решительно опровергнуто, в частно-

⁴⁰⁶ Höss, 1958. S. 195.

⁴⁰⁷ Levi, 1993. S. 50, 52.

⁴⁰⁸ Levi, 1993. S. 52f.

⁴⁰⁹ Nyiszli, 1960. P. 68.

⁴¹⁰ Сюда же Леви относит и то, что эсэсовец Горгес передал зондеру Мюллеру хлеб в Маутхаузене – вместо того, чтобы выдать Мюллера местным палачам (Müller, 1979. S. 276–277). Учитывая время и место события, думаю все же, что это гораздо более сложный случай.

⁴¹¹ Леви, 2010. С. 40–49.

⁴¹² Как мог бы и знать, что никаких регулярных систематических ротаций и 12 «смен» зондеркоммандо в реальности не было (Леви, 2010. С. 41).

сти, Иешуа Розенблюмом⁴¹³. Представить себе бригаду зондеркоммандо, направляющуюся в «Сауну» или устанавливающую экран или простынь у себя в казарме решительно невозможно: ни один из тех, у кого Г. Грайф брал интервью, ничего подобного не сообщал.

Быть может, самым ярким – из не-фейковых – проявлением этого *Kameradschaft* являлись отношения Менгеле и Нижли. Врач-эсэсовец, член партии, приказал (а на самом деле – доверил!) презренному жида Нижли (тоже, правда, врачу) сделать аутопсию застрелившегося эсэсовского полковника⁴¹⁴. Подумать только: врач-еврей, которому, согласно Нюрнбергским законам, и приближаться к немецкому пациенту запрещено, кромсает скальпелем драгоценную арийскую плоть!

И где? – в Аушвице!..

Но спорадическое «братание» и условная «коллегальности» между членами СС и «зондеркоммандо» – отнюдь не системный, а сугубо индивидуальный и исключительный феномен, возникающий на межличностном, а не на межкорпоративном уровне. Но утонченная интеллектуальная констатация Леви этого феномена вовсе не рассчитана на то, чтобы стать методологией. Уж больно она эксклюзивна и выведена из исторического контекста, в котором различие между теми и другими столь принципиально и огромно, что само это наблюдение и его эмпирическая подоснова едва-едва различимы.

Однако именно как методологию восприняла ее ученица Леви Регула Цюрхер из Берна: раз встав на эти рельсы, она и докатилась, пожалуй, дальше всех. Ничтоже сумняшесь, она просто соединила членов «зондеркоммандо» и эсэсовцев на крематориях в некое общее, по-будничному звучащее понятие – «персонал установок по массовому уничтожению в Аушвице»⁴¹⁵. Конечно, разбирая по пунктам их «работу», их «быт», их «менталитет» и т. д., она рассматривает их раздельно, как подгруппы этой группы, но черта уже перейдена, и рельсы сами ведут куда надо. Вот критерий антисемитизма: ага, у СС – он есть, а у «зондеркоммандо» – нет. А вот критерии «жажды выжить», «стремления к обогащению»: эти критерии, видите ли, есть у обеих подгрупп этого «персонала»! И еще они отличаются по степени «развязанности рук»⁴¹⁶. И так далее...

Вместе же взятые, единые в этом и различные в том, они все равно формируют пресловутый «персонал установок по массовому уничтожению». Так профанируется методология учителей!

Р. Цюрхер предлагает различать среди членов «зондеркоммандо» четыре подгруппы: а) потенциальные самоубийцы, б) борющиеся за жизнь любой ценой, но оправдывающие это тем, что им предстоит рассказать обо всем миру, в) организаторы подполья и повстанцы и г) «роботы», не сохранившие никаких человеческих чувств. Вместе с тем это никакие не типы, а разные состояния все одного и того же – состояния души членов «зондеркоммандо». Каждый из них, может быть, прошел через ту или другую комбинацию этих состояний, ставших для него своего рода этапами.

Результат же, к которому приходит добросовестная ученица Леви, увы, банален: наряду с «черной зоной» – местообитанием абсолютного зла, существует, видите ли, некая «серая зона», которую, со стороны СС, манифестируют, например, хороший эсэсовец Курт Герштейн⁴¹⁷, а со стороны «зондеркоммандо», надо полагать, участники сопротивления и подготовители восстания из числа коллаборационистов.

⁴¹³ Kilian, 2004. S.138.

⁴¹⁴ Nyiszli, 1960. P. 79–83.

⁴¹⁵ Zürcher, 2004. Над ее рабочим столом была приколотая бумажка с цитатой из ментора, вынесенной ею в эпиграф к книге: «Это совсем не легко и не приятно прощупывать дно низости, но я тем не менее нахожу, что это необходимо делать...» (S. 11)

⁴¹⁶ Zürcher, 2004. S. 216–219.

⁴¹⁷ Случай с эсэсовцем Пестиком (см. о нем ниже) ей, видимо, не был знаком.

Итак, в глазах многих на членах «зондеркоммандо», как и на членах юденратов, лежит каинова печать предательства и соучастия в геноциде.

Именно эта установка на многие десятилетия была определяющей в отношении к «зондеркоммандо» со стороны широкого еврейского сообщества, а также со стороны историков. Развиваясь по законам черно-белого мифотворчества, это обстоятельство, безусловно, отразилось и на истории публикации их бесценных рукописей.

Но настоящей «серой зоной» была та общественная атмосфера, которая их обволакивала.

Разве перед селекцией на рампе и в бараке спрашивали у Градовского или Лангфуса, а не хотели бы они попробовать себя в такой новой для себя и столь аттрактивной профессии, как работа в «зондеркоммандо» (с приложением должностных инструкций)? Выбор, который им тогда оставался, – это даже не выбор между 100-граммовой и 500-граммовой пайкой: имейся у них такой выбор, они бы предпочли 100-граммовую, только не в «зондеркоммандо». Это был сатанинский выбор между жизнью и смертью, между принятием навязываемых условий и их неприятием – то есть пулей в лоб или прыжком в пылающую яму или гудящую печь!

Вот аргументация уцелевшего члена «зондеркоммандо» Ш. Венеция: *«Иные полагали, что мы ответственны за то, что происходило на крематориях. Но это же абсолютно неверно. Только немцы убивали. Мы же были насильно принуждены к пособничеству, тогда как под коллаборантами понимаются добровольцы. Важно подчеркнуть, что у нас не было выбора. Каждый, кто отказался бы, тут же получил бы выстрел в затылок. А для немцев это не составило бы проблемы: убив десяток из нас, они тут же набрали бы 50 новых. Для нас весь вопрос был в том, чтобы выжить, и другого выхода у нас просто не было. Ни у кого из нас. Кроме того, и мозг наш уже не был нормальным, мы не были в состоянии много размышлять о том, что произошло... Мы стали автоматами»*⁴¹⁸.

И я, признаться, не знаю, что бы сделали всеми уважаемые Примо Леви или Ханна Арендт, если бы оказались на месте этих проклятых предателей и со-палачей?

Та же Арендт, еврейка и непримиримый борец с антисемитизмом, как-то научилась закрывать глаза на вопиющее поведение своего мэтра и друга Хайдеггера, великого философа и банального, как добро и зло, антисемита. И как-то не верится, что она, Ханна Арендт, прыгнула бы в гудящую печь.

Обвинять членов «зондеркоммандо» – центральных свидетелей Холокоста – в неправомерности их свидетельств, как это делает Примо Леви, в высшей степени антиисторично и несправедливо. А называть их «вóронами крематория» и писать о них так – *«Глядя на Медузу Горгону, легче увидеть на ее лице желание освободиться от внутренних терзаний, чем прочесть на нем правду»* – это похабство и пошлость⁴¹⁹.

Осмелюсь напомнить всем судящим и рядящим, что именно члены «зондеркоммандо» – они и только они! – долго вынашивали и, в конечном счете, осуществили единственное в истории Аушвица-Биркенау восстание, все участники которого геройски погибли!

После чего одним действующим крематорием стало меньше! Тогда как все прогрессивное человечество проморгалось, почти не заметив, недостачу шести миллионов своих членов, а доблестные союзники по антигитлеровской коалиции не нашли на складах ни бомб, ни керосина для того, чтобы раздраконить этот отлаженный завод по производству человеческого пепла и перемолотых костей!..

И что именно они, зондеркоммандовцы, оставили – написали и спрятали – самые многочисленные и самые авторитетные свидетельства о том, что там происходило на самом деле и как. И не их вина, что до нас дошло лишь около десятка из них!

⁴¹⁸ Venezia, 2008. S. 151–152.

⁴¹⁹ Леви, 2010. С. 42.

«Зондеркоммандо» – это не штабная, а штрафная рота, и ее члены рвутся в бой с надеждой на то, что кровью смоют с себя тот подлый позор, на который, не спрашивая, их обрекли враги. И еще на то, что весь мир признает и зачтет им не только их малодушие и преступления, но и их подвиги!

Свитки из пепла: история обнаружения, прочтения, перевода и издания

«Некоторые способные к письму узники записывали хронику зондеркоммандо, которую упаковывали в свинцовые банки и закапывали в надежде, что когда-нибудь кто-то их выкопает и прочтет».

Филипп Мюллер

«Дорогой находчик, ищите везде!..»

Залман Градовский

После освобождения: канадзяры, или человеческие гиены

После того как 27 января 1945 года Красная Армия освободила концлагерь Аушвиц-Биркенау со всеми его филиалами и ушла дальше на запад, на территории концлагеря остались полевые, а затем тыловые госпитали, а также представители ЧГК – Чрезвычайной Государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских преступлений. В марте здесь были организованы различные лагеря для немецких военнопленных и интернированных поляков, но на протяжении практически всего февраля территория лагеря была предоставлена на откуп кладоискателям-мародерам из местных жителей. Сами себя они называли красивым словом «канадзяры», этимологически и семантически происходящим от «Канады» – лагерной зоны между крематориями в Биркенау – гигантского склада награбленного еврейского имущества. Но куда больше подходит им обозначение «человеческими гиенами»⁴²⁰.

На большую часть территории доступ никем не охранялся, и ничто не мешало «канадзярам» из местного населения бродить по лагерю, заходить в бараки и служебные помещения, где можно было найти кучи разных вещей, протезов, игрушек, мешки с женскими волосами, склянки с эмбрионами, извлеченными из маток беременных женщин, и т. д. Особенно волновала этих «черных археологов» из Освенцима зона бывших газовых камер и крематориев в Биркенау. Именно туда, как на охоту, ходили те, чей стяжательский энтузиазм питался исключительно мечтами о кладах с еврейским золотом и драгоценностями, которые жида повсюду поназакапывали прежде, чем принять причитающуюся им смерть.

Едва ли эти омерзительные чаяния оправдались, а если вдруг и нашелся где-то золотой зуб, то об этом уже не узнать.

Символика богатства на жидовской крови просто бросается в глаза. Грозный еврейский бог, чьи заповеди об уважении к мертвому телу они так кощунственно нарушали, бесстрашных канадзяров явно не пугал⁴²¹. И даже не смущал: этим набожным католикам и справным прихожанам явно хватало грошевой автоиндугенции типа «Матка бозка! Жидам не поможешь, а золотишко ихнее нам бы кстати и впрок!».

⁴²⁰ Это выражение употребил в их адрес А. Заорский, находчик рукописи А. Германа (см. ниже).

⁴²¹ Как не пугала их и польская полиция, вплоть до открытия в Освенциме Музея допросившая 415 местных жителей по подозрению в «канадзярстве» (из доклада польского историка Марты Заводной-Степан на посвященной зондеркоммандо-конференции в Берлине 12-13 апреля 2018 г., изучившей журналы регистрации следственных действий польской полиции в г. Освенцим за эти годы (хранятся в польском Институте памяти народной)). О «канадзярах» см. также: Hansen I: «Nie wieder Auschwitz!». Die Entstehung eines Symbols und der Alltag einer Gedenkstätte 1945–1955, Göttingen 2015, S.88-91. Оба автора сообщают о причастности к такому мародерству и краснойармейцев.

Но надо сказать, что «освенчимское» мародерство на еврейской крови и костях отнюдь не уникально. Точно так же вели себя, например, белорусы в Малом Тростенце, старательно перекапывая яму с еврейским пеплом, оставленную здесь «зондеркоммандо 1005»: *«Золото шукаюць. Кажуць, у яурэу яго многа было...»*⁴²² О Пауле Блобеле никто из них не слышал, но в своего рода интернационал осквернителей и мародеров его имени всех их можно было бы зачислить.

Но «раскопки» в зоне крематориев в Биркенау были уникальны другим. Нередко мародеры натывались на фляжки, банки или бутылки, внутри которых действительно что-то было. Это «что-то» чаще всего оказывалось никчемными рукописями на непонятном жидовском языке, – их, скорее всего, разочарованно выбрасывали на помойку⁴²³.

Кое-кто, однако, успел сообразить, что и на этом можно сделать деньги, и предлагал эти находки тем, кто мог их и прочесть, и купить – а именно уцелевшим евреям, чаще всего местным, освенцимским, или же бывшим узникам, которых тянул к себе, которых звал этот остывший ад, – Ад, который они пережили, а большинство – нет.

Были среди них и бывшие члены «зондеркоммандо»: они-то знали наверняка, где надо копать, и по их наводкам было действительно обнаружено несколько закладок с рукописями. Одна из первых таких находок,⁴²⁴ – ею как раз и оказалась рукопись Градовского! – была сделана еще в марте 1945 года, когда ни музея в Освенциме, ни самого польского государства еще не было: как вещдок она попала в фонды ЧГК и пролежала в запасниках Военно-медицинского музея в Санкт-Петербурге чуть ли не четверть века – пока на нее не упал глаз историка!

После освобождения: новые хозяева

Гигантская территория концлагеря и фабрики смерти Аушвиц-Биркенау недолго оставалась совсем бесхозной. Две системы, две сети устроили на ней свои базы – военно-медицинская и НКВД/ГУПВИ⁴²⁵.

Сразу же после освобождения в Освенциме был развернут Терапевтический полевой подвижной госпиталь (ТППГ) № 2692. Его начальником была майор медицинской службы, доктор медицинских наук Маргарита Александровна Желинская⁴²⁶. Бок о бок с советскими медиками работали и польские, в частности члены добровольного корпуса Польского Красного Креста в Кракове, помогавшие в размещении госпиталя и в медицинском обслуживании нетранспортабельных бывших узников концлагеря. Этот корпус был в Освенциме уже в первые дни февраля⁴²⁷.

⁴²² Скобло, 2006. С. 10–12.

⁴²³ Ср.: «Если бы тогда в «зоне смерти» в Биркенау были проведены систематические раскопки, то, вероятно, были бы обнаружены записки не только Градовского, но и многие тайные рукописи других членов «зондеркоммандо». Большинство этих бесценных документов, по-видимому, было безвозвратно утрачено вскоре после освобождения лагеря, когда сюда устремились бесчисленные мародеры из окрестностей. Они ископали всю землю вокруг крематориев в поисках золота и драгоценностей, поскольку по окрестным деревням прошел слух, что евреи перед смертью закапывали в землю золото и драгоценности. Мародеры искали золото, а разные там бумаги не представляли для них ценности. Так что наиболее вероятным местом, куда попадали рукописи «зондеркоммандо», была помойка». (Friedler, Slebert, Killian, 2002. S. 309.)

⁴²⁴ Если не считать находок мародеров – «черных археологов», сделанных, скорее всего, в феврале 1945 г. (среди них вполне могла быть и вторая из найденных рукописей З. Градовского).

⁴²⁵ Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД/МВД СССР.

⁴²⁶ Сообщено А.Ю. Валькович.

⁴²⁷ Одним из членов корпуса был и студент-медик А. Заорский, нашедший возле крематориев бутылку с письмом Хайма Германа (см. в настоящей книге). См. справку, выданную А. Заорскому 21.02.1945, в том, что он добровольно работал с 6 по 20 февраля в воинской части 14884 (начальник – майор Вейников) и по окончании работы проследовал в Краков (АРМАВ. D-RO XXIV. Protokole grypsów. Nr. Mikrofilmu 1358/114)

Бывший концлагерь СС приютил и «смершевцев»⁴²⁸. Некоторое время здесь находились лагеря для немецких военнопленных и для так называемых «силезцев» – интернированных польских граждан немецкой национальности.

Уже в марте 1945 года фронтовой приемно-пересыльный лагерь для военнопленных № 22, находившийся в ведении 4-го Украинского фронта, был передислоцирован в Освенцим из Самбора и Ольховцов⁴²⁹. Здесь же обосновались и два спецгоспиталя, № 2020 и № 1501, обслуживавших перевозку немецких военнопленных в глубь СССР. А в апреле Освенцим, к которому подходят ветки как западноевропейской, так и советской железнодорожной колеи, стал узловым местом сосредоточения и перевалки военнопленных перед отправкой их на восток; поблизости оказались и склады с топливом, вещевым имуществом и эшелонным оборудованием. В результате в уцелевшую и отчасти восстановленную барачную инфраструктуру бывших Аушвица и Биркенау с их суммарной остаточной емкостью вплоть до 50 тысяч человек в апреле-мае 1945 года были передислоцированы еще два лагеря – фронтовой приемно-пересыльный лагерь для военнопленных № 27 из Подебрад и сборно-пересыльный пункт № 5 из Оломоуца⁴³⁰. В мае номер лагеря изменился (из № 22 он стал № 87), но сама дислокация в Освенциме была подтверждена и в июне⁴³¹.

По всей видимости, деятельность этих лагерей продолжалась на протяжении всего лета 1945 года, при этом в Освенциме застревали те, кто не был годен к транспортировке и физическому труду в советских лагерях⁴³². Осенью 1945 года лагерь для «силезцев» был переведен в Явожно.

В конце 1945 года было принято решение о возвращении территории бывшего концлагеря Польской народной армии и о создании в Освенциме и Бжезинке государственного музея. В апреле 1946 года был назначен его первый директор-организатор – д-р Тадеуш Войсович, бывший узник Аушвица и Бухенвальда. Фактическое открытие музея состоялось 14 июня 1946 года, в 7-ю годовщину прибытия в Аушвиц-1 первого транспорта с первыми заключенными-поляками⁴³³.

Но не надо думать, что, как только музей в Освенциме был создан, его сотрудники тотчас же занялись активными и целенаправленными раскопками возле крематориев: самые первые археологические экзерсисы музея состоялись только спустя 15 лет – в начале 1960-х годов – и то под давлением бывших узников из «зондеркоммандо». Такая пассивность прямо вытекала из послевоенной политики стран восточного блока по отношению к Холокосту и памяти о нем.

В преломлении концепции Освенцимского музея это выглядело примерно так: «Дорогие посетители, вы находитесь в самом чудовищном из существовавших при нацизме концентрационных лагерей... Здесь сидели многие десятки тысяч польских патриотов. Как всем хорошо известно, мы, поляки мужественно и героически боролись с эсэсовцами и тяжело за это страдали... – Что-что, евреи? Да-да, евреи здесь тоже были, да, правда, миллион или больше, да,

⁴²⁸ От СМЕРШа («Смерть шпионам») – военной контрразведки Красной Армии.

⁴²⁹ См. докладную записку начальника Отдела НКВД по делам о военнопленных при начальнике тыла 4-го Украинского фронта майора госбезопасности Мочалова начальнику ГУПВИ генерал-лейтенанту Кривенко от 2 апреля 1945 г. о состоянии фронтовой сети по приему военнопленных за март 1945 г. (РГВА. Ф.425п. Оп.1. Д.9. Л.84–86).

⁴³⁰ См. доклад Мочалова Кривенко от 16 июля 1945 г. о работе фронтовой сети по приему военнопленных 4-го Украинского фронта за апрель-июнь 1945 г. (РГВА. Ф.425п. Оп.1. Д.9. Л.184–192).

⁴³¹ См. донесение начальника Отдела НКВД по делам о военнопленных Управления тыла 4-го Украинского фронта майора госбезопасности Мочалова Начальнику ГУПВИ комиссару госбезопасности Ратушному от 10 июня 1945 г. Емкость лагеря составляла 7000 человек, его начальником был полковник интендантской службы Маслобоев (РГВА. Ф.425п. Оп.1. Д.9. Л.147).

⁴³² См. в докладе Мочалова Кривенко от 19 июля 1945 г. о работе фронтовой сети по приему военнопленных 4-го Украинского фронта за 1-е полугодие 1945 г.: «Военнопленные, поступающие после капитуляции фашистской Германии, по физическому состоянию в значительном числе не стоят того, чтобы катать их на 1000 километров в тыл СССР, так как трудовое использование их не может дать никакого эффекта. Много престарелых, подростков, инвалидов, ослабленных хроников» (РГВА. Ф.425п. Оп.1. Д.9. Л.193–204).

⁴³³ Официально музей открылся только 2 июля 1946 г., когда польский парламент принял соответствующий закон.

правда, их тоже обижали, да, часто, но все же главные жертвы и главные герои – это мы, поляки!»⁴³⁴

...В результате из нескольких десятков схронов, сделанных членами «зондеркоммандо» в пепле и земле вокруг крематориев, были обнаружены и стали достоянием истории и историков всего восемь из них.

Поиски и находки еврейских рукописей

История обнаружения, изучения, хранения и публикации рукописей, написанных бывшими членами «зондеркоммандо» в Биркенау, весьма поучительна. В сжатом виде она запечатлелась в нижеследующей таблице. Более детальные сведения о каждой из находок содержатся в специальных описаниях каждой из них в отдельности.

Сведения об обнаружении и местах хранения рукописей членов «зондеркоммандо»

Автор текста	Дата и место обнаружения	Место хранения оригинала	Место хранения официальных копий
1. ХА	2 1945, крематорий III	Нет данных (предположительно в Париже)	АРМАВ
2. ЗГ2	2–3.1945, крематорий III	Kidush-Heshem Archive, Bnei-Brak, Israel ² (5 листов)	Семья Волнерман; Яд Вашем

² Дар И. Волнермана (сообщено Авихаим Зуром – племянником И. Волнермана и переводчиком З. Градовского на иврит, впервые вобравшим в себя и заключительный фрагмент «Воссоединение»).

Автор текста	Дата и место обнаружения	Место хранения оригинала	Место хранения официальных копий
3. ЗГ1	5.3.1945, крематорий III	ВММ	Яд Вашем, ŻIH, АРМАВ
4. ЛЛ1	Лето 1952, крематорий III	?	АРМАВ
5. ЛЛ2	4.1945 / 10.1970, крематорий III	АРМАВ	Яд Вашем(?)
6. ЗЛ1	28.7.1961, крематорий III	АРМАВ	
7. ЗЛ2	17.10.1962, крематорий III	АРМАВ	
8. МН	24.10.1980, крематорий III	АРМАВ	

Сокращения: ХХ – Хаим Херман, ЗГ – Залман Градовский, ЛЛ – Лейб Лангфус, ЗЛ – Залман Левенталь, МН – Марсель Наджари.

⁴³⁴ В целом сверхнастороженное отношение к памяти замученных нацистами евреев было характерным не только для Польши и так называемых соцстран, но и для всего послевоенного общественного сознания Европы. Многие европейские страны – Швейцария, например – просто-напросто хорошо нажились на еврейской Катастрофе.

Лейб Лангфус, автор одной из тех немногих рукописей, что были найдены, обращался к потомкам:

«Я прошу собрать все мои разные и в разное время закопанные описания и записки с подписью J.A.R.A. Они находятся в различных коробочках и сосудах на территории крематория IV, а также два более длинных описания – одно из них, под названием «Выселение», лежит в яме с кучей остатков костей на территории крематория III, а описание под названием «Аушвиц»⁴³⁵ между размолотыми костями на юго-западной стороне того же двора. Позже я сделал с этого копию и дополнил, и закопал отдельно в пепле на территории крематория III. Я прошу все это вместе собрать и под названием «В содрогании от злодеяния» опубликовать. <...>

Сегодня 26 ноября 1944 года»⁴³⁶.

Хенрик Порембский, электрик, обслуживавший крематории по электрической части, доверенное лицо и связной «зондеркоммандо», осуществлявший связи с подпольщиками в Аушвице-1, утверждал, что члены «зондеркоммандо» начали закапывать свои сообщения в землю летом 1944 года. По его версии – после того, как после удачного побега из основного лагеря одного польского подпольщика, бывшего связным с волей, оборвался надежный канал связи для касиб.

Думается, что он все же сдвинул акценты интерпретации: евреи действительно приступили к захоронению своих свидетельств летом 1944 года и, так сказать, «у себя» – на территории, прилегающей к крематориям, но причина была иной: почувствовав себя «кинутым» польским подпольем и заплатив за это жизнью капо Каминского, бывшего к тому же ключевым звеном коммуникации между Биркенау и Аушвицем-1, и переездом в зону вокруг крематориев, они просто отказались от столь жесткой координации с подпольщиками из головного лагеря. Да и сама связь, если бы ее искали, после переезда в зону крематориев и смерти Каминского не могла не усложниться⁴³⁷.

Порембский вспоминал, что ему лично известно о 36 схронах на территории крематориев⁴³⁸. Он же рассказал и о «технологии», которую выработали для этого зондеркоммандовцы, в частности, на крематории IV. Сначала рукопись, спрятанную во фляжку, или в пустую банку из-под «Циклона Б», или хотя бы в плотно закрытый котелок, припрятывали в поленище дров, уложенной вдоль внешней колючей проволоки, в том ее месте, где был не просматриваемый ниоткуда закуток между двумя рядом стоящими зданиями – газовой камерой и раздевалкой. Там же было естественное углубление, которое постепенно заполнялось различным мусором и землей. Вдоль проволоки и штапелей дров росли кусты и молодые сосенки, под корнями которых и устраивали схроны: сначала вырывали ямку, потом вынимали из временного укрытия банку, прятали ее в ямке и аккуратно засыпали землей, под конец поливая сверху водой и утрамбовывая. Поскольку нетрудно было предположить, что от самих зданий когда-нибудь камня на камне не останется, ямки делали не ближе, чем в метре от стен. Занимался всем этим, согласно Порембскому, один и тот же узник – Давид то ли из Сосновца, то ли из Лодзи (вероятно, штубовый).

Трижды приезжал Порембский в Освенцим в надежде найти их и выкопать бесценные записи. Первый раз, в августе 1945 года, он опоздал – на территории крематориев хозяйничала комендатура лагеря для немецких военнопленных. Второй раз – в 1947 году – копать ему не

⁴³⁵ Так в тексте.

⁴³⁶ *Inmitten des grauenvollen Verbrechens...*, 1972. S. 127–128.

⁴³⁷ Впрочем, как показывает транспортировка пороха и гранат на крематории, евреям, при необходимости и решимости, были под силу и не такие задачи!

⁴³⁸ *Jezierska*, 1963. P. 1–2.

разрешил уже музей, опасавшийся наплыва «черных археологов». В третий раз он обратился в музей в начале 1961 года; на этот раз санкция варшавского и музейного начальства была получена. И вот 26 июля 1961 года раскопки начались: место – участок размером в 80 квадратных метров – указал Порембский. И уже 28 июля они увенчались находкой проржавевшего немецкого солдатского котелка, внутри которого оказались плотно уложенные и слипшиеся друг с другом листы бумаги – записки Э. Хиршберга из Лодзинского гетто с комментариями З. Левенталья. Рядом с котелком в земле были остатки пепла и несторевавших человеческих костей – возможно, Левенталь почтил память автора записок персональным захоронением его условных останков⁴³⁹.

Станислав Янковский-Файнзильбер закопал в землю недалеко от крематория фотоаппарат, металлическую банку с остатками газа и записки на идиш с расчетами количества убитых в Аушвице⁴⁴⁰. Кроме того, повар Леон закопал там же большую коробку с талесом, тфилином и молитвенником, подобранными у погибших⁴⁴¹. Яков Габай утверждал, что он и некоторые другие греческие евреи закопали возле крематория III несколько символических банок с как бы индивидуальным пеплом их родственников⁴⁴².

Еще об одном послании, причем коллективном, сообщает Миклош Нижли – его, по-видимому, главный инициатор. На трех из четырех пергаментных, большого формата листов рукой парижского художника Давида Олере описывалось все, что происходило на крематориях Биркенау, приводилась оценка числа жертв и назывались имена основных палачей. Четвертый лист занимали подписи почти 200 членов «зондеркоммандо» крематория II, где обрелся и сам Нижли. Эти листы были прошиты шелковой нитью, свернуты в трубочку и вложены в специально изготовленный цинковый цилиндр, вскоре закопанный во дворе крематория II. (У этого, так и не найденного после войны послания был необычайно экстравагантный «двойник». Obersturmführer СС Эрих Мусфельдт приказал изготовить двуспальную кровать-рекамье и отправить ее багажом к себе домой, в Мангейм. Члены «зондеркоммандо» кровать изготовили, но заложили между погруженными в шерсть и вату пружинами аналогичный цинковый цилиндр!)⁴⁴³

Известно, что члены «зондеркоммандо» вели свой учет прибывающих транспортов и регулярно передавали эти сведения польскому подполью в центральном лагере: именно таким документом является, судя по всему, список эшелонов, написанный по-польски Лейбом Лангфусом и найденный среди бумаг Залмана Левенталья⁴⁴⁴.

Но, быть может, самое уникальное, что удалось переправить на волю, – это групповые «автопортреты»: страшные фотографии живых членов «зондеркоммандо» на фоне лежащих на траве и сжигаемых на костре трупов.

Всего сохранилось четыре фотографии, сделанных в конце августа или начале сентября 1944 года сквозь квадратное окно или дверь какого-то временного укрытия близ костровища у крематория V⁴⁴⁵. Рамка фотографии и изображение находятся под некоторым углом друг к

⁴³⁹ См. в анонимной преамбуле: *Bergung der Dokumente // Briefe aus Litzmannstadt...* 1967. S. 7–13.

⁴⁴⁰ *Jankowski*, 1972. S. 69.

⁴⁴¹ Дов Пейсахович из Бессарабии знал об этом и даже пытался в 1965 г. разыскать нужное место, но так ничего и не нашел. См.: *JVA*. TR17. JM.3498.

⁴⁴² *Greif*, 1999. S. 201–202. Это свидетельство вызывает, однако, большое сомнение. Создатели крематориев из фирмы «Тёпф и сыновья» недаром говорили об отсутствии всякого пиетета к трупам, так как никакой технологической возможности отделить пепел одной жертвы от пепла другой в Биркенау просто не было!

⁴⁴³ *Nyiszli*, 1960. P. 123–124. Много, конечно, заставляет усомниться в полной достоверности этого сообщения. Даже в преддверии ожидавшейся ликвидации старожилов «зондеркоммандо» самый сбор двухсот подписей был самоубийственным мероприятием. К тому же почему о таком массовом мероприятии не вспоминает никто, кроме Нижли, даже сам Д. Олере?

⁴⁴⁴ См. ниже.

⁴⁴⁵ *АРМАВ*. № 280–282. В 1950-е гг. оригинальные пластины были утеряны, но сохранились негативы, сделанные с их пересъемом. Обычно публикуются первые две фотографии, причем отредактированные: на них изображены только люди и

другу, что наводит на мысль о том, что фотографии делались лежа. Но, конечно, самое поразительное – то, что «зондеркоммандо» удалось еще и сфотографировать свое рабочее место!

По свидетельству членов «зондеркоммандо» Лейбы Филишки и Аврома-Берла Сокола от 31 мая 1946 года, фотографировал Лейб-Гершл Панич из Ломжи, нашедший в вещах погибших исправный фотоаппарат⁴⁴⁶.

По другим сведениям, зафиксированным и в экспозиции Государственного музея «Аушвиц-Биркенау», непосредственным автором фотографий был грек по имени Алекос (Эррера?), для которого через Аушвиц-1 был специально раздобыт фотоаппарат, переданный Шломо Драгону Альтером Файнзильбером, а тому – Давидом Шмулевским. Драгон пронес заряженный аппарат на крематорий и унес его с пленкой обратно⁴⁴⁷.

В то же время Б. Ярош называет целую фотобригаду в составе уже пятерых: Алекоса, братьев Ш. и А. Драгонов, А. Файнзильбера (С. Янковского) и Д. Шмулевского⁴⁴⁸. А по версии М.С. Забоченя, Шмулевский был и вовсе самым фотографом, причем единоличным⁴⁴⁹. Но непосредственное его участие в фотографировании все же невероятно: заместитель блок-эльдесте 27 блока в Биркенау, еврей из Сосновца (или из Лодзи) и подпольщик, связанный с «Боевой командой Аушвиц», Шмулевский играл свою исключительно важную роль связного между «зондеркоммандо» и «семейным лагерем», например, но прямого доступа в зону крематориев он иметь не мог.

В конце концов, не так уж и важно, кто нажимал на затвор, кто стоял «на стрёме» и т. д.: организация такого фотосеанса могла быть только коллективной. И переправка пленки на волю – составная часть этого процесса.

Это, в свою очередь, сумело сделать польское подполье: сопроводительная касиба Йозефа Циранкевича и Станислава Клодзинского в Краков, к Терезе Ласоцкой-Эстрайхер, от 4 сентября 1944 года достаточно точно датирует событие:

*«Срочно. Отправьте эти две металлические катушки с пленками (2,5 и 3,5 дюйма) как можно скорей. Возможно получить отпечатки. Мы шлем фотографии из Биркенау – люди, которых газировали. На фотографии костер из тел, сжигаемых снаружи. Тела сжигают снаружи тогда, когда крематории не справляются со сжиганием необходимого количества. На переднем плане тела, приготовленные для того, чтобы быть брошенными в костер. Другая фотография показывает одно из мест в лесу, где людям приказывают раздеться якобы для того, чтобы идти в баню, а на самом деле в газовую камеру. Отправьте катушки как можно скорей...»*⁴⁵⁰

Довид Нэнцел вспоминал также о закопанном в землю большом стальном ящике, в который были уложены фотографии, найденные у венгерских евреев, и заметки о каждом венгерском эшелоне, а также письма-отчеты Сталину, Рузвельту, Черчиллю и де Голлю, написанные на соответствующих языках⁴⁵¹.

Те же Филишка и Сокол утверждали, что члены «зондеркоммандо» захоранивали свои рукописи и рисунки в термосах и флягах на территории всех крематориев, но в особенности часто на территории крематория III – приблизительно в 20 метрах в сторону цыганского лагеря. Авторами этих документов, кроме Градовского, были Йосель Варшавский, Довид Нэнцел из

дым, без какой бы то ни было рамочной перспективы; гораздо реже печатается третья и почти никогда четвертая, где людей нет, а только пейзаж (см. подробнее: Stone, 2001. P. 131–148).

⁴⁴⁶ Сам Панич, застрелив в день восстания эсэсовца, совершил самоубийство в печи (ZIH. 301/1868. То же: YVA. M.11, папка 224).

⁴⁴⁷ Нам сообщено В. Плюсой (АРМАВ).

⁴⁴⁸ Jarosch, 1994. P. 248.

⁴⁴⁹ Забочень, 1965. С. 117.

⁴⁵⁰ Цит. по: Stone, 2001. P. 142.

⁴⁵¹ Friedler, Slebert, Killian, 2002. S. 265–266.

Рифича, некий даян (судья) из Макова⁴⁵², имени которого они не называли, и Леон Француз⁴⁵³, или Давид Олере, художник из Франции, старавшийся делать зарисовки всего того, что он, к сожалению, видел⁴⁵⁴.

Постоянно вел дневник и Яков Габай – в надежде и уцелеть самому, и сохранить этот 500-страничный дневник. Второе не удалось – Габай не смог взять его с собой при эвакуации лагеря. Дневник и весь труд над ним погибли, но Габай подчеркивал, что уже одно его наличие тренировало память, благодаря чему он прекрасно помнит не только события, но и многие даты⁴⁵⁵.

Греческие евреи, видимо, больше интересовались семейной историей, нежели мировой. Поэтому они писали главным образом письма своим родным, закладывали их в бутылки и закапывали на 30-сантиметровой глубине в пепле. И, как ни удивительно, одно такое письмо – от Марселя Наджари – нашлось и даже «дошло»! Сам же Наджари – единственный уцелевший из числа членов «зондеркоммандо», оставивших письменные свидетельства.

В конечном итоге, повторим, было разыскано восемь схронов с девятью рукописями членов «зондеркоммандо»⁴⁵⁶. Самой первой – предположительно уже в середине февраля 1945 года – была обнаружена рукопись, написанная по-французски и принадлежавшая Хаиму Герману, а самой последней – в октябре 1980 года! – рукопись Марселя Наджари, написанная по-гречески. Остальные шесть рукописей писались на идише (с минимальными вкраплениями на польском и немецком, а также на иврите).

Первые три находки от последней отделяют 36 лет!

Первые три были найдены практически одновременно – в первые же недели после освобождения Аушвица-Биркенау советскими войсками 27 января 1945 года. В феврале (а может быть, и в марте, да и самые последние числа января тоже не исключены) была найдена рукопись Залмана Градовского «В сердцевине ада», а 5 марта 1945 года – фляжка с двумя другими его рукописями.

В 1952 и 1970 годах были обнаружены рукописи Лейба Лангфуса, а в 1962 году, 28 июля и 17 октября, одна за другой, – две рукописи Залмана Левенталья. Последней находкой – в 1980 году! – стала рукопись Марселя Наджари, написанная по-гречески.

Но, говоря об истории обнаружения таких рукописей, следует еще раз вернуться к истории их «необнаружения».

Из девяти сохранившихся рукописей только четыре были обнаружены вследствие целенаправленного поиска государственных органов: первая рукопись Градовского в марте 1945 года (комиссия ЧГК), одна рукопись Лейба Лангфуса в 1952 году (партийная комиссия) и обе рукописи Левенталья, обнаруженные в 1962 году в рамках специальной экспедиции Государственного музея «Аушвиц-Биркенау» (правда, под большим давлением со стороны бывших узников, утверждавших, что знают, где надо копать).

Но почему же с самого начала не копал сам музей? Ведь в земле сыро, и никакая банка или фляжка от сырости целее не становится. Почему же не копали ни с самого начала, ни потом?..

А вот предприимчивые «частники» – поляки в 1945 году старательно копали – копали и находили! Искали они, напомним, не еврейскую память, а еврейское золото: эдакий Клондайк у подножия крематориев!

⁴⁵² Это, вне всякого сомнения, Лейб Лангфус (см. ниже).

⁴⁵³ А это, очевидно, Леон Вельбель (см. Приложение 2 в: Полян, 2015).

⁴⁵⁴ О Давиде Нонцтэ и о Леоне Французе высказывается предположение, что они выжили.

⁴⁵⁵ Greif, 1999. S. 205.

⁴⁵⁶ Индивидуальные истории их обнаружения приводятся в соответствующих местах части 2 наст. издания.

Когда находили рукопись с непонятными еврейскими буквами, – то чаще всего выбрасывали, ведь никто не призывал их тогда продавать находки музею. Только один молодой поляк, имени которого история, к сожалению, не сохранила, найдя рукопись Градовского, догадался предложить ее оказавшемуся по соседству земляку-еврею. Волнерман торговаться не стал и рукопись купил.

До недавнего времени не приходилась даже слышать о том, чтобы на местах других лагерей смерти были сделаны находки наподобие тех, что были обнаружены в Аушвице. Но, как выясняется, записки на идише были обнаружены и в других местах, по меньшей мере, в Майданеке и в Хелмно⁴⁵⁷. В Майданеке, в частности, в 1945 году был найден так называемый «Дневник Марилки», повествующий о событиях в Варшавском гетто, а также несколько списков советских граждан с фамилиями и номерами⁴⁵⁸.

В самом же Аушвице и Биркенау, помимо рукописей, написанных и упрятанных членами «зондеркоммандо», существовали и были обнаружены еще и другие схроны – такие же «бутылки», брошенные в море.

Так, польский узник Ян Купец (№ 790), писарь штрафной команды, перед самой эвакуацией штрафкоманды из лагеря 18 января 1945 года сдал на уничтожение второстепенные документы, а сам запрятал между стенных досок своего бюро регистрационную книгу и часть картотеки штрафной команды, а также собственный дневник с хроникой наказаний. Он пережил эвакуацию и, вернувшись на родину, написал в Аушвиц, после чего вся эта документация была найдена и поступила в архив будущего музея⁴⁵⁹.

Другой пример – книга с именами цыганских узников, закопанная Т. Яхимовским, И. Петржигом и Х. Порембским летом 1944 года. Найденная вскоре после войны, она была опубликована только в 1993 году⁴⁶⁰.

Третий – так называемый «Освенцимский альбом» с 22 рисунками неустановленного автора (некоего М.М.), обнаруженный еще в 1947 году сторожем музея. Судя по тому, что на одном из рисунков изображена газовня-бункер, художник вполне мог быть и членом «зондеркоммандо».

Наконец, негативы идентификационных фотографий СС, сделанных с узников (около 390 тысяч!), снимки, документирующие строительство лагеря, газовых камер и т. д. Их тоже нашли после войны.⁴⁶¹

Ну и, конечно, тысячи касиб! Тысячи касиб, переправленных польско-еврейским Сопротивлением на волю, среди них немало сведений, полученных и от «зондеркоммандо», а также несколько леденящих сердце фотографий.

Прочсть непрочитанное: методы мультиспектральной съемки и ожившая рукопись

И все-таки – вопреки всему – они, эти касибы, однажды и случайно уцелев, начинают до нас доходить...

Впрочем, рукописи членов «зондеркоммандо» – это ведь тоже своего рода касибы, посланные нам, но не через проволоку и не по воздуху, а через землю, напитанную кровью, обожженную и сырую.

⁴⁵⁷ Сообщено Н. Гальперин.

⁴⁵⁸ Сообщено Р. Кувалеком.

⁴⁵⁹ См.: *Strzelecka*, 2002. S. 325.

⁴⁶⁰ См.: *Swiebocki*, 1993.

⁴⁶¹ См.: *Swiebocki*, 1993. S. 128–131.

У каждой рукописи – отдельная судьба, индивидуальная и общая, и даже физически – как материальный носитель того, что в ней написано, – каждая из них своеобразна и, что особенно важно, говоряща. Разнится очень многое – и способы защиты от земной сырости, и то, на чем записан текст (бумага разного размера или блокнот), и то, чем он записан (чернила разного цвета, карандаш), и то, как этот текст расположен на бумаге (как правило, очень компактно, с уплотнением к низу страницы, но есть и исключение – размашистые строчки Наджари), и особенности почерков!⁴⁶²

Н. Чер и Д. Вильямс пишут о попытках прочесть непрочитанное в рукописях членов зондеркоммандо: «В свете их неполной расшифрованности как бы содержится обещание быть прочитанными и одновременно сопротивление этому; писание текстов становится чем-то еще... Впявляя взор в начертания слов и пытаясь найти буквы, которые, будучи сведенными вместе приореаили бы какой-то смы, как и пытаться отличить знак, призведенный человеческой волей, и тот, что обяан грязи и сырости, отслеживать маршрут выбранный пером, поражаюсь сверхъестественной интуиции»⁴⁶³.

Но не менее трудной и вязкой средой, сопротивлявшейся просачиванию этих грунтовых слов к читателю, оказалась погруженная в раствор времени сама человеческая память. Точнее, антипамять, чья леденящая сила, словно вечная мерзлота, на многие десятилетия сковала естественное желание человека знать и намерение помнить.

И все-таки – вопреки всему – они, эти касибы, однажды и случайно уцелев, начинают до нас доходить...

В то же время современные технологии и технические средства позволяют надеяться на ошутимое приращение прочитанного. Их грамотное и осторожное приложение к рукописям зондеркоммандовцев позволило бы впервые прочесть те места, что до сих пор не поддавались расшифровке. Или, по крайней мере, существенную их часть.

Прочтение непрочитанного в рукописях членов зондеркоммандо в Аушвице-Биркенау представляет колоссальный историко-культурный интерес. Рано или поздно преграды на этом пути будут преодолены, но чем больше времени будет упущено, тем слабее будет эффект от применения релевантных технологий.

Об этом я говорил в одной из своих радиопередач о «Свитках из пепла», и, по счастливой случайности, был не просто услышан, а услышан именно тем, кем надо! Проникшись проблемой и всей ее сложностью, ко мне обратился молодой компьютерный энтузиаст из Тулы Александр Никитяев, сумевший на домашнем «железе» решить эту труднейшую задачу и, не зная новогреческого языка, воссоздать то, что когда-то было видно и невооруженным глазом. Итогом стало многократное приращение читаемости рукописи Марселя Наджари и ее второе введение в научный оборот⁴⁶⁴.

Из 12 листов исходных сканов 4, или каждый третий, были прочитаны вообще впервые – прирост на 100 %! Объем прочитанного текста увеличился втрое, а общая доля прочитанного – сугубо оценочно и чисто визуально – от 10–15 % возросла до 80–90 % совокупного текста. Весьма вероятно, что новое профессиональное сканирование этих страниц и привлечение специальной техники сможет повысить эту долю до 95 %.

Они позволили не только впервые уточнить текст и содержание этого одного из центральных документов Холокоста (а все тексты членов зондеркоммандо именно таковы!), но и попробовать увязать его со вторым, 1947 года, текстом Наджари. Благодаря этому мы полу-

⁴⁶² Этим нюансам в значительной степени посвящена крайне интересная книга П. Шера и Д. Вильямса (*Char, Williams*. 2016).

⁴⁶³ *Char, Williams*. 2016. Р.39.

⁴⁶⁴ См. подробнее нашу лекцию: П. Полян, А. Никитяев. Прочесть непрочитанное! Как и что открылось в рукописи Марселя Наджари, члена еврейской зондеркоммандо из Аушвица-Биркенау? / Лекция премии «Просветитель» в Еврейском музее и Центре толерантности. 2016. 21 июня. В сети: https://www.youtube.com/watch?v=xw30onmwJ_E

чаем новое, куда более глубокое представление как о самом авторе, так и о судьбе греческих евреев в Холокосте на территории Греции (уцелел лишь каждый седьмой!) и их роли в жизни и смерти еврейского зондеркоммандо в Аушвице-Биркенау.

Проступил не только текст – прояснилась внутренняя композиция документа. Он начинается и завершается обращениями к будущему находчику – с просьбой передать находку в греческое посольство или консульство: оттого и фрагменты, написанные по-немецки, по-польски и по-французски. Две страницы занимает короткий рассказ о пережитом Наджари в самой Греции (чему посвящена половина книги 1947 года), а все остальное – рассказ о зондеркоммандо в Биркенау.

История публикации и переводов текстов членов «зондеркоммандо»

История первых публикаций «свитков из пепла» из Биркенау содержит как минимум два отчетливых начальных этапа. Первый (условно говоря, польский) – растянувшийся на два десятка лет, с середины 1950-х и до середины 1970-х гг. и вобравший в себя большинство текстов членов «зондеркоммандо», выходивших в Польше на идише или на польском языке, а также в переводах на другие языки, выполненных с польского перевода.

Второй этап (условно израильский) охватил период с середины 1970-х до конца 1980-х гг. и добавил в разряд опубликованного «В сердцевины ада» Градовского и внес ряд существенных корректур к опубликованному на первом этапе. Центральным изданием этого этапа стала книга Б. Марка «Свитки Аушвица», так же переведенная на многие языки.

Третий этап, начавшийся в начале 1990-х и продолжающийся до сих пор, – принципиально международный, без какой бы то ни было страны-лидера или центрального издания. Он характеризуется исправлением текстологических дефектов, порожденных на первом этапе, по крайней мере в русскоязычных изданиях, а также значительным усилением научного аппарата публикаций за счет использования в нем новых сведений, обнародованных в 1990–2000-е гг. прежде всего Г. Грайфом и А. Килианом.

Все началось с публикации в 1954 году в «Бюллетене Еврейского исторического института» текста рукописи «неизвестного автора», впоследствии идентифицированного Б. Марком и Э. Марк как Лейб Лангфус.

Самые первые публикации, как правило, выходили на польском языке. Исключениями стали только тексты З. Градовского, впервые (1977) напечатанные на идише – в Польше («Письмо из ада» – фрагментарно) и Израил «В сердцевины ада»).

Примечательно, что первые переводы – гораздо старше первоизданий: это переводы З. Градовского на русский язык, сделанные Я. Гордоном 1945, М. Карпом в 1948(?) и Миневич в 1962 гг.

Спецвыпуск «Освенцимских тетрадей», составленный из рукописей членов «зондеркоммандо» в переводе на польский язык, стал их первой сводкой (1971). К сожалению, дефекты перевода рукописей (например, Градовского) при этом не были исправлены. Затем последовали сводные переводы книги с польского на немецкий (1972) и английский (1973) языки. К сожалению, навязанные цензурой дефекты польской публикации перекочевали и в эти переводные, но опубликованные в Польше книги.

В 1975 году воспоследовало новое, несколько расширенное⁴⁶⁵, сводное издание на польском языке, а в 1996 году – оно же, но на немецком языке (в обоих случаях атрибуции Б. Марком и Э. Марк авторства Л. Лангфуса в тексте, печатавшемся как «рукопись неизвест-

⁴⁶⁵ За счет комментария З. Левенталю к рукописи из Лодзи.

ного автора», не были учтены). Издание 1996 года легло в основу целого ряда других изданий, например, итальянского 1999 года⁴⁶⁶.

Публикации рукописей, найденных в биркенау

Языки переводов тексты	Тексты, написанные и найденные в Биркенау								
	ЗГ-1	ЗГ-2	ЗГ-3	ЗЛ-1	ЗЛ-2	ЛЛ-1	ЛЛ-2	ХГ	МН
Английский	1973	1985	1973	1973**			1973*	1973	1991
	1985		1999	1985			1985		
	1999	1973							
Голландский	2008	2008	2008						
Греческий									1982
Иврит	1978	1978	1978		1988		1954*	1986	
	2012	2	1988						
	1978								
Идиш	1977	1977	1962	1977	1977		1977		
			1977						
Испанский	1997	1997	1997	1997					
Итальянский	1999	1999	1999	1999	1999	1999	1999*	1999	1999
	2002	2002	2002						
Немецкий	1972	1999	1972	1972**	1967	1973*	1962*	1972	1996
	1996		1996		1995	1996	1979*	1996	
					1996		1996*		
Польский		1969	1969	1968**	1965	1954*	1965	1971	1975
		1971	1971	1971**	1971	1971*	1971	1975	
		1975	1975	1975**	1975	1975*			
Русский	2005	2008	2008			2012	2012	2012	2012
	2008	2009	2010						
	2010	2010	2011						
	2011	2011							
Французский	1982	1982	1982						
	2005	2001	2005	1982	2005	2005	2005**		
		2005							
Чешский		1994							

Сокращения: ЗГ – Залман Градовский (1 – <Дорога в ад>, 2 – «В сердцевине ада», 3 – <Письмо из ада>), ЛЛ – Лейб Лангфус (1 – «Выселение», 2 – «В содрогании от злодейства»), ЗЛ – Залман Левенталь (1 – <Заметки>, 2 – <Комментарий к «Лодзинской рукописи»>), МН – Марсель Наджари, ХГ – Хаим Герман.

Примечания: *Публикации, где Лангфус фигурирует как «неизвестный автор» или как «Лейб»; **Публикации, где тексты Лангфуса вышли под именем З. Левенталья.

⁴⁶⁶ Забавно, что, в отличие от своего «источника», оно даже не упоминает ВММ как местонахождение одного из текстов!

Все эти издания в полной мере несут на себе родовой отпечаток польской цензуры 1950-х и особенно 1960-х гг. Тщательная сверка различных вариантов собственно польской версии текстов еще никем не сделана, но уже сличение польского корпуса с публикуемым здесь российским – свободным от цензуры, но зависимым от влияния сырости земной – отчетливо выявило основные параметры идеологической озабоченности варшавского (а через нее – и московского) руководства. А стало быть – и разницы текстов⁴⁶⁷. Понятными становятся и те «приемы», к которым прибегал цензор, дабы по возможности придать своей работе характер благообразия или хотя бы наукообразия.

Как таковой Холокост в подсоветской Польше (и в этом ее отличие от самого СССР) не замалчивался и не релятивировался – он происходил на глазах буквально у всех. Поэтому проклятия немецким палачам не убирались, и ножницы пускались в ход только тогда, когда объектом резких высказываний становились или сами поляки как обобщенное целое, или союзные державы, в число которых входил и СССР. Такие высказывания встречаются только у двоих авторов – у Залмана Градовского и у Залмана Левенталя, причем у Градовского – в оба адреса.

Так, в первой – газетной – публикации крошечного «Письма из ада» Градовского цензура сделала две ощутимые купюры. Первая: *«Эта записная книжка, как и другие, лежала в ямах и напиталась кровью иногда не полностью сгоревших костей и кусков мяса. Запах можно сразу узнать»*. И вторая: *«Несмотря на хорошие известия, которые прорываются к нам, мы видим, что мир дает варварам возможность широкой рукой уничтожить и вырвать с корнем остатки еврейского народа. Складывается впечатление, что союзные государства, победители мира, косвенно довольны нашей страшной участью. Перед нашими глазами погибают теперь десятки тысяч евреев из Чехии и Словакии. Евреи эти, наверное, могли бы дожидаться свободы. Где только приближается опасность для варваров, что они должны будут уйти, там они забирают остатки еще оставшихся и привозят их в Биркенау-Аушвиц или Штутгоф около Данцига – по сведениям от людей, которые так же оттуда прибывают к нам»*.

Похоже, что в первом случае пуриста-цензора смутил грубый физиологизм фразы, а во втором – опасение, а не слишком ли это обидно для «союзников», среди которых и Советский Союз. При перепечатке этого текста в книжной версии первая купюра восстановлена, а из второй оставлена одна-единственная фраза, выделенная здесь полужирным курсивом. Значит, цензор и его начальство уже твердо уверились в том, что оригинальная фраза уж точно – или все еще – обидна.

Вторую политическую купюру из Градовского ни за что не найти – ее просто-напросто нет! Читателя, прежде всего польского, бережно избавили от неприятности вчитываться в следующую – и, как назло, физически хорошо сохранившуюся – «напраслину»:

«Есть три момента, облегчившие Дьяволу его задачу – триумфальное уничтожение нашего народа. Один момент общий и два частных. Общее соображение заключается в том, что мы жили среди поляков, которые в большинстве своем были буквально зоологическими антисемитами. Они только радовались, когда смотрели, как Дьявол, едва войдя в их страну, обратил свою жестокость против нас. С притворным сожалением на лице, но с радостью в сердце они выслушивали ужасные душераздирающие сообщения о новых жертвах – сотнях тысяч людей, с которыми самым жестоким образом расправился враг. Возможно, они радовались тому, что народ разбойников пришел и сделал за них работу, к которой они сами еще не способны, поскольку в них все еще есть зерно человеческой морали. Единственным, чего они определенно – и не зря – боялись, было соображение, что когда борьба с евреями закончится, когда то, что они своей жестокостью и своим варварством начертали на щите, обессмыслится, чудовищу придется искать свежую жертву, чтобы утолить свои звериные

⁴⁶⁷ Благодарю М. Чайку за помощь.

инстинкты. Они действительно боялись, и проявления этого страха были заметны. Огромное множество евреев пыталось смешаться с деревенским или городским польским населением, но всюду им отвечали страшным отказом: нет. Всюду беглецов встречали закрытые двери. Везде перед ними вырастала железная стена, они – евреи – оставались одни под открытым небом, – и враг легко мог поймать их. Ты спрашиваешь, почему евреи не подняли восстания.

И знаешь почему? Потому что они не доверяли соседям, которые предали бы их при первой возможности. Не было никого, кто бы мог оказать серьезную помощь, а в решительные моменты – взять на себя ответственность за восстание, за борьбу. Страх попасть прямо в руки врага ослаблял волю к борьбе и лишил евреев мужества».

Как же вышел из положения польский цензор?

Весьма элегантно – с помощью купюры и следующей сноски: «В первой части рукописи автор описывает переселение из гетто в Колбасинском лагере и панический настрой евреев, погруженных в вагоны, везущих их в концлагерь Аушвиц».

И все! Даже знак купюры проставлен!⁴⁶⁸ Кто же возразит против целенаправленного и концентрированного внимания на главном – на том, что происходило с евреями именно в Аушвице?!..

Однако применительно к Лангфусу и Левенталю, так же описывающим в начале своих текстов жизнь в своих гетто и атмосферу транспортировки в Аушвиц, аналогичной «редактуры» почему-то не применено.

Два фрагмента отцензурировано у Левенталю. Оба – «антипольские».

Первый: «Полный [...] сам и [...] лучше умереть [...] который [...] смерть [...] это рисковать [...] так говорит каждый, но поляки [...] или можно [...] для тех снаружи, но мы [...] достаточно позволили использовать себя [...] популярность [...] выбираться из тёмного ада и поэтому отплатить полным антисемитизмом, который мы чувствовали на каждом шагу. Вот, например, с ними уже ушли многие десятки людей и только ни один не хотел взять с собой еврея! [...] время [...] со многими людьми [...] глупыми надуманными отговорками [...] а мы, евреи, идём и погибаем, от нас от [...] ни один из нас [...]».

И второй: «История Ойшвица, Биркенау как рабочего лагеря вообще, и как места уничтожения миллионов людей, в частности, я думаю, будет очень мало передана миру. Немного через штатских людей, и я думаю, что мир уже знает сейчас об этих ужасах. Остальные, может быть, кто ещё из поляков останется в живых благодаря какой бы то ни было случайности, или из лагерной элиты, которые занимают лучшие плацувки и ответственные [...] может быть, благодаря им, в любом случае ответственность уже не так велика. По сравнению с процессом уничтожения в Биркенау поляков как и евреев [...] те, которые уже находились в лагере [...] видели, как все они погибли планомерно, сотни тысяч по приказу [...] исполнение [...] собственными братьями, арестантами [...] были предупреждены на работе капо и бригадирами теперь [...] которые [...] живут [...]»

Точкой отсчета «израильского» эдиционного этапа стал 1977 и 1978 гг., когда – практически одновременно – на идише вышли книга З. Градовского, подготовленная Х. Волнерманом, и книга Б. Марка «Свитки Аушвица» – как на идише, так и на иврите. Этот этап также породил волну переводов, причем перевод на иврит вышел в том же 1978 году; в 1982 году последовало французское издание, в 1985 – английское и в 1997 – испанское.

Отметим выход в 1982 и 1991 гг. публикаций записок М. Наджари и его воспоминаний на греческом языке.

Важную роль сыграло и переиздание в 1996 году сборной книги текстов «зондеркоммандовцев» на немецком языке. В 1999 году оно было переведено с немецкого на итальянский,

⁴⁶⁸ В купюре из «Письма из ада» аналогичный знак отсутствует.

выпустив еще один росток распространения текстов, испорченных польской цензурой в 1960-е гг.

Индивидуальные («авторские») книги выходили между тем у одного Градовского. Начиная с 1977 года вышло уже восемь таких книг: в 1988 году – издание его «Записок» на иврите, в 2001 – весь его корпус на французском, в 2002 – на итальянском, в 2008 – на голландском, в 2010–2011 – на русском и в 2012 – снова на иврите⁴⁶⁹. Переводчик на иврит – Авихай Цур – заново перевел всю рукопись «В сердцевине ада» с идишского оригинала, при этом обнаружилось, что во всех предыдущих изданиях, сделанных с оригинала, – и в ивритском издании 1978 года, и в российских изданиях 2013 и 2015 гг. – выпущен небольшой фрагмент – заключительная главка «В раздевалке».⁴⁷⁰

Русский же язык оказался последним, на который стали переводить тексты Градовского и других членов «зондеркоммандо». Но и первым, перевод на который сознательно осуществлялся заново и, по возможности, с оригиналов!

Первые публикации Градовского на русском языке (и поначалу только «Письмо потомкам»!) состоялись в январе – марте 2005 года, в связи с 50-летием освобождения Освенцима. До этого ни одной строчки на русском языке не появлялось⁴⁷¹, да и само имя Градовского в то время оставалось практически неизвестным даже лучшим специалистам.

Впрочем, Михаил Забочень, автор едва ли не первой русскоязычной публикации об Аушвице («Антифашистское подполье Освенцима»), вышедшей в марте 1965 года, все же упоминает Градовского. Но для него это имя одного из героически погибших руководителей восстания, но вовсе не имя автора записок, столь существенных в контексте и его темы и уже анонсированных в 1962 году к изданию в братской Польше⁴⁷².

Первое критическое и, стало быть, свободное от цензурного влияния издание корпуса текстов З. Градовского на русском языке увидело свет в 2008 году – в трех номерах (с июля по сентябрь) выходящего в Санкт-Петербурге журнала «Звезда»⁴⁷³. Книжным дебютом Градовского на русском языке стало выпущенное в мае 2010 года первое издание книги «Посредине ада», вобравшее в себя лишь часть подготовленного составителем научного аппарата. К 27 января 2011 года увидело свет и второе издание книги Градовского, уже снабженное и этим аппаратом.

В 2012–2013 гг. в русскоязычной периодике выходили публикации текстов и других членов «зондеркоммандо», в частности Лейба Лангфуса – в «Новом мире» («В содрогании от злодейства») и «Дилетант» («Выселение»), Залмана Левенталя – в «Ab Imperio», Хайма Германа и Марселя Наджари – в «Еврейском слове» и, наконец, Аврома Левите – в «Московских новостях»⁴⁷⁴.

В 2013 году в ростовском издательстве «Феникс», в рамках основанной мной серии «Свитки из пепла: документы о Катастрофе», поддержанной Российским Еврейским конгрессом, вышла моя книга «Свитки из пепла: Еврейская «зондеркоммандо» в Аушвице-Биркенау и ее летописцы. Рукописи, найденные в пепле у печей Освенцима (З. Градовский, Л. Лангфус,

⁴⁶⁹ (Иврит) Gradovski Z. Be-lev ha-Gehenom: yomano shel asir u-mimanhigey mered ha-zonderkomando be-Oshwits [В сердце геенны. Дневник узника – одного из руководителей восстания зондеркоммандо в Аушвице] / Сост. и послесл. Г. Грайфа. Пер. с идиша, 2-е предисл. и 2-е послесл.: А.Цур. Другие предисловия: Й. Волнерман, Х. Волнерман и Д. Сфард. Тель-Авив: Йедиот ахронот, 2012. 367 с.

⁴⁷⁰ В настоящем издании это упущение исправлено. При этом переписчик (т. е. Х. Волнерман) явно считал его концовкой сводного текста: текст заканчивается посередине страницы, после последней строчки прочерчена линия, явно указывающая на завершение.

⁴⁷¹ Единственное исключение – небольшой фрагмент об уничтожении семейного лагеря (Макарова, Макаров и др., 2003. С. 220–221).

⁴⁷² Забочень, 1965. С. 122.

⁴⁷³ В том же году и тот же корпус впервые вышел в книжной версии и впервые на голландском языке.

⁴⁷⁴ См. Приложение 4.

Л. Левенталь, Х. Герман, М. Наджари, А. Левите)» – первое сводное издание текстов членов зондеркоммандо на русском языке. Издание получило полтора десятка откликов⁴⁷⁵, попало в число 25 лучших книг года (во версии «НГ-Ex libris») и стало финалистом премии «Просветитель» за 2014 год.

В 2015 году с незначительными уточнениями книга была переиздана в издательстве «АСТ» под заглавием «Свитки из пепла: жертвы и палачи Освенцима»⁴⁷⁶.

Настоящее издание – по сути третье, только про него уже не скажешь, что перемены в нем незначительны. Во-первых, в него впервые включен небольшой фрагмент «В раздевалке» – концовка текста З. Градовского «В сердце ада», а главное – в нем впервые в русском книжном формате приводится почти полный текст рукописи М. Наджари, впервые и сенсационно расшифрованный А. Никитяевым с помощью методов микроспектральной съемки⁴⁷⁷.

⁴⁷⁵ Рец.: 1) Пять книг недели // НГ-Exlibris. 2013. 14 ноября. С. 1. В сети: http://www.ng.ru/fve/2013-11-14/1_5books.html; 2) Давыдов Д. Чернорабочие смерти // КО. 2014. № 1-2. С.14; 3) Домбровский Ю. И в конце тоже было слово... О книге Павла Поляна «Свитки из пепла. Еврейская зондеркоммандо в Аушвице-Биркенау и ее летописцы» // НГ. 2014. № 8.27 января. С.22. В сети: <http://www.novayagazeta.ru/issues/2014/2137.html>; 4) Векслер Ю. Заговоривший пепел. Зондеркоммандо в лагере смерти // Радио Свобода. Культурный дневник / Книжный шкаф. 2014. 22 февраля. В сети: <http://www.svoboda.org/content/article/25264129.html>; 5) Векслер Ю. // ЕГ. 2014. № 4. С.21; 6) Литература в Освенциме и после Освенцима: Анна Шмаина-Великанова о книге записок и свидетельств членов зондеркомманды лагеря Аушвиц-Биркенау / Записала Е. Рыбакова // <http://www.colta.ru/articles/literature/3114>; 7) Шмаина-Великанова А. Молчанию вопреки. Предательства и героизма в лагерях смерти // НГ-Exlibris. 2014.28 августа. С.??; 8) Румер М. В скрытом от божьего слуха погребке. Заметки о «свитках из пепла» // Еврейская панорама (Берлин). 2014. № 1 (июнь). С.44; 9) Румер-Зараев М. В скрытом от божьего слуха погребке. Заметки о «свитках из пепла» // НЗ. 2014. № 3. С. 279–284. В сети: <http://magazines.russ.ru/nz/2014/3/24k.html>; 10) Дейниченко П. Механизмы уничтожения. Записки с той стороны бытия // GEO. 2014. № 6. С. 140. В сети: <http://www.geo.ru/geo-rekomenduet/svitki-iz-pepla>; Объявлен лонг-лист премии «Просветитель» сезона 2014 // <http://premiaprosvetitel.ru/news/view/?221>; 11) Книга о еврейской «зондеркоммандо» стала финалистом премии «Просветитель»-2014. В сети: <http://lenta.ru/news/2014/09/23/premiaprosvetitel/>; Минкультпросвет. Сегодня в Москве объявили шортлист финалистов премии «Просветитель». В сети: <http://www.svoboda.org/content/article/26601720.html>; 12) Огнёв А. Конец света и край мира // Троицкий вариант. 2014. № 168. 2 декабря. С. 6–7. В сети: <http://trv-science.ru/2014/12/02/koniec-sveta-i-kraj-mira/>; 13) Автограф. Свитки из пепла. Еврейская «Зондеркоммандо» в Аушвице-Биркенау и ее летописцы / Интервью с Ю. Полевой // Постнаука. 2014. 22 октября. В сети: <http://postnauka.ru/talks/34940>; 14) «Зондеркоммандо». Какую роль зондеркомманды играли в концлагере Аушвиц-Биркенау? (Видео). В сети: <http://postnauka.ru/video/40268>; 15) Kaiser P. Sehepunkte. 2015.Nr.1. В сети: <http://www.sehepunkte.de/2015/01/26201.html>

⁴⁷⁶ Отклики: Давидзон М. Павел Полян, историк Холокоста. Послание из вечности // Окна. 2016. 11 августа. С.25.

⁴⁷⁷ Полян П. Свитки из пепла. Что открылось в рукописи Марселя Наджари, члена еврейской зондеркомманды из Аушвица-Биркенау? // Новая газета. 2017. 6 октября. С. 14–15. В сети: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/10/06/74089-svitki-iz-pepla>; Polian P. Das Ungelesene lesen. Die Erschließung der Aufzeichnungen von Marcel Nadjari, Mitglied des jüdischen Sonderkommandos von Auschwitz-Birkenau [Прочсть непрочитанное: к реконструкции рукописи Марселя Наджари, члена еврейской зондеркомманды в Аушвице-Биркенау] / Übersetzung des Dokuments aus dem Neugriechischen von Niels Kadritzke // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte (München). 2017. Nr. 4. S.599-620. Приложение на сайте: http://www.ifz-muenchen.de/fleadmin/user_upload/Vierteljahreshefte/Beilagen/Polian_Dokumentation_final.pdf В сети: <https://www.degruyter.com/view/j/vfzg.2017.65.issue-4/vfzg-2017-0033/vfzg-2017-0033.xml> Echo: K. Wegrefe. Ein halbes Okka Asche // Spiegel. 2017. Nr. 40. S.51; C.Staas. „An meinen Lieben“; „Die Zeit arbeitet gegen uns“. Der russischer Historiker Pavel Polian, der Nadjaris Aufzeichnungen ediert hat, über die Rekonstruktion zentraler Zeugnisse des Holocausts. Die Fragen stellte C. Staas // Die Zeit. 2017. Nr.45. 2. November 2017. S.19; 3) Laurence P. Aushwitz inmat's notes from hell finally revealed // BBC-News. 2017. 1 December. В сети: <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-42144186>; 4) Прочее «эхо»: <http://www.ifz-muenchen.de/vierteljahrshefte/aktuelles/artikel datum/2017/10/17/auschwitz-dokumentation-erregt-internationales-aufsehen/> 3) Полян П. Прожить непрожитое и прочсть непрочитанное: Марсель Наджари и его рукописи // Лехайм. 2018. № 2. С. 37–43; 4) Полян П. Прожить непрожитое: жизнь и судьба Марселя Наджари; Прочсть непрочитанное: фрагменты из рукописи // Еврейская панорама. 2018. № 2. С. 44–45; 5-6) Видеолекции: Полян П., Никитяев А. Прочсть непрочитанное! Как и что открылось в рукописи Марселя Наджари, члена еврейской зондеркоммандо из Аушвица-Биркенау? (совместно с А. Никитяевым) // Еврейский музей и центр толерантности. Лекция премии «Просветитель». 2016. 21 июня. В сети: а) https://www.youtube.com/watch?v=xw30onmwJ_E; б) То же, с англ. субтитрами: <https://www.youtube.com/watch?v=q5B7fGdzi5A>.

Летописцы и их тексты

Залман Градовский: в сердцевине ада

И в конце тоже было слово...

*...Последние евреи догорали.
Сияло небо, словно высший Зритель
Хотел полюбоваться на Конец.*

И. Каценельсон. «Сказание об истребленном народе»

Холокост нельзя рассматривать <...> как большой погром, как случай, когда история в своем движении поскользнулась. Никуда не деться, приходится рассматривать Освенцим как конечную станцию, на которую Европа прибыла после двух тысячелетий построения этической и моральной культуры...

И. Кертес. «Из Нобелевской речи»

1

Залман (Залмен⁴⁷⁸) Градовский родился в 1908 или в 1909 году в польском городе Сувалки недалеко от Белостока. Его отец, Шмуэл Градовски, владелец магазина одежды на улице Лудна, обладал очень хорошим голосом и служил кантором главной городской синагоги, а также учителем талмуда. Мать, Сорэ, – скромная, гостеприимная женщина. Ее дед, раввин Авром-Эйвер Йоффе, был выдающимся знатоком и толкователем Закона (гаона) и почтенным талмудистом, автором книги «Махазе Авраам» («Видение Авраама»), а отец – Иегуда Лейб – автором другого толкования: «Эвен Лев» («Камень сердца»)⁴⁷⁹.

Все три сына – Залман (Хаим-Залман), Авром-Эйвер и Мойше – учились в ломжинской ешиве⁴⁸⁰. Двое старших занимались общественной работой – они были лидерами в молодежных организациях (в частности в союзе *Слава юношей Сувалок*). Залман также участвовал в объединении, которое снабжало кошерной едой еврейских солдат польской армии, служивших в Сувалках. Он получил еврейское и общее образование, знал европейские языки, в частности немецкий и русский, и европейскую литературу, много читал, особенно на идише⁴⁸¹ и по-

⁴⁷⁸ Фонетически правильное Залмен, но в русской традиции общепринятым является Залман. Полное имя Градовского, по сообщению Й. Эйбшица, было двойным – Хаим-Залман (Yizkor-Book Suwalk. Kahan. N Y, 1961. P. 369).

⁴⁷⁹ Обе книги были в Вильно в 1900 г. См.: Yofe A. Makhaze Avraham. Wilno, 1900; Yofe, E. Even Lev. Wilno, 1900. В 1962 году в Нью-Йорке вышли репринтные переиздания обеих книг, подготовленные шурином З. Градовского. См.: <http://www.hebrewbooks.org/14761>, <http://www.hebrewbooks.org/14760>

⁴⁸⁰ Фреймарк, родом тоже из Сувалок, даже называет всех троих братьев (и, вероятно, не вполне незаслуженно) раввинами (YVA. 03-2270).

⁴⁸¹ В частности, на белорусско-литовском его диалекте (Полян А, 2011. С. 10).

польски⁴⁸². В «лагерной» части его текстов немало немецких заимствований – как в лексике, так и в синтаксисе⁴⁸³.

У Градовского была явная склонность к писательству. Он обладал волевым и амбициозным характером, был физически силен и в то же время сентиментален.

Незадолго до начала Второй мировой войны Градовский женился на Соне Апфельгольд⁴⁸⁴, портновской дочке из местечка Лунна под Гродно, с которой случайно познакомился в Лососно около Гродно. На фотографии, сделанной, видимо, вскоре после свадьбы, у обоих (но особенно у Залмана) нежное выражение лица, какое бывает только у молодоженов, еще не познавших ни счастья, ни морщин родительских чувств, но уже полностью к ним приготовившихся. Соня хорошо пела, и ее глубокий грудной голос, украшавший молитву, совершенно созрел и для колыбельных.

Когда разразилась война и Сувалки оказались под угрозой немецкой оккупации, супругам уже было не до детей. Они сочли за благо стать беженцами и перебраться к свекру – в Лунну, сулившую им безопасность. Ведь местечко находилось в 40 км к юго-востоку от Гродно и было не под немцами, а под Советами.

Лунна расположилось на удивление живописно – на берегу Немана и в окружении лесов. Оно как бы срослось в одно целое с другим местечком – Воля, отчего их иногда и воспринимали и называли как синонимы, а иногда и объединяли топонимически (Лунна-Воля)⁴⁸⁵. Славились местечко своими сапожниками и портными, да еще частыми пожарами. Событиями всемирно-исторического значения летопись Лунны не перегружена: в 1812 году через нее на восток прошла армия Наполеона, а в Гражданскую войну веком позже здесь короткое время стоял со штабом Лев Троцкий.

Перед войной в Лунне насчитывалось около двух тысяч жителей, большинство – около трехсот семей – евреи. В целом местечко было из бедных, но Апфельгольды были одними из самых зажиточных: тестю Градовского, портному по основной профессии, принадлежали продуктовый магазин и лавка канцелярских товаров.

Сам Градовский работал здесь конторским служащим, но, ощущая в себе и литературное призвание, и тоску по Земле Обетованной, писал возвышенные статьи о своей любви к Сиону. Его зять – писатель-коммунист Довид Сфард⁴⁸⁶ (кстати, единственный из всей семьи, кто, подавшись в Москву, уцелел!⁴⁸⁷) – вспоминал позднее об идеологических спорах с Градовским и о его первых литературных опытах, которые тот приносил ему на суд⁴⁸⁸.

⁴⁸² И. Выгодский в предисловии к первому изданию «В сердце ада» на идише, вышедшем в 1977 г. в Иерусалиме, усматривал в текстах Градовского следы подчеркнутой экспрессивности и стилистической близости с произведениями популярного польского писателя и журналиста начала XX века Стефана Жеромского (1864–1925).

⁴⁸³ А. Полян обратила внимание на то, что «... в текстах Градовского отразилось и особое словоупотребление, сложившееся в среде узников. Говоря об отношении лагерного начальства к заключенным, Градовский избегает по отношению к узникам слова «человек», называет их только “номер” или “хефтинг”. Барак может называться словами “барак”, “блок” и “кейвер” – “могила”» (Полян А., 2011. С. 10–11).

⁴⁸⁴ Д. Сфард в предисловии к первому изданию «В сердце ада» на идише называет фамилию Злотеяблко (Zlotejablko), что является польской калькой с фамилии Апфельгольд. По сведениям Д. Грайфа, Соня Апфельгольд родилась в Макове-Мазовецком (Greif, 1999. P. 277–278).

⁴⁸⁵ Этимологически Лунна – слово балтского происхождения, означающее «трясина, низинная местность»; в русском языке не склоняется (в польском склоняется). В настоящее время здесь проживает около 1000 человек, среди них ни одного еврея. О евреях напоминают только фрагменты кладбища, в 2000-е гг. приведенные в порядок американскими волонтерами, да памятный знак, установленный в начале 2006 г.: «Вечная память 1459 жителям местечка Луно, безвинно убитых в годы Великой Отечественной войны». Надпись и на идише, так что о еврейском происхождении этих жителей догадаться нетрудно, но прямого указания на это в тексте надписи, как и в старые советские времена, все же нет (см.: Новый час. Минск, 2007, № 4; см. также созданный Р. Маркус сайт: *Было когда-то местечко под названием Луно*: www.shtetlinks.jewishgen.org/lunna).

⁴⁸⁶ Довид Сфард родился в 1903 или в 1905 г. на Волыни. После советской аннексии Восточной Польши переехал в Москву, где работал в кругах, близких к Коминтерну. После войны вернулся в Польшу, а в 1969 г. переехал в Израиль, где сотрудничал с Яд Вашемом. Умер в Иерусалиме в 1981 г. (см.: *Nalewajko-Kulikow*, 2006).

⁴⁸⁷ Помимо тех, кого убили в Аушвице, в семье Градовского погибли также: Циля, жена Д. Сфарда (вместе с сестрой

Палестина была давней мечтой Градовского, туда он стремился перебраться всей семьей. Один из его шуринов, Волф, уже было согласился, но другой шуринов, Сфард, все колебался и тянул с решением. На размышления он взял себе год, но никто и не подозревал, что этого года про запас ни у кого из них уже не будет...

В сентябре 1939 года на Польшу с двух сторон напали сразу оба заклятых соседа – Германия и Россия. Лунна располагалось восточнее линии Керзона и досталось Советам. Полтора года новая власть «воспитывала» польскую элиту, а заодно и миллион с лишним новообращенных евреев, но Залмана Градовского и его семьи эти репрессии не коснулись. К моменту нападения Германии на СССР ему было тридцать два или тридцать три года.

Граница была так близко, а немцы наступали так стремительно, что ни о какой эвакуации на восток и речи быть не могло. И, хотя все предчувствовали эту войну и ждали ее, но никто и подумать не мог, что Красная Армия сдаст Гродно так легко и так быстро. Тихо и без боя немцы вошли в город уже 23 июня, на второй день войны⁴⁸⁹!

Лунна-Воля была оккупирована 25 июня⁴⁹⁰, и в первый же день здесь было расстреляно несколько евреев по подозрению в связях с советской разведкой. В начале июля в Лунне был создан юденрат под председательством бывшего главы общины Якова Вельбея. Юденрат, по определению, был призван не столько защищать евреев, сколько быть инструментом оккупационной политики по отношению к ним. Эта политика заключалась в управлении жизнью евреев, в обеспечении немецких интересов рабочей силой, в получении различных сборов и контрибуций и только после этого – в их уничтожении. В числе членов юденрата был и Залман Градовский, он отвечал за санитарно-медицинские вопросы⁴⁹¹.

В сентябре 1941 года все евреи из Лунны-Воли были согнаны в гетто, располагавшееся в Воле⁴⁹². За все время существования гетто каких-то чрезвычайных событий в нем не произошло, очевидцы припоминают только убийство одного еврея-сумасшедшего и «ведерную повинность» – когда замерз водопровод, каждого еврея обязали принести по три ведра воды из Немана.

В окружной столице, в Гродно, было на порядок больше евреев и на порядок больше проблем. 29 июня в Гродно прибыла *Einsatzkommando* № 9 и сразу же принялась «за дело»: назавтра в городе уже был сколочен юденрат во главе с директором еврейской гимназии «Тарбут» Давидом Бравером. Давид Кловский⁴⁹³ писал, что поговаривали, будто бы Бравер и немецкий комендант Гродно⁴⁹⁴ – старые приятели, когда-то вместе учились в одном университете в Гер-

Градовского Фейгеле они в начале войны находились в гетто в Отвоцке, близ Варшавы, обе погибли в Трешлинке); отец Градовского Шмуэл (20 июня 1941 года он уехал в Литву повидать двух других своих сыновей – Аврома-Эйвера и Мойше), его схватили в Вильно (где немцы были уже 24 июня), а сыновей – в Шяуляе (26 июня). Их дальнейшая судьба неизвестна, хотя и очевидна.

⁴⁸⁸ Ни о каких публикациях его литературных опытов не известно.

⁴⁸⁹ Гродно сходу взял 8-й корпус 9-й армии и, не останавливаясь, пошел дальше. Территорию же заняла 403-я дивизия охранения тыла под командованием Вольфганга фон Дитфурта, установившая в городе полевую комендатуру № 815 (ВА-МА. РН.26-403). 30 июня 1941 года Гродно посетили Гейдрих и Гиммлер.

⁴⁹⁰ Розенблат Е.С., Еленская И.Э. Лунна // *Холокост на территории СССР*, 2009. С. 543. В литературе встречаются и другие даты (24 и 28 июня).

⁴⁹¹ См. свидетельство Э. Айзеншмита: www.shtetlinks.jewishgen.org/lunna

⁴⁹² В это же гетто были перемещены и евреи из близлежащего местечка Вольпа, сильно пострадавшего от июньских бомбардировок (см.: *Berachowicz-Kosowska*, 1948).

⁴⁹³ Кловский Даниил Давидович (1929, Гродно – 2004, Самара). Вместе с отцом он был депортирован сначала в Штуттоф, а затем в Аушвиц (№ 171819), был в Бухенвальде. После войны сумел поступить в Ленинградский электротехнический институт связи. Заведующий кафедрой теоретических основ радиотехники и связи Куйбышевского электротехнического института связи (ныне – Поволжская государственная академия телекоммуникаций и информатики), заслуженный деятель науки и техники РФ, профессор. Его книга «Дорога из Гродно» (Самара, 1994) в 2003 г. была переведена на английский язык.

⁴⁹⁴ В 1942 г. переименованного в Гартен.

мании и что, мол, благодаря этому гродненских евреев оккупационные власти первое время «не слишком притесняли»⁴⁹⁵.

Однако это «не слишком притесняли» могло быть только самоиронией⁴⁹⁶: *«Безвыходность, готовность снести любое унижение и обиду, это жизнь без собственного достоинства. Ходить – только по мостовой, только съездившись и только с желтыми звездами, нашитыми одна на груди, другая на спине. Они прожигали рубашку, они опаляли кожу, как жгучие клейма, как выставленные напоказ знаки <...> позора»*⁴⁹⁷. 12-летнему Кловскому стало даже казаться, что он стал меньше ростом.

Дóма, среди своих, – было последним местом, где еврей хотя бы немножечко (пусть и ненадолго) еще ощущал себя человеком. Но в конце октября 1941 года для многих наступила пора попрощаться и со своими жилищами: немцы выгородили в Гродно два гетто. Первое – отмеченное сторожевыми башнями по углам, располагалось в самом центре города, в пределах улиц Переца, Виленской, Найдуса и Замковой, а второе – на Скидельской и соседних с ней улицах⁴⁹⁸. Всего в Гродно перед войной жило около 30 тысяч евреев – цифра немалая, хотя и не идущая ни в какое сравнение с Белостоком, Лодзью, Люблином, Вильно или Варшавой. Около двадцати тысяч было приписано к первому и еще семь-восемь тысяч ко второму гетто.

Уже в начале июля 1941 года в Гродно расстреляли первые 80 евреев – по списку из наиболее авторитетных в городе⁴⁹⁹. В сущности, каждый прожитый в гетто день мог оказаться для любого еврея последним – по приказу коменданта, обершарфюрера СС Курта Визе, их вешали или расстреливали за малейшую провинность. Рассказывали, что он и сам любил поупражняться в стрельбе по движущимся живым мишеням с желтыми нашивками на груди⁵⁰⁰. А потом выяснилось, что точно так же вели себя и Отто Стреблев и Хинцлер – коменданты второго гродненского и третьего – Колбасинского – гетто⁵⁰¹.

Линия фронта удалялась от Лунны и Гродно так стремительно, что уже начиная с 1 августа они попали в зону гражданского управления, став частью правительственного округа Белосток (*Bezirk Bialystok*) под управлением гаулейтера Восточной Пруссии Э. Коха, то есть де-факто присоединенного к Рейху⁵⁰². Эта административная чехарда на протяжении более чем года служила проживавшим в округе евреям даже некоторой защитой: в то время как большинство восточно-польского, белорусского и украинского еврейства уже систематически расстреливалось айнзацгруппами СД – «бецирских» раскидали по гетто и долгое время почти «не трогали»⁵⁰³.

⁴⁹⁵ Начиная с сентября 1942 г. бургомистром (амтскомиссаром) Гродно был майор Георг Штайн. Гродненским уездным комиссаром был фон Плетц, а начальником гестапо и его заместителем – оберштурмфюрер СС Хайнц Эррелис и унтерштурмфюрер СС Эрих Рот.

⁴⁹⁶ Ср.: *«Безвыходность, готовность снести любое унижение и обиду, это жизнь без собственного достоинства. Ходить – только по тротуарам, только съездившись и только с желтыми звездами, нашитыми одна на груди, другая на спине. Они прожигали рубашку, они опаляли кожу, как жгучие клейма, как выставленные напоказ знаки <...> позора»* (Кловский, С. 26). Кловскому, например, даже стало казаться, что он стал меньше ростом.

⁴⁹⁷ Кловский, 1994. С. 26.

⁴⁹⁸ См.: Кловский, С. 30–31; Абкович, 2002. С. 10–22.

⁴⁹⁹ Пивоварчик С.М. Гродно // *Холокост на территории СССР*, 2009. С. 241–247. Впрочем, Гиммлеру, посетившему вместе с Гейдрихом Гродно именно в эти дни, такая малопродуктивная деятельность айнзацкоммандо показалась преступно «пассивной» (Klein, 1997. S. 321). И в самом деле пустяки – по сравнению с самим Белостоком, где Гиммлер побывал 9 июля и где было тогда расстреляно от 1200 до 3000 евреев-мужчин (Ogorreck, 1996. S. 122–123).

⁵⁰⁰ Одной из последних его жертв стал сам Д. Бравер (по другим сведениям, Бравер совершил самоубийство).

⁵⁰¹ Бежать из гетто было практически невозможно, но несколько побегов все же было. Если беглецов ловили, то кончалось все публичной казнью – расстрелом или повешением.

⁵⁰² *Führer-Erlasse*, 1997. S. 191–194 (№ 103, 106).

⁵⁰³ Впрочем, об относительности этого «почти» можно составить достаточное представление по статье Е.С. Розенблата и И.Э. Еленской о Белостокском округе (*Холокост на территории СССР*, 2009. С. 68–70).

Но в конце 1942 года добрались и до них. Между 2 ноября 1942 и началом марта 1943 гг. немцы проводили во всем Белостокском бецирке акцию *Judenrein*⁵⁰⁴ – одну из операций по зачистке оккупированной территории. Еврейское население из 116 городов и местечек этого бецирка сгонялось в пять крупных транзитных полугетто-полулагерей, располагавшихся в Белостоке (в казармах 10-го уланского полка польской армии), Замброве, Богуше, Волковыске и Колбасине⁵⁰⁵ – гродненском пригороде, что всего в нескольких километрах от Гродно по Белостокскому шоссе⁵⁰⁶. Всего через них прошло не менее 100 тысяч евреев, из них 30–35 тысяч – через Колбасино⁵⁰⁷.

У лагеря в Колбасино – своя предыстория. С 21 июля и по ноябрь 1941 здесь велось строительство – и одновременно эксплуатация – огромного (площадью около 50 га) лагеря для военнопленных⁵⁰⁸. Военнопленным поначалу было еще хуже, чем евреям: в лагере содержалось до 36 тысяч человек, половина погибла непосредственно в лагере. До сентября 1942 года этот огороженный колючей проволокой барачный лагерь функционировал как дулаг, то есть транзитный лагерь исключительно для военнопленных. Но затем, ненадолго, его превратили в так называемый лагерь для военнопленных и гражданского населения. А это означало, что сюда на короткие сроки в отдельные бараки загоняли и гражданских – перед тем как отправить их куда-нибудь на работы, а если обнаружатся среди них партизаны, евреи или окруженцы – то расстрелять.

Третьей сменой этого лагеря в ноябре 1942 года и стали евреи: здесь, в бывшем дулаге, разместилось одно из пяти областных «транзитных гетто». Евреи в таких гетто задерживались совсем ненадолго: по мере заполнения барачных и поступления вагонов их обитателей систематически отправляли в Аушвиц. Однако немцы и юденрат с его полицейскими деликатно называли это «эвакуацией» и говорили об отправке евреев на какие-то работы в Германию. Начальником лагеря был обершарфюрер СС Карол Хинцлер, сильный, атлетического сложения, человек. Как и у многих эсэсовцев в схожем положении, в его натуре постепенно брал верх садист: он лично избивал и убивал узников – безо всякой причины, просто так.

Первыми в Колбасин стали свозить евреев из окрестных местечек – Индура, Сопецкина, Скидлы и еще многих-многих других⁵⁰⁹. Понятно, что и евреям из чуть более отдаленной Лунны-Воли также было не миновать этой судьбы. 1549 евреев оттуда были депортированы в Колбасино 2 ноября 1942 года, среди них и Залман Градовский со своими домашними⁵¹⁰. Барак, в котором разместили их и еще три сотни человек, был наполовину вкопан в землю; в сущности, это была большая землянка. Окна забиты, и внутри всегда, даже днем, стоял полумрак. Теснота, смрад, грязь – и в то же время холод и земляничная сырость пробирали насквозь, отопления и электричества не было. «Сколько же людей здесь успело перебивать! – наверняка думал каждый, кто сюда попадал. – И где они – все те, кто тут был до нас?..»

И остальные условия жизни в Колбасине были соответствующими: так, единственный источник воды – ручной колодец – находился вне лагеря и почти ежедневно выходил из строя.

⁵⁰⁴ Букв.: «Без евреев» (нем.)

⁵⁰⁵ Другое встречающееся название – Лососно (по ближайшей к лагерю железнодорожной станции).

⁵⁰⁶ Указом президента Белоруссии от 24 апреля 2008 г. Колбасин и железнодорожная станция Лососно были включены в городскую черту Гродно (www.news.tut.by/society/107808).

⁵⁰⁷ Розенблат Е.С., Еленская И.Э. Округ Белосток // *Холокост на территории СССР*, 2009. С. 68–70.

⁵⁰⁸ Шталаг 324.

⁵⁰⁹ См.: *Лагерь советских военнопленных в Беларуси*, 2004. С. 123, со ссылками на: ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп.86. Д.34. Л.15–17; Д. 39. Л. 2–6; Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 845. Оп. 1. Д. 6. Л. 48–49, 54–55; Государственный архив Гродненской области. Ф.1029. Оп. 1. Д. 75. Л.2–33.

⁵¹⁰ См.: *Сильванович С.А., Сильванович И.Н.* Холокост в истории Лунно: Лунненская средняя школа им. Героя Советского Союза И. Шеремета, 2008. С. 8 (рукопись). По свидетельству Мордехая Цирульницкого, в тот же день в Колбасин пригнали и евреев из Острина (*Цирульницкий*, 1993. С. 452–453).

Впрочем, для питья эта вода все равно не годилась. Из еды – пайка 170 граммов почти несъедобного хлеба плюс пара картофелин на человека, через день – теплая тюря-суп.

В лагере появились и распространились болезни, люди заболели, быстро превращаясь в дистрофиков и доходяг. Для тифозных была устроена больница. В ней работал доктор Яков Гордон, его имя еще встретится в этом повествовании. Кладбище заменяла огромная открытая яма, куда сбрасывали трупы умерших, слегка пересыпанные известью.

Возможно, что в Колбасине, как и в Лунне, Градовский входил в состав санитарной команды⁵¹¹. В этом угрюмом лагере он и его близкие провели около месяца. Раз или два в неделю с близлежащей станции Лососно – той самой, где Градовский познакомился со своей женой, – уходили эшелоны с «эвакуированными». Места «эвакуации» предусмотрительно не назывались, особенно Треблинка, всем известная как место массового убийства евреев. Освенцим еще не был так известен.

Когда 5 декабря⁵¹² – на третий день Хануки – объявили о новой «эвакуации», жена Залмана Градовского, прекрасная певица, вдруг затянула *Maoz Zur* – песнопение, подобающее этому дню и призывающее к стойкости и непоколебимой надежде⁵¹³.

Охрана построила евреев из Лунны в колонну по пять и вывела за ворота Колбасино. На станции Лососно их погрузили в поджидавший поезд, и охрана вернулась в Колбасин, где уже ждали следующие⁵¹⁴. Сам Колбасинский лагерь закрыли 19 декабря, в нем к этому времени оставались только гродненские евреи числом самое большое на один эшелон – около 2000 человек. В основном все из «полезных евреев» – представителей профессий, потребных в местном хозяйстве, и членов их семей. Для слабосильных и больных даже подали подводы!⁵¹⁵

Эшелон с Градовским, проследовав через Белосток, подошел к Варшаве, но налево, в направлении Треблинки, не повернул. Треблинка была у всех на слуху, ее все боялись. Но радоваться было решительно нечему: миновав Катовице, поезд прибыл в Аушвиц. Произошло это 8 декабря 1942 года.

В Аушвице их «встречали». На рампе произошла заурядная в таких случаях селекция: 796 слабых и не пригодных к труду – женщины, старики и дети до 14 лет – составили две длинные шеренги слева (отдельно женщины с девочками и отдельно пожилые или слабые мужчины с мальчиками), а 231 человек – крепкие и здоровые мужчины – еще одну шеренгу, но покороче, справа⁵¹⁶.

Тех, кто оказался слева, затолкали, не церемонясь, в крытые брезентом грузовики, через четверть часа доставившие их в местность едва ли не идиллическую – внешне напоминавшую польский хуторок, только в окружении молодого леса.

После разгрузки всех заставили раздеться в легкой постройке и, дав по кусочку мыла, запустили в переоборудованную из крестьянского дома «баню».

⁵¹¹ См. свидетельство Э. Айзеншмидта (*Greif*. 1999. S. 236).

⁵¹² М. Цирульницкого и других евреев из Острина, прибывших в Колбасин в тот же день, что и Градовский, посадили в предыдущий эшелон, отошедший из Лососно 2 декабря.

⁵¹³ См. свидетельство Э. Айзеншмидта: *Greif*. 1999. S. 238.

⁵¹⁴ В конце ноября и начале декабря сюда стали поступать евреи и из самого Гродно: накануне отправки в Колбасин партию отобранных евреев обыкновенно собирали в синагоге, где и держали до утра. Оба городских гетто, по мере опустошения и опустения, ликвидировались: сначала второе (в ноябре 1942 года), а за ним и первое (в январе-марте 1943 года).

⁵¹⁵ Помимо Кловского, об этом же свидетельствует и Я.А. Гордон, сопровождавший эту необычную колонну как врач (см. ниже).

⁵¹⁶ Мужчины получили номера от 80764 до 80994 (*Czech*, 1989. S. 354). По воспоминаниям Э. Айзеншмидта, получившего первый из этих номеров, селекцию прошли 315 чел., одни мужчины, в том числе его отец и один из братьев (*Greif*, 1999. S. 240). Интересно, что Я.А. Гордон, получивший при регистрации номер 92627, сообщает не о трех, а о четырех селекционных шеренгах во время «обработки» эшелона, с которым он сам прибыл в Аушвиц 22 января 1943 г.: прошедшие селекцию трудоспособные мужчины и трудоспособные женщины составляли *две разные шеренги* (см. его показания от 17.05.1945 – *APMAV*. Dpr.-Hdl1. Process Höss. F.1a. S. 158–176).

А дальше мы можем только попытаться представить себе их мысли и чувства в эти последние мгновения. Взять то же мыло: это же замечательно, в Колбасине об этом можно было только помечтать! Правда, немного смущали двери бани, на удивление массивные и с небольшим круглым окошком посередине. Внутри было очень тесно, и все с недоумением смотрели наверх, на совершенно сухие краны, – воду все никак не пускали.

А когда невидимые им люди в противогазах вбросили сверху в «душевую» какие-то зеленоватые пористые кристаллы, жить им оставалось всего несколько минут, – правда, очень мучительных: «баня» на самом деле была газовой камерой.

Так погибли 796 евреев из колбасинского эшелона...

Среди них – мать, жена, две сестры, тесть и шурин Залмана Градовского!

2

...Отныне в живых из всей семьи оставался только он один – Залман Градовский, человек из правой шеренги⁵¹⁷. Крепкий и здоровый, он был нужен Рейху пока что живым.

Всю их шеренгу пешком отконвоировали в Биркенау, в гигантский новый лагерь, расположенный в нескольких километрах от старого. Там их ожидали «формальности»: регистрация в 20-м блоке (для чего всех отобранных на рампе заставили выстроиться по алфавиту) и получение номеров, затем – в так называемой «Сауне» – вытатуирование номеров на запястье⁵¹⁸, состригание волос, душ (настоящий!) и полная перемена одежды и обуви. И уже после этого – ночевка в холодном 9-м блоке.

На следующий день поздно вечером – еще одна селекция. Как оказалось, то был отбор в «зондеркоммандо»: из их партии взяли от 80 до 100 человек (а всего в новую «зондеркоммандо» – около 450 человек). Всех разместили во 2-м блоке⁵¹⁹ – вместе с остававшимися в живых старожилами «зондеркоммандо». И уже утром 10 декабря, то есть фактически без соблюдения трехнедельного карантина, конвоиры-эсэсовцы с собаками выводили «новеньких» на работу...⁵²⁰

Итак, не спрашивая на то его согласия, Градовскому и его новым товарищам «оказали доверие» и включили в обновленное «зондеркоммандо». Когда им показали их «рабочие места» и фронт работы, то надо ли говорить, каким потрясением для них стало одно только осознание кошмарной сути их новой «профессии»! Особенно угнетала каждого его собственная роль в процессе ассистирования убийству евреев – их пусть навязанное, но все же принятое и не отвергнутое пособничество этому процессу.

⁵¹⁷ По свидетельству Э. Айзеншмидта, в члены «зондеркоммандо», из числа их земляков из Лунны, кроме него и Градовского, попали также Нисан Левин, Кальман Фурман, Залман Рохлин и Берл Беккер. Общение в бараке, однако, не сводилось к принципу землячества. Вечерами велись долгие беседы втроем со Шлоймэ Де-Геллером, светловолосым адвокатом из Волковыска, и Лейбом Лангфусом, худощавым и длинным магидом из Макова, пытавшимся даже соблюдать кашрут. А на Пасху 1944 г. они даже пекли мацу, раздобыв муку на кухне у советских военнопленных (*Greif*, 1999. S. 276–277).

⁵¹⁸ Первыми опознавательной татуировке подверглись советские военнопленные еще осенью 1941 г.: номера накалывались им на правой стороне груди. Начиная с апреля 1942 г. эта же практика была распространена на узников не-евреев и евреев-мужчин, известны случаи с номерами, вытатуированными на шее. Начиная с 1943 г. татуировка была распространена на всех регистрируемых узников, кроме немцев (не-евреев): номера (а евреям и цыганам еще и буквы из их серий номеров – «А», «В» или «Z») накалывались на запястье на левой руке (сообщено А. Килианом).

⁵¹⁹ Имеются в виду блоки 9 и 2 сектора Б в Биркенау. Заметим, что внутрилагерный маршрут братьев Драгонов, прибывших на рампу одним днем раньше, чем Градовский, был другим: они попали сначала в карантинный барак № 25 сектора В, там состоялась вторая селекция, после чего братья попали в тот же блок 2, что и Градовский. Перевод «зондеркоммандо» в блоки 11 и 13 сектора Д состоялся позднее.

⁵²⁰ При этом почти сразу их разделили на две, видимо, неравные порции – «зондеркоммандо-1» и «зондеркоммандо-2» – в зависимости от того, на каком из двух так называемых Бункеров – 1 или 2 – им предстояло работать. В первой, куда попал и Э. Айзеншмидт, было 130–150 чел. Вместе с четырьмя евреями из Макова-Мазовецкого и еще одним он попал в шестерку грузчиков, которые закидывали трупы на большую вагонетку и катили ее к яме, где их предстояло сжечь. Вагонеток было шесть, и на каждой умещалось от 10 до 15 трупов. Самая страшная работа в этом конвейере, – одев противогазы, извлекать трупы из газовой камеры и подтаскивать их к вагонеткам, – досталась другой шестерке (см.: *Greif*, 1999. S. 240–245).

Оба эти кошмара – кошмар самого убийства и кошмар собственного пособничества ему⁵²¹ – непрестанно мучили и терзали Градовского. Пополнившись, в конечном счете, еще и мотивом личного малодушия⁵²², они стали основным моральным стержнем его существования и его повествования. Кажется, он был едва ли не первым из числа тех, кого впоследствии огульно будут считать и даже называть коллаборационистами, но кто сформулировал для себя эту умопомрачающую проблему и кто заговорил о ней сам. Этому посвящены, быть может, самые потрясающие строки в его записках.

Замаранный этой «работой», он истово мечтал или о самоубийстве, на которое не оказался способен, или о восстании, которое кровью смоет этот и все другие грехи – его собственные и всех остальных⁵²³.

Есть свидетельства, что всякий раз, когда «работа» была сделана и «зондеры» возвращались в свой барак, Градовский, как, наверное, и многие другие, мысленно творил кадиш по душам усопших, а если обстоятельства позволяли, то доставал из укрытия талес, закутывался в него, надевал тфилин и со слезами читал кадиш уже по-настоящему.

Позднее, когда сердце и мозг каждого зондеркомандовца уже покрылись столь же неизбежной, как и необходимой для выживания коростой каждодневности и рутинности происходящего, впечатлительность и сентиментальность оставались чертами его натуры. Об этом свидетельствует и младший земляк Градовского по Сувалкам 16-летний в 1942 году Яков Фреймарк. Весной 1962 года, когда в «Фольксштимме» вышли первые строки из записей Градовского, Фреймарк отозвался на них из Израиля и подробно описал их встречу⁵²⁴.

Сам он попал в Аушвиц в сентябре 1942 года, но не как еврей – заурядная жертва, а как уголовник, уважаемый нарушитель уважаемого немецкого порядка. И неважно, что преступление его заключалось исключительно в сокрытии своей истинной – еврейской – национальности (он имел наглость выдавать себя за поляка Янека Ганглевского): установленная в итоге его истинная еврейская идентичность весила меньше, нежели факт обслуживания немецкими судебной и тюремной системами. Газовые камеры были ему, немецкому уголовнику, покуда он жив, заказаны! А вот услуги Политотдела с его знаменитым Бункером (блоком 11) всегда открыты. Именно там он и провел свои первые шесть недель в Аушвице.

Регистратор Айгер⁵²⁵ присвоил ему номер 87215. Проникшись симпатией, он записал его не 16-, а 18-летним, по профессии – слесарем. Жить Фреймарка направили в блок 13 зоны VI в Биркенау, где старшим был французский еврей и большая сволочь (но не Шавиньский). Он попал в команду золотарей, ежедневно собиравшую содержимое параш по всему лагерю.

Далее – цитата из Фреймарка:

«Однажды, когда мы возвращались с работы, наша команда остановилась у блока 2, в котором в старом лагере жили члены зондеркомандо. Я увидел группу людей в гражданской одежде с красными нашивками на брюках и рубашках. Они смотрели на нас, мы на них. «Бросьте нам что-нибудь». Я вижу, они бросают нам хлеб. Тут один из них подошел ко мне и спросил: «Откуда ты?». – «Из Сувалок», ответил я. – «Среди нас есть один из Сувалок: Залман Градовский». Имя было мне знакомо, он принадлежал к религиозной семье. Они держали магазин одежды. Их было три брата, все раввины. Незадолго до начала войны Залман женился и переехал в иттел недалеко от Гродно.

⁵²¹ См. об этом выше.

⁵²² См. у самого Градовского, в главе «Расставание».

⁵²³ Об этом свидетельствуют, в частности, Фреймарк (в передаче Б. Марка) и Эйбшиц (YVA. М 99/944).

⁵²⁴ YVA. 03-2270. Отдельная благодарность И. Рабин, отыскавшей этот датированный маем 1962 г. документ и переведшей его на русский язык. В архиве ZIH обнаружен только один след этой переписки, а именно запись в журнале исходящей корреспонденции об ответе Б. Марка от 12 июня 1962 г.

⁵²⁵ Его имя еще не раз возникнет в этой книге.

И вот я встретился с Градовским, когда выносили парашу в нужник. Ко мне подошел человек. От него пахло горелым мясом. Выглядел он хорошо, был толстым. Он спросил, кто я. Я ответил: «Яков Фреймарк, с такой-то улицы». – «Что, сын Баритэса?» – «Да», ответил я.

Он заплакал, стал расспрашивать о судьбе родителей. Я объяснил, что ничего не знаю, потому что убежал в самом начале и прятался среди гоев. Он все плакал. Потом сказал, что впервые встречает кого-то из нашего города. «Ты будешь мне как брат».

Он вынул из кармана консервы и хлеб и велел съесть на месте. Сказал, что, если увидят у меня еду в блоке, отберут и убьют. Я попытался все быстро съесть, но я еще не мог жевать, потому что зубы шатались после бункера.

Он сказал: «Теперь не бойся, я буду о тебе заботиться, как о родном брате. Ты должен знать, что мы делаем для евреев все, что мы можем. К несчастью, мы попали в зондеркоммандо, но мы хотим спасти тех, кто остался в живых. Я и для незнакомых евреев делаю все, что могу».

Вскоре Градовского перевели в новый лагерь, который построили в Биркенау. Мне стало очень тяжело: голод, холод и боль усилились. Но вскоре Градовский нашел способ со мной связаться. Разные люди приносили мне еду. Однажды даже его, Градовского, капо Каминский – он спас тысячи людей. К сожалению, не все из спасенных остались в живых, но он помогал в самые тяжелые минуты.

Раввин из Минска⁵²⁶ был поставлен в зондеркоммандо при уборной. Однажды Фреймарк увидел его с листом молитвы и сказал ему: «Рабби, Ваша жизнь в опасности. Если Вас поймут, Вас убьют». Раввин ответил, что его жизнь все время в опасности, но что еще при жизни он хочет увидеть священный свет буквы: «Дитя мое, не бойся. Бог нас не оставит».

Градовский рассказал, что его не убили. Каминский принес оберкапо Людвигу⁵²⁷, убийце из убийц, лучшую еду и всякие подарки.

Градовский еще рассказал: «Мы смогли еще спасти парня из Макова. Его записали на селекцию. Его двоюродный брат работает со мной. Однажды при селекции записали латинское Л у его номера. Это означало Лейба. Нам удалось залезть в картотеку в «ширайб-штубе» и изменить это Л до неузнаваемости, а на его место в транспорт подсунуть мертвого. Так удалось его спасти. Но в Иом Киппур 43-го года он ушел с большой селекцией. Тут уж его брат не смеялся»⁵²⁸.

Однажды мне удалось пробраться в другой лагерь и в блок Градовского. Я увидел, что евреи в талитах и с тфилином стоят у боксов и молятся. «Как так?», спросил я.

Он сказал: «СС видит и не мешает. Они знают, что нам не жить долго. Поэтому нам дают вдоволь еды и выпивки, дают и молиться. Знают, что больше 6 месяцев нам не прожить. А откуда талит и тфилин? Это находится в тех вещах, что берут с собой в камеру евреи, – их последнее и самое дорогое».

Он еще и другое рассказывал и при этом все время кормил. «Ешь, ешь, укрепляй силы. И еще, скажу тебе: верь в Б-га. Как можешь и сколько можешь – молись».

Мне это запало в душу. С тех пор я стал верующим и смог привлечь к этому многих других».

Однажды Фреймарку довелось наблюдать «зондеркоммандо» за работой. Они перетаскивали трупы из бункеров-газовен к пылающим ямам – и при этом разговаривали, смеялись, курили. Долго не мог он постичь «равнодушия» членов «зондеркоммандо».

⁵²⁶ Скорее всего, это Л. Лангфус из Макова.

⁵²⁷ Оберкапо до Каминского был немец Август Брюк.

⁵²⁸ То есть не мог ничего сделать.

Из золотарей Фреймарк перебрался в команду «Канада», он сопровождал вещи покойников в крематорий I в штатмлагере Аушвица, где они проходили дезинфекцию⁵²⁹. Вскоре Фреймарк стал членом лагерного Сопротивления, и многие его перемещения были связаны с различными заданиями штаба. В том числе и из благополучной «Канады» в ткацкие мастерские, где он стал звеном в курьерской цепи, доходящей аж до Кракова. Там же, в мастерской, прятали и раз в день слушали радиоприемник. Когда его нашли, то капо Рыжика и многих других убили, после чего наступило затишье.

Покровительствуя земляку-мальчишке – вдвое младшему, чем он сам, – Градовский, видимо, не считал нужным говорить с ним о Сопротивлении. Когда Фреймарк должен был оставить привилегированную команду «Канада», Градовский всячески отговаривал его. Потому что в лагере ужасно, а в «Канаде» он сможет и выжить, и помогать другим. «Помни, – говорил он, – отсюда убежать нельзя. Но можно выждать и выжить». О себе же говорил, что скоро он и все остальные пойдут в «расход».

Это была их предпоследняя встреча, а последняя состоялась тогда, когда Фреймарк снова вернулся к труду «золотаря», но на сей раз на колесах. На своем «дерьмовозе» он заезжал и в такие места, как крематории: оттуда, между прочим, в дерьме вывозились в основной лагерь оговоренные заранее ценности. В последний же раз Градовский все торопил земляка уехать как можно скорей: видимо, знал об опасности, которую хотел отвести от своего названного брата.

При этом, судя по Фреймарку, Градовский совершенно не делился с мальцом ни сведениями о восстании «зондеркоммандо» или его подготовке, ни своими мучительными мыслями о смысле миссии «зондеркоммандо» и своей при этом собственной роли.

3

Члены «зондеркоммандо» хорошо себе представляли, что и как здесь происходит, и никаких иллюзий относительно собственного будущего не питали. Так что не случайно именно в их среде вышло и 7 октября 1944 года – на пятый день праздника Суккот – вспыхнуло беспрецедентное в своем роде восстание в главном лагере смерти – в Биркенау, где денно и ночно горели печи четырех из пяти аушвицких крематориев.

Символический смысл восстания понятен, но был ли еще и практический? Казалось бы, зачем был нужен этот обреченный на неуспех бунт, все участники и даже тайные помощники которого все равно наверняка будут убиты или казнены?

Один из ответов на этот вопрос дает сам Градовский в своих записках. В его голове не укладывалось: почему так бездействуют союзники? Почему с юга, с американских аэродромов в Италии⁵³⁰, или тем более с востока (начиная с июля 1944 года Красная Армия стояла всего в 90 км от знаменитой браны⁵³¹ с пресловутой сентенцией!⁵³²) – почему все не прилетают американские или советские самолеты и не бомбят эти печи и газовни, этот не знающий передышки конвейер смерти с суточной производительностью около четырех с половиной тысяч мертвецов?⁵³³ Почему?..

Выше, в главе «Что знали союзники об Аушвице?», ответы на этот вопрос – как лукаво благородный, так и цинично истинный – уже приводились. Градовский словно прочел позор-

⁵²⁹ По-видимому, посредством газа «Циклон», но разновидности А, нацеленной на насекомых.

⁵³⁰ Аэродром Фоджа в Южной Италии стал базой 15-й воздушной армии США еще в конце 1942 г., а с апреля 1943 г. оттуда начались дальние полеты в Польшу.

⁵³¹ Большие ворота (*пальск.*). Устойчиво употребляется для обозначения въездных сооружений в концлагерях.

⁵³² „Die Arbeit macht frei!“ – «Через труд на свободу!» (*нем.*)

⁵³³ Э. Айзенштадт сообщает, что зондеркоммандовцы, отвечавшие за поддержание огня, старались ночью подбрасывать побольше угля, чтобы пламя было лучше видно с самолетов (см.: *Greif*, 1999. S. 255).

ную переписку Мак-Клоя с Фришером и Кубовицким! Он словно заглянул в холодные и равнодушные глаза врагов своих врагов – и не нашел в них ни понимания, ни сострадания!..

Нельзя не поразиться точности и тонкости восприятия Градовским геополитической ситуации в мире, поистине невероятной в таких условиях. Но не менее точны и справедливы, хотя и очень горьки, выводы, к которым он, после такого анализа, приходит: *«Несмотря на хорошие известия, которые прорываются к нам, мы видим, что мир дает варварам возможность широкой рукой уничтожать и вырывать с корнем остатки еврейского народа. Создается впечатление, что союзные государства, победители мира, косвенно довольны страшной участью нашего народа».*

Что ж, членам «зондеркоммандо» оставалось полагаться только на себя, и они это делали. Запасались не только оружием, но и взрывчаткой, – а когда восстали, то первым делом они взорвали и подожгли крематорий IV, который так больше и не заработал. Вспыхнув – буквально – только на одном из крематориев, восстание сумело перекинуться еще на один – на II, а по некоторым сведениям, и на остальные крематории.

Одним из руководителей восстания был и Залман Градовский, работавший на мятежном IV крематории и геройски погибший в перестрелке с эсэсовцами, в неравном бою. Некоторые очевидцы называли его даже главным руководителем восстания⁵³⁴.

Но еще за месяцы до восстания он совершил два других своих подвига – подвиг летописца и подвиг конспиратора. Много месяцев вел он дневник и другие записи, в которых детально описал важнейшие процессы и события того ада, в котором оказался.

Шломо Драгон, постоянный дневальный барака «зондеркоммандо», так описал Градовского и его летописание: *«Залман Градовский из Гродно расспрашивал различных членов «зондеркоммандо», работавших на разных участках, и составлял списки людей, которых отравили газами и сожгли. Эти записи он закапывал возле крематория IV. <...> Градовский описал весь процесс уничтожения. Мало кто знал, что он вел эти записи; только я как иштубовый знал это. Мы старались создать ему условия для ведения записей, потому что обстановка, честно сказать, этому не способствовала. Его постель была у окна, чтобы у него было достаточно света для писания. Это мог только иштубовый обеспечить <...> Он говорил нам, что миру нужно оставить свидетельство о происходившем в лагере. Когда он начал записывать, мы уже точно знали, что наши шансы на выживание равны нулю. Всякий раз немцы убивали членов «зондеркоммандо», и кто же знал, что кто-то из нас сумеет уцелеть. <...> Градовский был среди нас и делал то же самое дело, что и мы. Хочу напомнить, что среди нас был еще один еврей, которого мы звали судьей – магид из Макова, Макова-Мазовецкого [Лейб Лангфус. – П.П.]. Он тоже писал, как и Градовский, оба спали на одних и тех же нарах. Градовский писал в тетрадках, которые заготавливал я. Для схронов он разработал целую методику: он клал бумаги в стеклянные емкости, напоминающую термосы...»⁵³⁵*

О том, что Градовский и магид писали по ночам свои дневники, которые потом прятали в бутылки, залепляли воском и закапывали, вспоминал и Э. Айзеншмидт⁵³⁶.

Залман Градовский сумел не только засвидетельствовать все происходящее (что и само по себе в условиях концлагеря было подвигом), – он сумел еще и надежно схоронить их для потомков, точно рассчитав даже то, где со временем вероятней всего пройдут раскопки. *«Я закопал это в яму с пеплом, как в самое надежное место, где, наверное, будут вести раскопки, чтобы найти следы миллионов погибших»,* – писал он в записной книжке⁵³⁷.

⁵³⁴ Например, члены «зондеркоммандо» Лейме Филишка и Авром-Берл Сокол (см. их свидетельства от 31.05.1946 в: ZIH, Relacje № 301/1868, на идише).

⁵³⁵ См.: Greif, 1999. S. 167–168.

⁵³⁶ См.: Greif, 1999. S. 276–279.

⁵³⁷ Есть указания и на то, что зондеркоммандовцы прятали в пепле также и культовые принадлежности, в том числе и свитки Торы.

В этих словах – уверенность в поражении зла, уверенность, несмотря ни на что. Так поступить и так написать мог только человек с очень большим кругозором и неистребимой верой в людей!

Об исторической ценности записок Градовского можно и не говорить: он нисколько не преувеличивал, когда – сразу на четырех языках – писал: *«Кто заинтересуется этим документом, тот получит богатый материал для истории»*. Вместе с записями других членов «зондеркоммандо» это прямой репортаж из самой глубины фабрики уничтожения – и, тем самым, не что иное, как важнейшее письменное свидетельство о Катастрофе.

Этого письменного свидетельства совершенно достаточно для того, чтобы прекратить все пошлые дебаты о том, «был» или «не был» Холокост⁵³⁸. Тем поразительней, что ни в одной из центральных экспозиций Шоа – ни в Иерусалиме, ни в Вашингтоне, ни в Берлине и ни в Париже – фигуре и деяниям Градовского не нашлось не просто заслуженного, а вообще хоть какого-то места!

Схроны и их содержимое

Сколько всего схронов заложил Градовский в аушвицкий грунт, мы не знаем и не узнаем уже никогда.

«Дорогой находчик, ищите везде!..» – зывал к потомкам Залман Градовский. И первый же из находчиков его рукописей в точности знал, где надо искать, – и нашел! Им был Шломо Драгон, бывший узник Аушвица и товарищ Градовского по «зондеркоммандо». 18 января 1945 года, во время массовой эвакуации лагеря («марша смерти») ему удалось уцелеть, бежав из колонны в районе Пшины. В конце января он вернулся в Польшу – сначала в свой родной Журомин под Варшавой, а оттуда – в свой бывший концлагерь, где он находился все время, пока там работала советская ЧГК. 5 марта 1945 года, во время раскопок – в точности там, где их предвидел Градовский! – в одной из ям с пеплом возле крематория IV в Биркенау он и обнаружил схрон Градовского⁵³⁹.

Раскопки велись в присутствии представителей ЧГК полковника⁵⁴⁰ Попова и эксперта по уголовным делам Н. Герасимова. Попову Ш. Драгон и передал свою находку⁵⁴¹ – обернутую резиной алюминиевую немецкую полевую фляжку с широким горлом (по-польски «менажку»). Передача и осмотр фляги были запротоколированы. Протокол же гласит:

«При осмотре установлено:

Фляга алюминиевая широкогорлая, немецкого образца, длиной 18 см, шириной 10 см. Горлышко в диаметре 5 см. Фляга закрыта алюминиевой завинчивающейся крышкой, внутри которой имеется резиновая прокладка. На одном боку фляга имеет вмятину и небольшое отверстие, через которое во фляге виден сверток бумаги.

При открытии фляги через горлышко извлечь содержимое не представилось возможным. С целью извлечения содержимого фляга была рассечена и содержимое извлечено.

⁵³⁸ Сами по себе эти «дебаты» во многих странах рассматриваются как преступные. Но не случайно отрицатели Холокоста, оспаривающие чуть ли не любое высказывание о нем, фактически «не замечают» свидетельств Градовского и других зондеркоммандовцев. См. об этом подробнее: Полян П. Отрицание и геополитика Холокоста // *Отрицание отрицания...*, 2008. С. 21–102.

⁵³⁹ Ср. с позднейшим интервью, взятым у Ш. Драгона Г. Грайфом: *«Залман Градовский из Гродно расспрашивал различных членов «зондеркоммандо», работавших на разных участках, и вел записи о людях, которых отправили газами и сожгли. Эти записи он закапывал возле крематория III. Я откопал эти записи сразу после освобождения и передал их советской комиссии... Комиссия забрала все материалы в Советский Союз. Я знаю, что там лежат еще и другие схроны с дневниками и рукописями погибших. Искать их надо напротив печей крематория. Точное место назвать не могу, так как после взрыва крематория местность изменилась»* (Greif, 1999. S. 167).

⁵⁴⁰ По другим сведениям – военного следователя, капитана юстиции.

⁵⁴¹ Об этом сообщается в материалах процесса против Хёсса, бывшего коменданта концлагеря Аушвиц.

При осмотре содержимого выявлено: записная книжка размером 14,5×10 см, в которой на 81 листах имеются записи на еврейском языке. Часть книжки оказалась подмоченной. В книжку вложено письмо на еврейском языке на двух листах. Книжка и письмо завернуты в два чистых листа бумаги. В чем и составлен протокол»⁵⁴².

Итак – первая весть от Залмана Градовского! Его записная книжка с вложенным в нее письмом, плотно закатанная в широкогорлую, но все же очень узкую солдатскую флягу, немного поврежденную, вероятнее всего, лопатой самого Ш. Драгона! Текст на идиш, по его же свидетельству, был немедленно переведен бывшим узником Аушвица д-ром Яковом Гордоном⁵⁴³.

За чисто медицинские аспекты нацистских преступлений в ЧГК «отвечал» профессор М.И. Авдеев, организовавший в годы войны систему учреждений военной судебно-медицинской экспертизы, которую сам и возглавлял до 1970 года⁵⁴⁴. Он, в свою очередь, позаботился о том, чтобы «менажка» и рукописи попали в Военно-медицинский музей Министерства обороны СССР⁵⁴⁵.

В музей поступление было зарегистрировано под четырьмя отдельными сигнатурами: № 21427 – это процитированный протокол осмотра алюминиевой фляги, № 21428 – сама фляга, № 21429 – письмо З. Градовского (рукопись и перевод на русский язык) и № 21430 – записная книжка З. Градовского, 82 листа⁵⁴⁶.

Два последних номера соответствуют двум различным документам, находившимся во фляжке⁵⁴⁷.

Немного о самой книжке. В обложке из черного коленкора, размером 148×108×10 мм, она была исписана синими и черными чернилами. Из ее первоначальных 90 страниц сохранились 82 – остальные были вырваны и, скорее всего, самим Градовским: для того, чтобы легче было затолкнуть ее в тесную фляжку. Большинство листов исписаны только с одной стороны; на страницах с 1-й по 39-ю текст написан на каждой строке, на страницах с 40-й по 73-ю – через строку, а с 74-й по 82-ю – снова на каждой строке. Несколько последних листов (с. 73–79) заполнены с обеих сторон. Каждая страница насчитывает от 20 до 38 строк.

Те же страницы, что сохранились и дошли до нас, изрядно пострадали от пребывания в сырой земле – они сильно подмочены и местами совершенно не читаемы. Прочтению, по оценке переводчицы, поддается лишь около 60 % текста, остальное размыто. Наибольшую трудность для расшифровки представляет верхняя часть страниц (от 2 до 17 строк) и самая нижняя строка, а также левый край всех страниц рукописи.

На фоне такой сохранности записной книжки не может не вызывать удивления отличное состояние письма. Вероятнее всего – о чем косвенно свидетельствует и его сам текст – Градовский, опасавшийся за герметичность схрона с записной книжкой, выкопал ее и перезахоронил в обернутой в резину фляжке, вложив в нее и наскоро написанное «Письмо»⁵⁴⁸. К оригиналам были приложены и имевшиеся в наличии переводы.

⁵⁴² См. подписанный военным следователем, капитаном юстиции А. Поповым и понятыми О.Н. Мищенко и С. Штейнбергом «Протокол осмотра алюминиевой широкогорлой фляги. 1945 года, марта 5 дня» (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 108. Д. 8. Л.171).

⁵⁴³ Greif. 1999. S. 167. См. об этом ниже.

⁵⁴⁴ Авдеев Михаил Иванович (1900–1977), главный судебно-медицинский эксперт СССР и начальник Центральной судебно-медицинской лаборатории Центрального военно-медицинского управления Министерства обороны СССР. В годы Великой Отечественной войны принимал активное участие в работе ЧГК.

⁵⁴⁵ Сообщено Валентином Петровичем Грицкевичем, одним из старейших научных сотрудников музея.

⁵⁴⁶ Кроме того, без номеров были зарегистрированы три экземпляра перевода записной книжки объемом в 16 страниц (из них 1-й экз. был отправлен в Москву), а также три катушки пленочных негативов и два 92-страничных комплекта отпечатков с этих негативов.

⁵⁴⁷ Их тексты и составляют первую и третью части настоящего издания.

⁵⁴⁸ Первоначальный схрон был, вероятно, бутылочным.

Надо ли говорить, какое громадное историческое – да и сугубо экспозиционное – значение имели эти предметы и тексты Градовского! Но они пролежали под спудом (точнее, на полках музея) на протяжении почти что 60 (шестидесяти!) лет – без малейшей попытки со стороны руководства музея сдуть с них пыль и открыть миру. Самое первое в СССР упоминание о документе проскользнуло (иначе не скажешь) в 1980 году – в составленном В.П. Грицкевичем каталоге «Воспоминания и дневники в фондах [Военно-медицинского] музея». Сделал он это на свой страх и риск, что потребовало от него известной настойчивости и даже мужества⁵⁴⁹

⁵⁴⁹ Это явствует из его письма к автору от 26 января 2005 г. (в архиве П.М. Поляна).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.